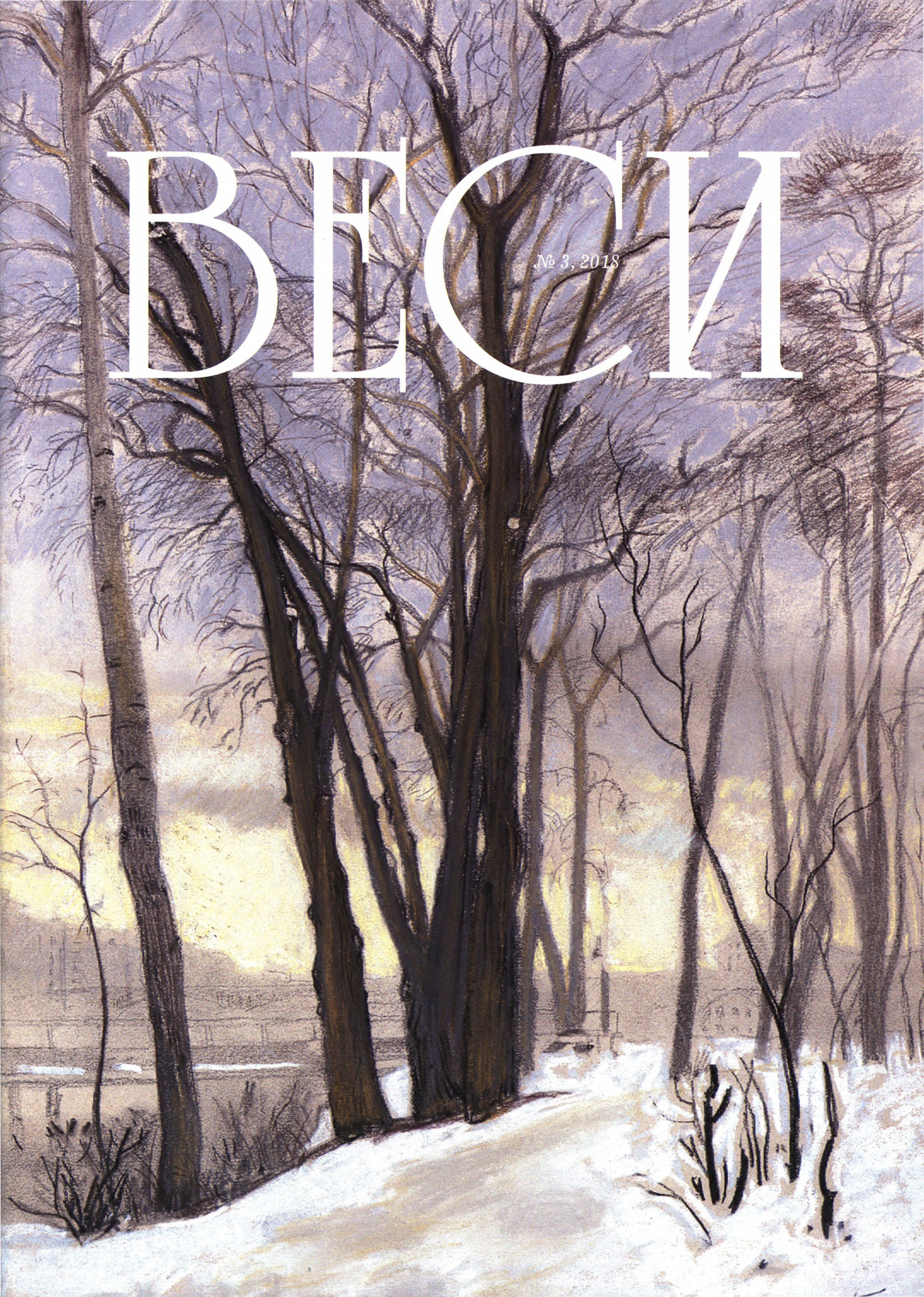

ВЕСИ
№ 3, 2018

Сирень.

Я вижу край небес в дали безбрежной
и ясную зарю.
С моей душой, безумной и мятежной,
с душою говорю.
З.Гиппиус

КРАСОТОЮ ОЧАРОВАН: АЛЕКСАНДР БЕРСЕНЁВ

Александр Самойлович Берсенёв – мастер пастельной живописи. Портретист, пейзажист, монументалист, дизайнер, преподаватель (Институт урбанистики УГАХУ, Взрослая вечерняя художественная школа им. П.П.Хожателева, художественная изостудия для взрослых «Гений»). Член Союза дизайнеров России. Родился 17 июля 1949 г. в совхозе «Пионер» Талицкого района Свердловской области в простой крестьянской семье, где почтительное отношение к труду воспитывалось с детства. Александр был пятым ребенком в семье, всегда рисовал, пробовал делать дружеские шаржи и мечтал стать художником. Родители поощряли его увлечение и отпустили учиться в Свердловск. В 1966 г. окончил художественное профессионально-техническое училище № 42 по специальности «Художественная обработка камня». С 1966 по 1967 гг. работал гранильщиком поделочных камней на Свердловской гранильной фабрике. С любовью и интересом он относился к уральскому камню, резал и обрабатывал его.

Другая страница жизни, которая и предопределила творческий путь А.Берсенёва, – учеба в Свердловском архитектурном институте (1969–1975), который он закончил по специальности «Промышленный дизайн». Он много работал как художник-монументалист. Им были созданы мозаики в Лысьве, витражи в ТЮЗе, росписи в детских садах, банках, больницах в Екатеринбурге и области. Эта профессиональная сфера получила свое воплощение, в ней он применил свой талант дизайнера и монументалиста, вложил свои знания, опыт, реализовал амбиций. Станковая живопись – духовная, камерная сторона его творчества, была, что называется, занятием «для души».

(Окончание на стр. 39)

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

Корректор номера
Владимир Иванов

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mai : ukbkin@gmai .com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

На обложке: (1) Картина А.Берсенёва «Тополя», (4) Неизвестный художник «Встреча с патрулем».

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990 г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Дата выхода в свет 27.04.2018 г.
Заказ № 330.

Тираж 2500 экз.
Цена свободная.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

«Ой, извините, у меня вторая линия!»

И в вашей трубке – пустота.

«Что-то сегодня Интернет глючит...»

И вы можете целую ночь сидеть и ждать ответа и не дождетесь.

Можно «забанить», можно занести в черный список, можно включить «невидимку» – много чего еще можно сделать, чтобы «не было» связи.

Вот, раньше письмо написал и отправил. Оно – цок-цок-цок – пока дойдет до адресата, пока тот порадуется, пока ответит, пока ответ – цок-цок-цок – придет писавшему – и так всю жизнь! Такая вот надежная связь, когда люди уважают и ценят друг друга, когда интересно вместе, когда души их пришли не по касательной, когда та самая Встреча состоялась...

А спустя столетия мы читаем томики с письмами как самый увлекательный роман, высшее проявление человеческих чувств и эмоций – целая совместная жизнь, соединенная ниточками писем, самыми надежными, потому что связь – это не электричество, не плохая погода, не отсутствие спутников, не уставшие лошади и не закрытые границы.

Связь между людьми – это осознанное стремление находиться в жизни человека и способность простыми словами делать для него то, что ему больше всего необходимо в этот момент.

Почему-то сегодня произведения классиков принято называть «текстами»...

А вместо ответа по существу говорить: «Я тебя услышал».

Когда я спросила одного знакомого, зачем он ставит в текст такое огромное количество смайликов, он ответил: «А как же я еще смогу выразить свои чувства?..»

А я сижу, смотрю на эти безумные розочки, мордочки, пукающие сердечки и прочую лабудень и думаю: «Как же раньше-то мы без всего этого обходились и умудрялись обыкновенными словами признаваться в любви, передавать самые тончайшие движения души и едва уловимые нюансы чувств... А если вдруг чувства уходили, то мы не забивали человека в «черный список», а теми же обыкновенными словами объясняли причины, переживали и жили дальше».

А если серьезно, то связь нынешняя, в смысле Интернет, сотовая, спутниковая – просто замечательная! Я бы сказала – чудо, а не связь!

Главное, чтобы было кому и зачем связываться.

Главный редактор
Татьяна Богина

ВЕСИ

№ 3 (141)' 2018
апрель

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ДЕСЯТЬ РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2018 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс на сайте http://www.ural-press.ru/
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.
Сотрудничество с зарубежными подписчиками:
Кудрявцева Елена +7(495)961-23-62 доб. 3777 kudr@ural-press.ru.

Журнал удостоен медалей

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

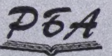
Выпуск журнала осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization

World Federation of UNESCO clubs, centers and associations

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Российской библиотечной ассоциации и Российского представительства TICCIH.

Международный Комитет по Сохранению Индустриального Наследия. Российское представительство.

ЗМЕЙ, ИЛИ ТУДА И ОБРАТНО

Много в природе дивных сил, но сильнее человека нет.

Софокл.

Юрий ГОНЧАРОВ

г. Екатеринбург.

ПРОЛОГ

Где-то далеко-далеко и давным-давно это было.

Там в лесу хозяйничает леший, в реках и озерах водяные лениво и неспешно правят своими русалками, в своей избушке на куриных ногах живет-поживает Баба Яга.

А может, сказки все это? Кто знает...

На краю дремучего леса стояла большая деревня Берестянка. По привычке деревней-то называлась, а так – городок, и немалый! Дворов почти что сотня, церковь из вековых дубов рубленная, на проезжей дороге постоялый двор с трактиром дородного Абросима, а рядом Тит Титыч, справный мужик, лавку держал.

Деревня богатая. По тракту народ то в город, то из города ездит, ярмарка каждую неделю. По речке Суловке богатые гости то вниз, то вверх с товарами на стругах идут. Скоморохи, бывало, целые представления показывают. На жирном черноземе – тучные ржаные поля. Сады-огороды – тоже в хозяйстве подспорье большое, а когда стадо с лугов возвращается, почитай, всю широкую улицу из конца в конец перегораживает.

Вот скотину и повадился змей воровать. Налетит, напугает, выберет себе коровенку пожирнее и тут же задерет, а, бывало, живьем какую-нибудь телочку в когтях в небеса унесет. На людей не нападал, но когда дед Ерема попытался у змея телку бабки Дуни отбить, так махнул крылом, что старинушка неделю на печке отлеживался.

Мужики о такой напасти только от стариков и слышали. Всё сказками считали, а оно вон как получилось!

Поговорили с батюшкой, а у того одна песня: «За грехи, говорит, вам, в Бога не веруете!» А когда народ сделать чегой-нибудь попросил, в смущении только руками развел. Нет ничего в священном писании о спасении от такой напасти! Егорий победил змея, так это когда было!

Судили-рядили на завалинке, затылки чесали. Сухой, жилистый Лука Демьяныч, деревенский староста, порешил уже к князю послать.

А на нашего Порфирия Глебыча тоже не велика надежа! Он с троюродным братом волости всё разделить не может. Тит Титыч, когда за товаром в город ездил, баял: вои на сторожевой башне бдят, дружина в детинце безвылазно сидит. Вроде как князь Григорий шибко зол на брата, что он намедни полсотни смердов к себе увел и деревеньку Краснуху спалил. Какая уж от него помощь и выручка!

Тут к мужикам приковылял дед Корней Сидорыч. Известный травник, ворожей, да мастер сказки сказывать. Оперся на клюку, руку к уху приложил, стоит, слушает. Мужики подвинулись, место, ему уступая, а он рукой махнул и говорит:

– Вы, детушки, в него огненные стрелы пускайте!

– Так стрелы его не берут, дедушка!

– В него не простыми стрелами надо стрелять, а огненными! Смолой наконечник намажьте, подпалите и пускайте! Змеи, они огня-то боятся! В старину этих змеев было – не счесть! Только огненными стрелами и спасались, а вообще-то гнездо еёнишнее зорить надобно. Сдается мне, что не змей это, а змейка. Она недаром так отъедается: змеят поди выводить собралась.

– А ты, дедушка, почто решил, что это баба, змеиха-то? – спросил внимательно слушавший Лука Демьяныч.

– Так Ерема баял, что черный с серым аспид ентот, а сам змей с

прозеленью, али синевой отливает, а крылы у него скрасна!

Порешили все-таки князю медом да шерстью поклониться, попросить, чтоб защитил сирот своих. У Луки Демьяныча еще думка появилась, что под змеево дело повоз маленько сократить. Сам решил к князю поехать да пожалиться, что совсем оскудел змей деревню-то.

А пока, конечно, стрелы заготовили и двух отроков посмелее отрядили. Тем и лестно и боязно, но за коровами ходить – не косой махать! Как раз время сенокоса наступило.

Змей на третий день прилетел. Макар с Егором, так парней звали, сразу в горшочек с углями заготовленный стрелы опустили, подпалили и ждут. Змей круг над стадом заложил и к коровам! Парни еще подивились, как это дед Ерема на такое чудище с батогом осмелился напасть! Змей саженей шесть с хвостом! Шкура почти черная, снизу вроде как посветлее.

Руки парней от волнения дрогнули, и первые стрелы с дымным следом ушли далеко в сторону. Дед Ерема тут же подал уже горящие.

А змей уже когти над стадом выпустил!

В этот раз парни не промахнулись. Обе стрелы попали в змея. Одна в крыло, другая от чешуи на животе отскочила. Чудище суматошно замахало крыльями.

–А! Не ндравится! – дед подал ребятам очередные стрелы. – Давай, детушки, под крылы ему бейте!

Змей рывками поднимается. Одна стрела отлетела от крыла, вторая – от ветра взмахов крыльев повернулась и боком попала в чешую ближе к хвосту. Парни в горячке выпустили еще по две стрелы, но змей на глазах уменьшается, стрелы с дымным следом не долетели до него, чудище рывками поднимается вверх и в сторону. Коровы, подняв хвосты, разбегаются по лугу.

Еще два раза змей прилетал, и оба раза отроки его огненными стрелами отгоняли. Прошла неделя, пошла вторая, змея не видно. Деревня вздохнула свободно, решили, что отвадили аспида.

Лука Демьяныч от князя ни с чем вернулся. Порфирий Глебыч, правда, пообещал, как поспокойнее будет, воев прислать, но от них проку-то – чуть! Княжеские отроки, известно, мастера только за девками на вечерках ухлестывать, да на сале деревенском отъедаться!

С повозом дело тоже не выгорело. Сокращать князь наотрез отказался. Наоборот, хотел в этот год с Берестянки поболе взять, еле-еле Лука Демьяныч уломал Порфирия Глебыча прежний повоз принять.

Как раз в ночь на Ильин день и стряслась опять беда. Змей в покое деревню не оставил. Придумало это чудище на коней в ночном нападать.

Испокон веков в ночное пацаны что постарше ходят, вот и на этот раз пятеро ребятишек коней стерегли.

Парнишки заметили, что кони забеспокоились. Захрапели, и в разные стороны, только земля под копытами загудела! Ребятишки смотрят: что-то темное, большое посреди луга зашевелилось, а когда желтые глаза блеснули, Гераська, самый младший, закричал дурным голосом! Парнишки как раз сказки страшные друг дружке рассказывали, а тут такая страсть!

Пока в деревню прибежали, мужиков подняли, змей у Абросима жеребенка-стригунка уволок да кобыле, видно, за жеребенка заступалась, всю спину когтями разодрал.

До позднего утра мужики коней по оврагам да кустам собирали. Жеребца Терентия с тремя кобылами аж за речкой нашли!

Гераська Ульянкин после того заикаться стал, вот как змея напугался! Хорошо, дед Корней водой как-то умеет заик отливать.

Абросим даже с лица спал, жалел стригунка-то! Кобылу-то он аж в Крутояриху водил к татарскому бегунку случать, а оно вон как обернулось!

Опять собрались мужики рядить, судить.

Князь воев так и не прислал. У него с братом Григорием целая война образовалась. Мужики слышали, что игумен с лавры их стыдить и мирить едет, хочет в братской любви крест целовать заставить.

А змей уже в Горелом Ключе, деревня в соседях с Берестянкой, что вниз по Сулейке в семи верстах стоит, коровенку задрал. Мужики, конечно, про огненные стрелы горельцам рассказали, так теперь это чудище ночью повадилось на коней нападать!

Делать нечего: решили по двое мужиков со всех дворов будут дозором табун обходить. Придется огненными стрелами опять змея, теперь уже по ночам, отгонять. Больше мужикам ничего на ум не пришло. Конечно, надо бы по совету деда Корнея змеиное логово искать и зорить, но кто возьмется и когда? Уже и страда подходит, да и не мужицкое это дело со змеем воевать!

Четыре ночи караулили – нету змея. Мужики стали поговаривать, что он, может, где другое пропитание нашел? Под это дело, кто поленивее, норовил дома у жены под боком остаться. Известное дело – как для общества постараться – у нас мало охотников! Но мужиков тоже понять можно: целый день в своем хозяйстве наломается, а в ночь иди еще и змея карауль!

В этот раз выпало Ване, младшему сыну Терентия, коней сторожить. Петр, волосатого Герасима парень, отпросился. Вроде как у него живот прихватило.

Иван у Терентия – третий сын. Вперемежку у них с Маланьей еще две дочки замужние. Оксана в отцовский дом примака-немчина привела. Олегом-то его отец Евлампий окрестил, да он и сам теперь отзывается, а на самом деле у него имя русскому человеку и не выговорить, чудное какое-то. Он в плен попал, его богатый гость грек купил. Как вниз по Сулейке шли, он и заболел, при смерти был. Грек его оставил, за ради бога, своему приятелю, Тит Титычу. К зиме немчин выздоровел и в лавке помаленьку стал помогать. Парень – клад оказался. Обходительный, всегда с улыбкой, счет знает, скоро не только речью русской овладел, но и письменную разуметь стал. Вскоре немчин этот в приказчики выбился. Самое главное, честный парень оказался, все деньги до грошика хозяину отдавал! Тот вначале проверял, а потом бросил. Тит Титыч – купец умный, всегда понимает, где его выгода, и немчину деньги за работу положил честные, тот скоро из кабалы и выкупился. Начал на вечерки ходить, дело-то молодое! Там с Оксаной у них и сладилось! Веру только свою басурманскую менять не хотел, но когда в ноги к Терентию вместе с Оксаной упали, чтобы свадьбу сыграть, и окрестил его отец Евлампий.

Вторую дочку, Наталку, в Соколовку просватали за кузнеца. Архип-кузнец – мастер отменный, но в Соколовке ему простору нету. Деревня маленькая, да и на отшибе стоит. Терентий все его к себе манит, и дом обещает срубить, и на подъем деньгами ссудить. Архип все не решается; в Соколовке-то у него вся родня!

Все три сына с отцом живут. Старшие, Андрей с Остапом, уже женатые, но из отцовской воли не выходят. Андрею невесту богатую взяли, из купеческого роду. Терентий помог молодым избу рядом со своим домом срубить.

Семейство справное, здоровьем и умом Бог не обидел, да и работников вон сколько! В сенокос и страду по трое-пятеро поденщиков нанимают, а двое своих, деревенских, у Терентия в кабале.

Иван у Терентия с Маланьей самый младший, но и баловали его: известное дело – последыш. Но баловнем Ваня не стал, не такой мужик Терентий, чтобы до этого допустить, но был какой-то задумчивый что ли. Все братья в отца: высокие да кряжистые, но Иван и из них выделялся. Ростом на голову самого высокого Андрея перерос, а плечистей его не то что в деревне, но и в других местах поискать надобно, да и найдешь ли! Румянец во всю щеку, нос терентьевский уточкой, волос темный с рыжинкой, глаза материнские спокойные, зеленые и, конечно, конопушки вокруг носа рассыпаны.

Нравом парень уродился не то что робкий, тихий какой-то, но парни как-то раз на вечерке вывели его из себя, а потом покаялись! «Тихий» Ваня их от дома вдовы Акулины до самой поскотины с оглоблей гнал. Макарке, Анисима сыну, цепные кобели Абросима новые порты порвали! После того случая парни остерегались Ивана раззадоривать.

А он любил из дерева разных зверюшек вырезать, а то из глины ребятишкам свистульки наделает, обожжет, они и рады. Тит Титыч как-то к Ивану подъезжал, чтобы тот на продажу разные резные штуки делал, а он в своей лавке продавать станет, но тут Терентий на дыбы встал: в доме и в поле работы невпроворот, а сынок безделицами заниматься будет! Все знают: Терентий нравом крут, Тит Титыч отступился, а с другой стороны и такая денежка в доме всегда бы сгодилась.

Когда мельницу на речке Берестянке рубили, Терентий из города мастера позвал. Мужик – мастер первостатейный, но с норовом! Уже первые венцы положили, мастер начал колесо готовить, накрыла Маланья стол. Сидели, как водится. Спор какой-то из-за пустяка у Терентия с мастером вышел. Слово за слово, разругались. Терентий разгорячился и мастеру оплеуху отвесил! Тот хоть и норовистый, но поостерегся на Терентия налетать, а встал, плюнул на пол, бросил задаток и говорит

– Как хошь, так и делай свою мельницу! – развернулся и со двора долой!

Терентий, конечно, расстроился! Уже столько трудов на эту мельницу положил, на жернова денег не хватило, пришлось в городе в рост брать, а теперь, где вдруг мастера другого найдешь!

Иван отца успокаивает: не кручинься, говорит, тятенька, я сам мельницу сделаю.

Устроил ведь Иван мельницу, и мастер не понадобился! Съездил к Архипу в Соколовку, в Горелом всю мельницу облазил, а потом и за свою взялся. Конечно, прокопался подольше, чем городской мастер, но зато сам все изладил. Мельница вышла на славу! Мелет как хочешь: хоть гречку, хоть рожь! Сам Иван и настраивал. Народ удивлялся: ведь Ване-то еще и восемнадцати не было, а вон какую махину поднял!

А то взялся, еще совсем малец был, грамоту осваивать. Две зимы к попу Евлампию бегал. Вообще в крестьянском деле грамота без надобности, но Терентий далеко вперед зрит: мало ли как обернется! Есть у него задумка: не богатым гостям хлеб продавать, а самому со стругами до Царьграда сходить! Там цены-то совсем другие! Но эта задумка пока еще только далекой задумкой и остается. У попа грамоте Ваня не один обучался. Батюшка и свое чадо, Алешку, учил. Там они и подружились. Алешка Ване однолеток, но совсем другого теста малец. Даром что попович, а в мальчишечьих проделках – первый сорванец! Какая каверза парнишками придумана – Алешку смело можно драть, не ошибешься! Вырос Алексей на девичью погибель. Волос цвета спелой ржи вьется, брови, ресницы – как углем подведенные, глаза карие с поволокой, лицо точеное, как на монетах грецких – глаз не оторвать!

В первый раз его Акулина со своей Любкой на сеновале поймала, Алешка огородами убег. Ну и пошло-поехало! Сколько он их в своей деревне перебрал, в Соколовке, в Горелом... не перечесть! Хватил с ним батюшка грехов, полные охапки!

В кого он у них такой – вся деревня дивилась! Сам батюшка тихий да смирный, правда, попадья у него Серафима язва, каких поискать! Детьми-то их Бог обидел. Алешка старший, да Мария, на два года помладше, и все! Серафима все чегой-то болела. То здесь у нее колет, то там стреляет! Все какие-то травы да отвары пользует, а все без толку. Батюшка Евлампий у нее под каблуком крепко сидит. Бабы у колодца судачили, что Серафима нарочно себе болячки придумывает, чтобы у батюшки на шее крепче сидеть.

Поп свое чадо непутевое услал во Владимирский монастырь, чтобы он там учение постигал. Вся Берестянка без Алешки вздохнула свободно. Особливо родители взрослых дочек да и многие мужики, на молодухах женатые. Только какая-нибудь девка или баба молодая вздохнет украдкой, Алешкины кудри вспоминая.

Чуть больше полугода деревня без этого шалопая отдыхала. Однажды явился он к батюшке с повинной головой.

В монастыре устав строгий, братия смиренные, а тут появляется само воплощение греха в ангельском обличии! Боярыня из знатного рода Буйносовых в монастырь на богомолье приехала и перед чарами Алешкиными не устояла. Когда этот грех случайно открылся, оказалось, что сам брат келарь послушнику Алексею потворствовал и даже собственную келью оставлял, а сам удалялся. Игумен в гневе чуть всю троицу анафеме не предал! Брата келаря в дальний монастырь на строгое послушание услал, Алешку хотел постригу придать, да бог спас. Да и игумен, когда остыл, одумался. Зачем ему в монастыре такая заноза! Да еще, не дай

господь, боярин Буйносов узнает, не посмотрит на ангельский чин...

Отстоял заблудший вьюнош на коленях сколько положено, отбил земных поклонов немерено, и отослал его игумен к отцу со строгим наказом пред светлые очи больше не появляться.

Долго поп с попадьей голову ломали, что с этаким озорником делать? Наконец батюшка позвал чадо и огорошил своим решением:

– Решили мы с матушкой оженить тебя, чтобы ты больше не колобродил и девок не портил!

Алеша остолбенел. Стоял как громом пораженный. Вдруг упал перед отцом на колени:

– Не губите, батюшка!

– Ты с ума сказился?! Мы ведь с матушкой добра тебе хотим... Оженишься, дети пойдут, не до проказ будет!

– Не хочу я жениться! Да и на ком?..

– Вот тебе раз! Портить девок так он мастак, а как жениться, так не на ком! Вон хоть у кузнеца дочка Травка на выданье. Красавица, умница, чем тебе не пара!

– Батюшка, не погуби! Не встретил я еще такую, чтобы ожениться раз и навсегда!

Отец Евлампий в сердцах ударил кулаком по столу:

– Вот тебе моя воля: три дня думай, и сватов засылаем! Кого хошь выбирай, но жениться я тебя все равно заставлю! Хватит с тобой греховодничать!

1

Раскаленный шар солнца скатывался за бугор, когда Ваня поехал на своем Игреньке в ночное. За день в поле наработался, дома еще воды скотине натаскал да коровник вычистил.

Кони паслись в излучине Суловки. Закат окрасил светящимся кумачовым светом воду и коней. Неясными, уже размытыми пятнами виднелись кусты. Дубы на той стороне тяжелой темно-багровой листвой недвижимо отражались в спокойной, алой воде.

Иван развел костерок. Тьма сгустилась и обступила огонек со всех сторон. Луна скрылась за облаками, и только изредка призрачным, бледным кругом проглядывала иногда из редких просветов.

Сон сладким, невесомым туманом смеживал веки. Хотелось упасть на манящую траву и хоть на миг прикрыться тяжелыми ресницами. Попробовал ходить, петь. Кони недоуменно поднимали головы на необычного пастуха. Замолчал. Снова присел к уже подернутым серым налетом углям костра...

Ужас ночного кошмара смотрел прямо в душу Ивана. Спросонья отмахнулся и, просыпаясь, почувствовал под рукой дубленую шкуру чудовища. Волна удушающего страха мгновенно поднялась откуда-то снизу, и, когда дошла до горла, Иван закричал. Глаза отдалились, сплющились, открылась огромная пасть, и на кричащего Ивана пахнуло запахом свежей крови и чего-то сладкого и отвратного. В свете тусклой луны блеснули кинжальные зубы. Даже в этом сумрачном свете Ваня каким-то обостренным зрением увидел алый налет на этих страшных зубах.

Человек не должен видеть этих чудовищ. Они из иного мира, который не знал людей и даже не представлял, что они когда-нибудь появятся. Этот жестокий мир пропал в глубине веков, и только немногие осколки, по странному капризу Всевышнего, дожили до человека.

Ваня попытался вскочить, пробежал несколько саженей на четвереньках, вскочил и, подвывая от страха, бросился прочь. Летел, не разбирая дороги. За спиной слышал слитный топот догоняющего чудища. От тяжелой туши дрожала под ногами земля. Иван попытался бежать еще быстрее, споткнулся, перекувырнулся через голову. Подняться уже не успел. Чудовище встало как вкопанное. Лошадиная голова наклонилась над Ваней. Игренька бархатными губами коснулся лица хозяина.

– Игренюшка! – с огромным облегчением гладил Иван дрожащей рукой морду испуганного коня. Потрогал оборванный плетеный повод и отрешенно подумал, что первый раз в жизни видит, как у коня по всему телу шерсть стоит дыбом. Даже аккуратно подстриженная грива прямым ежиком торчит на лошадиной шее. Игренька косил испуганным, блестящим глазом в сторону оставленной поляны. Со всех сторон слышится топот испуганных коней, жалобное ржание. Змей безнаказанно разбойничает в беззащитном табуне.

Испуг Ивана постепенно отпускал. Лихорадочно начал думать, как спасти коней, но ничего путного в голову не приходило. Представил змея и снова, с холодом в груди, увидел безжалостные глаза чужого мира.

Топот стихал, и вдруг прямо над головой Ивана донеслось жалобное ржание маленького жеребенка. Бессильно погрозил небу кулаком. Хотел сесть в седло, но почувствовал неудобство от мокрых портов. Пришлось идти на речку стираться.

Змей наделал бед. Помимо унесенного жеребенка одна из кобыл сломала ногу, задрал змей еще и Антипова мерина.

В деревне Ивана осуждали. Нашлись горячие головы, что предложили выпороть парня перед всем миром.

Иван предстал перед мужиками, поклонился обществу в пояс и сказал:

– Простите, люди добрые, что коней не уберег! Каюсь, притомился за день и заснул. Но слово даю всему обчеству, что найду этого аспида и убью!

Мужики поразились, как окостенело и осунулось лицо парня за одну ночь. Потрясенные молчали. Иван еще раз неловко поклонился и пошел восвояси.

Дома, узнав о решении сына, Маланья заплакала, Терентий ворчал:

– Куда тебе змея воевать! У князя для этого дела вои есть!

Но больше ворчал для порядка. Отец был удивлен смелым решением сына, хотя и боялся за него, но в глубине души гордился его уверенными словами. Еще он знал: отговаривать Ивана бесполезно, легче упрямого быка сдвинуть с места.

– Ты, Ваня, ложись, поспи. Вечером все соберемся, поговорим.

Терентий увел домашних в поле, Иван послушался совета отца и с облегчением рухнул в постель.

Разбудил его Алеша. Иван кулаками тер заспанные глаза.

– Я слыхал: ты змея собрался воевать?

Ваня молча кивнул.

– Я с тобой пойду!

Иван с недоумением уставился на друга:

– Тебе-то это по что?

– Меня маманя с батяней оженить собрались.

Ваня с недоверием посмотрел на озабоченное лицо друга и рассмеялся.

– Ну и женися! Змей-то здеся при чем?

– Тебе бы все хиханьки да хаханьки, а я жениться не хочу!

Иван в сомнении покачал головой:

– Это дело не шутейное! Я пока змея не победю, домой не вернусь! А что тебе не жениться? Вон у кузнеца Травка, девка в самом соку.

– Да что вы с этой Травкой ко мне все вяжетесь! Ты посмотри на ее мать тетку Домну! Она троих родила, и расперло ее как квашню в бадье! И она такая же будет, если еще не дородней!

– Что тебе обязательно со мной на змея идти? Я, конечно, рад, – поправился Иван. – Но я бы лучше женился, чем с этой тварью связываться!

Алеша возмущенно затряс головой:

– Не хочу я на никакой девке жениться, а батюшка мне три дня дал и велел сватов засылать! Я, может, не встретил еще деву, чтобы с ней всю жизнь прожить и не каяться, а меня насильно оженят, и буду я на нее как на главного своего ворога смотреть. В общем, решено: вместе будем змея добывать!

Вечером усталые мужики сидели за столом. Маланья с беременной Оксаной собирали ужин. Стук в дверь. Появился Лука Демьяныч. Перекрестился на икону.

– Хлеб да соль!

– С нами за стол! – пригласил, вставая, Терентий.

– Не откажусь!

Оксана подала еще одну ложку. Терентий усаживает Луку Демьяновича, садится сам. Все молча и сосредоточенно начали есть гороховую кашу, обильно политую конопляным маслом, по очереди опуская ложки в одну общую чашку.

Староста похвалил хозяйку и начал разговор, ради которого и пришел:

– Дело, что Иван задумал, конечно, доброе! Ежели змея порешит – всему обчеству большую услугу и пользу сделает. Все это так, а с другой стороны, дело это не простое. Ко мне Алешка подходил, попа Евлампия сын. Просится с Иваном на змея идтить. Ты как на это глядишь? – Лука Демьяныч вопросительно посмотрел на Ивана. Тот утвердительно кивнул. Староста тоже одобрительно кивнул:

– И я так думаю. Отрок он здоровый, не чета, конечно, Ивану, но тоже... он еще и умом изворотлив. Пусть обчеству послужит, не все ему с девками хороводиться! – улыбнулся. – Теперя еще такое дело... Расходы вам с Алешкой предстоят немалые: оружие надобно, пропитание, пока до змея доберетесь...

В это время опять раздался стук в дверь. Тяжело опираясь на клюку, вошел дед Корней Сидорович.

– Гостей принимаете? – с трудом, кряхтя уселся на лавку. – Маланьюшка! Налила бы ты, девка, мне кваску... жара... сил моих нету, поди к грозе парит так! – снял шапку, чистой тряпочкой вытер блестящую, бледную лысину.

– Чего замолчали, детушки? Поди Ванюшу на подвиг готовите? – повернулся к Ивану. – Ты, внучек, главное это чудище не бойся! Конечно, опасаться надобно! Такая громадина не посмотрит на твое здоровье, одним крылом зашибет! Но бояться его не надобно! Эти твари каким-то нюхом чуют, когда их боятся! Помни, что ты человек, а значится всякой зверине властелин! А змей, какой бы здоровый он ни был, все равно из мяса и костей состоит, как и все мы, грешные. Я-то про них мало что помню и хочу тебя надоумить: к моему дружку давнему в город отправить. Зовут его Фаддей Ильич, живет в черной слободе. Найдешь там улицу Гончарную, в конце и стоит его терем. Как будто на горке... да там любого спроси – покажут. Он меня маленько помладше, но однажды ходил с мужиками на змея. Соцкий Волчий Хвост их водил. Каку-то засеку они строили из цельных деревьев... Знать бы, что так дело повернется – расспросил бы! Должен ишо Фадейка живой быть! По весне мине от него поклон передавали. Старик бывалый! Что ты! Раньше до Царьграда с гостями ходил, от злых людей оборонял, потом свои лодьи водил, потом ссыпные амбары держал... Сейчас на покое, сыны управляются. – посмотрел на заскучавших мужиков и сам прервал себя: – Разболтался я, старый стал... а Фаддейку ты найди! Он много чего подсказать могет.

Ушедшее солнце озаряло розовым светом сизые облака. Наступали сумерки. Иван дождался наконец Машу. Стояли рядом, держались за руки.

– Не ходил бы ты на этого змея... Князь ведь обещал ратников прислать!

Я обчеству слово дал! Его все равно убивать надобно! А ежели это, правда, змеиха, как дед Корней баит? Выведет змеят, а им тоже пропитание надобно... Почнет ведь и на людев налетать!

Тем временем совсем стемнело, грозовые тучи обошли деревню стороной и ушли за горизонт, только молодой месяц прикрылся светящимся облаком, в чистом фиолетовом небе в туманной дымке – млечный путь.

– Ты не замерзла? - Ваня зябко передернул плечами.

– Да, нет.

Иван робко обнял Машу. Девушка напряглась, но молчала. Ваня попытался прижать ее к себе, и вдруг рука его наполнилась... Через мгновение щеку обожгло. Маленькая твердая ладошка залепила звонкую пощечину. Ваня, закрывая щеку рукой, с ужасом смотрел на Машу.

– Ты как тот козел! Только пусти в огород!

– Я не хотел! Оно само получилось...

С большим трудом Ваня уговорил Машу не уходить...

Теперь он уже не осмеливался обнимать девушку. Молча шли к околице. Прервала молчание Маша:

– Я тебе накидку на туло вышила, чтобы стрелы не мокрели...

– Спасибо! – Иван сжал теплую Машину ладошку. – Ты ждать-то меня будешь?

Он с надеждой взглянул в лицо девушке. Маша потупила глаза и тихонько вздохнула:

– Куда же я денусь, буду... С тобой ведь и Алешка наш идет.

Вскоре Маша засобиралась домой. Как ни уговаривал ее Ваня, она оставалась непреклонной. И вот они уже стоят у ворот поповского дома. Иван держит Машины руки и не знает, что сказать на прощание. Вдруг она резко выдернула руки, порывисто обняла парня за шею

и невесомым поцелуем коснулась подбородка Ивана, опешивший, он попытался обнять упругое девичье тело, но Маша ужом выскользнула и через миг оказалась уже за воротами. Парень услышал, как хлопнула дверь. Постоял и с блаженной улыбкой пошел домой. О многом грезилось и мечталось ему, пока не увидел смутные очертания ворот отчего дома, который завтра предстояло надолго покинуть.

Выехали ранним утром. Прозрачным белым покрывалом стлался туман над Сулейкой. Показалась нежная аленькая полоска рассвета. Уже на выезде из деревни встретили дочку вдовы Акулины, идущую с дальнего родника с двумя полными ведрами воды на коромысле. Покачивая тугими бедрами, девица поздоровалась с отроками, они поклонились в ответ, посмотрели друг на друга и одновременно улыбнулись: добрая примета на дальнюю дорогу.

Снаряжали ребят всей деревней. Прижимистый Лука Демьяныч на этот раз не поскупился. Из общественных запасов выделил путешественникам копченого сала, крупы, муки. Выдал деньги на снаряжение и оружие. Купили даже заводного коня.

Мать напекла Ивану коржей и любимых пирожков в дорогу. Немало горючих материнских слез уронила Маланья в тесто, пока готовила сына в дальнюю дорогу. Не на прогулку собрался ее Ванюша, а на дело опасное и рискованное!

Алешкина матушка Серафима поджимала губы, сына собирая. Особых разносолов в дорогу не дала. Напекла коржей да мяса вяленого положила. На Алешку у нее свои виды появились. Ездила она вроде как в гости к сродной сестре, а на самом деле на разведку. У сестры в соседях гость Исидор Викентьич живет. Алатырь-камень да меха с немецкой земли в Царьград возит, а оттуда каменья самоцветные да жемчуга. Гость богатющий! Вот попадья и закинула уду на счет женитьбы Алешкиной на дочке Исидора Викентьевича Агриппине. Девка в самой поре: восемнадцатый год пошел. И не беда, что черти у нее на лице горох молотили, зато приданое ого-го какое! Не раз помянет матушку сынок добрым словом! Дело вроде как пошло на лад, семья гостя не прочь с Берестянским батюшкой породниться, а Алешка вдруг собрался змея воевать! Серафима, конечно, единственного сына отпускать не хотела, но тут тихий батюшка уперся как баран! Дело, видите ли, общественное, пусть отрок людям послужит! Вот попадья и поджимала губы, сына собирая.

Иван с Алешкой решили по совету деда Корнея сначала в город съездить, посоветоваться с Фаддеем Ильичом. В городе же и оружие купить. Луки для такого дела им сладил волосатый Герасим. Лучше мастера-лучника во всей округе не сыскать. Для Ивана он сборный тисовый сделал. Тетиву только Ваня со своей силой посадить смог! На пятьдесят шагов стрела горбыль прошивала!

Ехали неспешным шагом. Иногда давали волю коням и переходили на рысь. Проезжая дорога прихотливо извивалась между зелеными холмами. По сторонам тянулись поля спеющей ржи, луга с уже скошенной травой, часто дорога ныряла в зеленые тени дубрав.

В полдень, в самый зной, остановились на берегу чистого ручейка. Спутанных коней пустили пастись. После вчерашнего короткого ливня воздух струился под жарким полуденным солнцем. Иван сидел на пригорке и задумчиво покусывал травинку, Алешка, укладываясь на зеленую мураву, с хитрой улыбкой спросил

– С Машей-то нашей попрощался?

Он слышал, как вечером мать ругала припозднившуюся Марию, знал Алеша, и к кому бегала Маша. Ваня молчал и отвечать не собирался. Алеша, не смущаясь, продолжал спрашивать:

– Когда сватов-то засылать будешь?

– Рано еще об ентом!

– Гляди! Мать ей в городе жениха присмотрела. С попом из Усвятского породниться хочет. Там приход дюже богатый! К мощам святого много народа поклониться ходит. – Алеша со вкусом зевнул. Ваня еще больше насупился и сказал:

– Маша не согласится!

– А кто ее спрашивать будет! Пришлет отец Гермоген сватов, глядишь на Покрова и свадьба!

Иван задумался и после продолжительного молчания спросил:

– Ты точно ведаешь?

– Разговор у матушки с батюшкой был, но точно еще ничего не решили, – уже сонным голосом проговорил Алеша.

Ехали еще полдня, но до города не добрались. Ночевали у костра. Алеша уговаривал Ивана заехать на постоялый двор, но тот, экономя деньги, не согласился:

– Чай, не князья! И на попоне не хуже выспимся!

Только к полудню следующего дня увидели с пригорка горящие золотом маковки Успенского собора. По указаниям деда Корнея нашли Гончарную улицу и, боясь ошибиться, обратились к прохожему старичку:

– Доброго здоровья, дедушка! – поклонился с коня Иван. – Не подскажете, где терем Фаддея Ильича?

– Вы не родичи его часом? Вам надо в церкву на крови поспешать! Отпевают его уже, – поднял глаза к солнцу. – Поди уже отпели – выносят!

У парней вытянулись лица. Справившись с удивлением, набожно перекрестились и переглянулись. Глядя вслед уходящему старику, Алеша удрученно сказал:

– Зазря, значит, ехали!

– Все равно надобно мечи купить, да и расспросить... может князевы вои, кто постарше, знают, как змея добывать?

Алеша возразил:

– Дед Корней рек, что Фаддей Ильич ишо совсем молодым был, когда с княжескими ратниками на змея ходил... вряд ли кто живой остался.

На торге народу немного, день будний. В лавке оружейника глаза разбегаются от обилия оружия. Чего здесь только нет! Мечи всех видов, сабли, копья, чеканы. По стенам развешаны щиты, кольчуги, шлемы. Иван сразу присмотрел огромный двуручный меч, который висел прямо у дверей лавки. Маленький, сухонький, подвижный приказчик увидел, как загорелись глаза Ивана, начал расхваливать товар. На самом деле этот великанский меч висел еще с прошлого года. Не все княжеские вои могли поднять такую тяжесть над головой одной десницей, а уж совсем не было никого, кто бы смог им рубиться в бою. По словам приказчика,

меч привезли из далекой немецкой земли, и сделан он из булата, секрет которого не знают на Руси.

Иван легко поднял меч. Костяная шершавая рукоять удобно легла в огромную ладонь. Выйдя из лавки, Ваня закрутил меч над головой. Хищным холодным блеском заиграла сталь на солнце. Иван сразу почувствовал: меч очень четко уравновешен. Казалось, оружие само радовалось движению и является просто продолжением руки. Ваня сразу решил: меч во что бы то ни стало будет его!

Алеша взял у него оружие и тщательно осмотрел. Оказалось, меч не из немецкой земли. Алексей показал приказчику ажурную славянскую вязь около рукояти. Выкован он в Новгороде известным мастером Андреем Бобром. Новгородское оружие ценилось никак не меньше немецкого, и многие рыцари тогда щеголяли русскими доспехами и оружием. Приказчик ничуть не смутился и, сославшись на обманувшего его гостя, начал хвалить теперь уже отечественную работу. Цену он заломил, по мнению Алеши, несусветную. Начали торговаться.

Приказчик понемногу сбавлял, уверяя, что такой меч они нигде больше не купят, прикладывая для пущей убедительности руку к сердцу. Алеша настаивал на своей цене, немного добавляя. Видя неуступчивость приказчика, он сказал Ивану, не принимавшему участия в торге, положить меч, собираясь покинуть лавку. Ваня с недоумением уставился на Алешу. Тот усиленно подмигивал левым, не видимым приказчику глазом. Иван, наконец, понял и со вздохом положил меч на прилавок. Алеша потянул его из лавки, приказчик выскочил следом, хватая Алешу за рукав и еще сбавляя цену. Иван, уразумев уловку друга, остался на улице. Еще два раза уходил Алеша из лавки, и оба раза приказчик возвращал его. Наконец ударили по рукам. Алеше удалось почти наполовину сбросить первоначальную цену.

Купили еще три наконечника для копий. И здесь Алеша проявил себя мастером торговаться, приказчик уступил, но уже не так много.

Для себя Алексей меч так и не нашел. Были или слишком легкие, или не по руке.

К выбору оружия друзья отнеслись очень серьезно, понимая, что от этого может зависеть очень многое, а может, и сама жизнь. Приказчик теперь относился к отрокам со всем уважением и предложил прийти завтра утром. Вечером ему должны подвезти новое оружие. Иван с Алексеем зашли еще в две лавки, но здесь выбор оказался гораздо скромнее и хуже.

Решили дойти до детинца и поговорить о змее с дружинниками, из тех, кто постарше. Коней со снаряжением оставили приказчику на сохранение. По дороге Алеша попенял Ивану, что тот не поддержал его при торговле.

– Ты вот на постоялый двор полушку пожалел, а сам чуть половину всех денег за меч не отдал!

– Ну, не умею я торговаться! – с тяжелым вздохом признался Ваня. – А этот меч я бы все равно купил. Помнишь, зять Олег нас учил еще парнишками мечом рубиться? Он тогда еще рек: настоящий вой мечом как дланью владеет! А я сразу уразумел, этот меч меня за своего принял!

Алеша в сомнении посмотрел на Ивана, не шутит ли? Увидев серьезное лицо друга, неуверенно возразил:

– Бабушкины сказки все это, а Олег-немчин не таким уж витязем оказался, ежели в полон попал да в рабы к пузатому греку угодил!

– Ну уж не скажи! – Иван покачал головой. – В полон любой могёт попасть, даже вож! На войне всякое случается! Чего же самому себя живота лишать из-за ентого? А мечом, копьем, щитом, что бы ты ни баил, он нас научил управляться!

За разговорами незаметно подошли к детинцу. Из опущенных ворот навстречу друзьям выехали два молодых отрока, может, чуть постарше Ивана с Алешкой. На красивых, богато украшенных, легконогих конях, в шитых золотом кафтанах, в лихо заломленных шапках с белыми перьями. На блестящих узорами кушаках висят кривые сабли, горящие на солнце самоцветными каменьями. Друзья посторонились, скинули шапки. Отроки не ответили, только передний в алом кафтане надменно покосился на Ивана.

– Зрил? – восхищенно спросил Ваню Алешка. – Передний – нашего князя наследник, а за ним – воеводы Ярополка сын Пересвет!

Пока парни провожали всадников глазами, из ворот вышел пожилой дружинник в засаленном терлике с двумя конями на поводу.

– Вы по что сюды? – строго спросил.

– Доброго здоровья, дяденька! – поклонился Иван.

– И вам того же! Чегой надобно?

– Мы на счет змея хотели вызнать, может знает кто, как его извести?

– Во какие витязи! – ухмыльнулся. – И вы туда же! Что, как про княжеский указ прослышали, сразу собрались?

– Какой указ? – спросил Алеша.

– Ну как же! Намедни указ Порфирия Глебыча бирюч на торгу кричал: кто змея победит и голову князю принесет – сто золотых тому!

Вьюноши открыли рты.

– Вот енто да! – вырвалось у Алексея. Иван растерянно сказал:

– Мы про указ и не слыхивали. Из Берестянки мы, нас народ снарядил на змея. Сначала этот ирод скотину таскал, а сейчас повадился на коней ночью нападать!

– Вон какое дело! – старый вой заметно смягчился. – Не вы одне! Тут уже из Скакуного староста приходил – жалился, из Возжаевки, ишо из какой-то... запамятовал я...

– Не из Горелого Ключа? – подсказал Иван.

– Во-во! Оттедова! Вот князь и объявил награду. Наши молодцы мечи острить вздумали, только князь не отпустил. Слышали, поди, про тяжбу его с Григорием?

Друзья закивали.

– Только зря вы, робяты, сюды приехали. На счет змея не вы одне антересовались. Слыхали многие, как в старые времена змеев изводили, да толку мало. Слыхали звон, да не знают где он! Стариков уже не осталось, кто со змеем воевал, а ишо где вызнать? Кто во что горазд баить, а ведать, никто толком не ведает! – махнул рукой. – А в детинец даже и не суйтесь! На прошлой неделе отрок Никита изветчика Григорьевского здеся пымал, так после того как все у него выпытали, князь приказал соглядая того на воротах повесить! У нас теперя строго! – обратился те-

перь только к Ивану: – А ты, паря, приходи в следующую неделю во середу, только вон к тем воротам, – показал рукой. – Князь хочет еще отроков в дружину набрать, ежели ты крепкий такой же, как с виду – прямая дорога тебе в младшие княжевы ратники. Наш князюшка своих воев не обижает. И съестное, и одежу справит, за коня, ежели своего приведешь, ишо и деньгу даст! Иван покачал головой:

– Мы, дяденька, народу обещались змея извести.

– Ну дай-то вам бог! – в сомнении протянул старый дружинник.

Ночевать Иван поехал к своему троюродному брату, который жил в кузнечном ряду. У Алексея тоже в городе жили родичи, но хоть и наказывал батюшка всем поклоны передать, Алеша решил по-своему. Всем известно: добрая слава шагом идет, а дурная – птицей летит. Алеша опасался, что молва о его монастырских проделках долетела и до города, и не хотел лишний раз выслушивать нравоучения, тем более от дядюшки, который слыл великим праведником. Так Алеша поехал вместе с Иваном, справедливо рассудив, что и для него найдется уголок в доме у Ваниного родича.

Ранним утром наскоро позавтракали, поклонились в пояс хозяевам и поспешили в лавку к оружейнику.

Приказчик, зевая и крестя рот, раскладывал полученное вчера вечером оружие. Алеша почти сразу нашел себе меч по руке. С простой, удобной, набранной из бересты рукоятью. Тщательно осмотрел, потрогал лезвие, по примеру Ивана покрутил над головой и начал торговаться.

Ивана заинтересовал самострел. Такое оружие он держал в руках впервые. Приказчик, продолжая увлеченно торговаться с Алешей, показал, как взводить, целиться. Иван дивился выдумке неизвестного мастера и, вникая во все тонкости новинки, уже прикидывал, как самому сделать такой же.

Тем временем Алеша купил меч. Приказчик, глядя, как Иван рассматривает самострел, предложил попробовать стрельнуть, на заднем дворе у него оказалось место для испытания луков и самострелов. Иван с сожалением покачал головой и честно признался:

– У нас и денег на такую покупку нету.

– Ни-што! Появятся – опять ко мне придете.

Ваня выпустил две стрелы в деревянный круг, висевший шагах в двадцати от крыльца. С трудом вытащил глубоко застрявшие короткие стрелы. Подумал, что самострел для охоты на змея не годится. Конечно, стрелять и целиться из него сподручнее, чем из лука, но заметно слабее даже Алешиного, а с тисовым Ивана даже в сравнение не шел.

Уже прощались с приказчиком, когда Алеша обратил внимание на завернутую в холстину саблю. Развернул холст и ахнул. Роскошная сабля, отделанная золотом и драгоценными камнями, оказалась в его руках. Приказчик рассказал, что эту саблю заказал боярин Львов своему сыну в подарок. Конечно, стоит она огромных денег, и купить ее ребята никак бы не могли. Алексей поклялся сам себе, что если они убьют змея и получат деньги, он обязательно купит себе такую же!

Выезжали из города, проехали уже поскотину и нежданно-негаданно увидели едущего навстречу на двуколке Алешиного дядюшку. Вопреки опасениям, встретил Арсений Ослябович Алешу с распростертыми объятиями. Начал пенять, что племянник не заехал погостить, и зазывал к себе. Про монастырские приключения, по всему видно, не ведал. Алеша отнекивался, ссылаясь на неотложные дела.

– Какие дела у вас могут быть, вьюноши! – захохотал дядюшка, колыхая огромным чревом. С курчавой русой бородой, со светлыми озорными глазами, он, на взгляд Ивана, совсем не был похож на праведника и богомольца.

– Змея мы воевать идем! – хмуро сказал Алеша, задетый пренебрежением к их «никчемным» делам.

– Вон оно как! Дело, конечно, сурьезное! Я слыхивал, он сильно в ваших местах шалит?

Друзья кивнули. Алеша рассказал, как змей зорил сначала скотину, потом коней. Дядя все внимательно выслушал, спросил, не кидается ли эта тварь на людей, какой он с виду? Рассказали друзья и о напрасной поездке к Фаддею Ильичу.

– Вы только вдвоем добывать змея возжелали? Ну, бог вам в помощь! Помоложе бы был – с вами бы поехал! Добыли бы змея и шкуру бы князю принесли! – улыбнулся.

Ивана покоробило, что дядюшка не принял всерьез их решимость одолеть чудище. Обнимая на прощание Алешку, Арсений Ослябьевич вдруг шепнул ему на ухо:

– А насчет любовных твоих утех – не кручинься! Когда грешить, как не в младости! До моих годов доживешь – будет что вспомнить и в чем каяться! – улыбаясь, хлопнул ошарашенного Алешу по плечу.

Долго ехали молча, каждый думал о своем. Ивана заботило не то, что Алешкин дядя в них не верил, но впервые мнение посторонних людей, сначала старого дружинника, а теперь и Алешиного дяди заставило задуматься, смогут ли они с Алешкой вдвоем одолеть чудище. Ведь даже княжеских воев ходило на охоту не менее десятка! Тут силой не взять, надо какую-нибудь хитрость-уловку замысливать.

У Алешки думы попроще: он с улыбкой вспоминал прощальные слова дядюшки и думал, что Арсений Ослябьевич в молодости был далеко не святой богомолец, а может быть, просто пожалел племянника, который в последнее время даже от родителей редко слышал добрые слова.

– Я вот что мыслю, – прервал молчание Иван.

– Мы завтрева к Гребёнскому броду свернем и стан разобьем у Совиной пустоши. Как все бают, змей в ту сторону с добычей улетает, значится и гнездо еёнишнее где-то тама должно быть! Алеша кивнул:

– Днем можно обоим в небо зрить, а вот ночью...

Иван махнул рукой:

– Сейчас ночи лунные, будем по очереди сторожить.

На том и порешили.

2

Ехали до позднего вечера. Солнце зашло. В дубраве, куда свернула дорога, стало совсем темно. Выбирали место для ночлега, когда Алеша увидел в глубине чащобы еле заметный огонек. Спешились. Иван остался с конями, а Алеша,

сторожась, мало ли лихих людишек ищут пропитание у проезжей дороги, приблизился к костру. Подкрался бесшумно, ни одну веточку не потревожил.

На костре подвешен котелок, над огнем нависает человек-гора. В оранжевом, колеблющемся свете видна громадная рука с ложкой, которая казалась детской в этакой лапище. Лицо, заросшее стриженой, но уже неопрятной бородой, – само добродушие. Мужичина сосредоточенно мешает аппетитно пахнущее варево.

– Эй, дядя! – окликнул улыбаясь Алеша. В темной чаще он чувствовал себя в безопасности.

Детина дрогнул, ложка плюхнулась в котелок. Напряженно вглядываясь в темноту, спросил:

–Ты хто?

– А ты?

– Я-то человек, а ты, ежели добрый христианин, выдь сюды!

– Я-то в Христа верую, вот ты-то дюже на разбойника похож! – с прежней улыбкой сказал Алеша.

– Какой я разбойник, хоть и побывал в темнице! – мужик успокоился и опять сел к костру. – А ты, да хоть и из воров человечек, с меня поживиться нечем.

Алеша вышел из темноты. Детина оглядел его и протянул громадную длань.

– Меня Ильей зовут, из деревни Карачевки мы, в землях князя Григория живем, – вопросительно воззрился на Алешу.

– Я Алексей, попа Евлампия сын, из Берестянки, – ответил на рукопожатие. – Ты, Илья, гостей принимаешь?

– Лес божеский, местов много, а угостить... вон грибную похлебку варю, могу поделиться, только у меня даже хлеба нету...

– Я сейчас товарища приведу. Твоя похлебка – наш хлеб!

Вскоре все трое расположились у костра. Иван и Илья с настороженным интересом рассматривали друг друга. Оба еще не встречали человека равного себе. Алеша прочитал молитву, перекрестились, отгоняя нечистого, и степенно принялись за еду. Похлебка оказалась несоленой. Иван покосился на нового знакомца и молча сходил за солью. После ужина Алеша спросил Илью:

– Извиняй, ежели что не так, но мне дюже интересно, как ты в лесу оказался с одним котелком? Сапоги на тебе козловые на каблучке, порты подходящие, а рубаха домотканая, да ишо и рваная?

Илья с кряхтением стянул сапоги и, вытянув ноги к костру, с удовольствием шевелил пальцами. Выслушал вопрос Алеши и тяжело вздохнул.

– Эх, робяты, песня длинная. Не ведаю даже, с чего начать...

– Ничего! Поди не длиннее ночи.

– Я ведь почти до тридцати годков без ног жил!

– Как это? – удивился Алеша, обозревая громадные голые ступни.

– Ноги-то, конечное дело, при мне были, только не ходил я совсем! Ишо махонький был, хворь кака-то ко мне прицепилась.

Илья и вправду не владел ногами почти до тридцати лет, но духом не пал, на судьбу не роптал. Приспособился выполнять многие крестьянские работы. Конечно, за плугом ходить или сеять он не мог, но даже молотить умудрялся. Зимой у одного деда выучился коты валять. Никто не ведал, как скрипел по ночам зубами от безудержной тоски всегда жизнерадостный и улыбчивый Илья. Как с трудом затаскивал свое мощное, но беспомощное тело на завалинку и несбыточно мечтал, глядя на ноги проходивших мимо людей. Он уже начинал мириться со своим незавидным положением и без дела не сидел, на кусок хлеба всегда своим трудом зарабатывал. Жил со старухой матерью в отчем доме, вместе с семьей младшего брата. О женитьбе даже и не помышлял, да и кто бы пошел замуж за калеку?

Хату покойный отец ставил, на большую семью рассчитывая, а жили Илья с матерью, да у брата с женой первенец подрастал. Места с избытком, вот и привечали странников да калик перехожих. Илья любил их слушать. Они сами часто не ведали, где правда, а где сказка начинается. Вставали грады далекие с князьями добрыми и справедливыми. Заморские страны встречали путников хлебом-солью и плодами невиданными. Текли молочные реки с кисельными берегами, и уносилась душа Ильи в даль дальнюю, светлую...

Такие вот странники и подошли однажды к избе. Чистая заплатанная одёжа из грубой крашенины, дальними дорогами стоптанные калики. У обоих – заплечные мешки. Старший с сивой клинышком бородкой обратился к сидящему на завалинке Илье:

– Эй, молодец! Подай водицы испить!

Илья сожалеюще покачал головой:

– Рад бы, дяденька, да ноги у меня не ходют.

– Как так не ходют? – странник подошел к Илье

– А пусть отрок в избу зайдет, там, прямо у дверей кадка с водой и ковшик на ней.

Тем временем странник ощупывал ноги Ильи:

– Ты их чуешь? – Илья подтверждающе кивнул.

– Ноги у тебя, молодец, здоровы. Давно не ходишь?

– Мальцом еще был, простыл сильно, с того времени не хожу.

– Ты, может, ходить не хочешь?

– Что ты такое говоришь, дядя, еще как хочу! Не могу только!

– Хочешь, значит пойдешь!

Странник повернулся к своему товарищу, молодому отроку, у которого только начала темнеть верхняя губа, взял полный ковш воды, со вкусом отпил и обратился к Илье:

– Вот что, паря, на ноги я тебя поставлю!

Илья во все глаза смотрел на кудесника. (По повадкам он уже понял, что это не просто странник – волхв!)

– Завтра до рассвета нам с тобой надобно в поле выйти. Я сейчас осмотрюсь, выберу место, с утра и пороблем с тобой!

Волхв намазал ноги Ильи какой-то пахучей мазью, потом почти до самой темноты растирал по очереди икры, ляжки, ступни, каждый палец на ногах. Долго работал с поясницей. Мял так, что там что-то хрустело и трещало. Тот безропотно терпел, надеясь на чудо. Под конец дал отвар из трав, его на костре варил белобрысый отрок.

Во всем теле сладкая истома. Боль от рук кудесника ушла, только слабыми иголочками покалывало в ногах, и Илья сразу уснул.

Странник разбудил Илью затемно. Приспособили носилки. Илья предложил разбудить брата, но кудесник только отрицательно покачал головой.

Нежным лимонным светом наливается восток. Волхв расположил Илью на старом чурбаке, который поставил на облюбованном месте.

Кудесник строго смотрит на Илью:

– Мы, молодец, с тобой вместе сейчас тебя на ноги будем ставить. Ты мне верь и захоти встать изо всех своих сил! Смотри на восход! Сейчас все живое ото сна просыпается, на рассвете самая сила! Он положил тяжелую, теплую ладонь на голову Ильи и начал читать:

На море-окияне, на острове Буяне
Стоит дуб зеленый...

Илья почти не слушал. Изо всех своих сил хотел встать. Про себя обратился к Богу:

– Господи, помоги!.. – попытался прочитать молитву, но мысли путались... Вдруг повелительный голос кудесника:

– Встань! – взял Илью под мышки и рывком дернул на себя. Илья встал и тут же рухнул на руки волхву, с другой стороны его пытался поддержать отрок, но Илья на ногах не устоял и повалился на траву. С трудом подняли непослушное тело на чурбак. Кудесник, глядя на Илью теплыми глазами, говорит:

– Ну вот! Можешь ведь! Сам ведь встал! Давай еще раз. Не торопись...

Пот обильными бисеринками покрывает все лицо. Из глаз – слезы. Тяжело дыша, Илья собрал все свои силы и рывком встал на ноги. Его сразу повело в сторону, но кудесник выдержал. Покачиваясь, Илья утвердился на ногах.

– Теперь давай одну ногу вперед! – Илья с кряхтением оторвал непослушную ногу на вершок от земли и тут же полетел вниз. Волхв с отроком смягчили падение.

Снова и снова Илья вставал и пытался идти, снова и снова падал. Но вот смог сделать два шага, вот три... Волхв подбадривал, хвалил, внушал, что еще плясать на его свадьбе будет. Илья и сам почувствовал, что сможет ходить, и старался изо всех сил.

С этого памятного утра и началась у Ильи новая жизнь. Конечно, не сразу все получалось, и до плясок было еще ой как далеко! Но упорства Илье было не занимать и сначала с волхвом, потом на костылях он заново учился ходить. Самое трудное было – встать на ноги. Часто Илья падал, но, стиснув зубы, поднимался. Ноги не слушались, с непривычки набивал на нежных пятках и подошвах мозоли, но снова и снова вставал и шел. Каждому шагу Илья радовался как своей личной победе и заново открывал для себя новый мир.

Странник прожил в деревне еще неделю. Кроме Ильи, нашлось еще много хворых. Кудесник никому не отказывал, но денег не брал. Принимал только еду, если угощали. Вечером, перед тем как уйти, разговаривал с Ильей:

– Теперь ты, молодец, пойдешь. На следующий раз уж не откажешься нам воды подать, – добродушно усмехнулся.

– Не знаю, как и благодарить тебя! Какому святому свечку ставить!

– Ничего не надо, тем более свечки! Тебе, Илья, предстоит поработать на Русь нашу.

– Где работать? – не понял Илья.

– Работа тебя сама найдет! – кудесник махнул рукой. – Я вижу, что тебе много придется за людей русских постараться... Ты время не торопи. Тебя судьба сама вести будет.

Только к зиме Илья смог стоять на ногах, да и то с батожком. По совету кудесника старался много ходить, пытался приседать. Он чувствовал, как ноги наливаются силой.

– Вот когда я ходить начал и задумался, что мне дальше делать, как жить? Землю мне, как калеке, батяня не оставил. Бобылем жить? Где достаток брать? Починок начинать? Одному не поднять, да у меня даже коня не было! В общем, куда ни кинь, кругом клин! Да, ежели честно, не лежит у меня душа землю пахать! Думал я, думал и надумал Соловья воевать. Не знаю, у вас чего ведали про этого вора? На проезжей дороге он шалил. Никто толком и не знал, кто он и откуда. Баяли, что холоп чей-то. Набрал народу воровского и то гостя богатого до нитки оберет, то у крестьянина, что на ярмонку товар везет, все отберет. Сколько ни пытались его изловить, никак не получалось. Я так мыслю, в деревнях соглядатаи у него были. Однажды князев соцкий с ратниками его ловить приезжал, так пока он лес окружал, тот в другом месте у гостя мошну отобрал.

Я решил по-другому действовать, на живца Соловья поймать. У жида в городе денег занял под кабальную запись, купил коня, одёжу справную, вот енти сапоги, ишо кое-что. Тело-то мое не спрятать, я решил наоборот. Еще поболе стать. Взял бычий пузырь, надул и под камчатую ферязь спрятал. У нашего черного кобеля волосьев настриг, сделал пейсы, шапочкой жидовинской голову прикрыл и вечерком поехал.

Еду, песенки пою, да по сторонам поглядываю. Ни дать, ни взять жидовин богатый с гулянки возвращается. Версты так три проехал. Уже начал подумывать, что зря енто представление затеял.

Вдруг выскакивают двое из кустов и хватают мою кобылу под уздцы, а третий как засвистит! Один из злодеев ентих сахарно так лыбится и мне мирно баит:

– Тебе, Абрамка, некуда больше ехать! Приехал ты!

Я на челе испуг изобразил, а сам незаметно шильцем себя в брюхо ткнул. Как грохнет! Моя кобыла на дыбы! Я еще шпорами ей в бока добавил! На дороге, шагах в десяти, как раз свистун этот и стоял. Лечу прямо на него. Он от коня шарахнулся, но я его за шиворот успел поймать. Он задергался, тут я пару раз ему в соску кулаком ткнул и в изумление привел. Бросил татя поперек седла и... выноси, родная! Боялся только, как бы луков у них наготове не было! Бог спас, только кричали они на дороге шибко!

Вообще я его зачем прихватил? У меня мысля появилась: князь за Соловья десять золотых обещал. Вот я и решил на этом свистуне заработать. На четыре золотых кабальную запись бы выкупил, на остальное сам бы жил. Еще подумал к князю в дружину поступить. Не так бы просто к нему приехать, а Соловья бы привез!

Долго ли коротко привез я Соловья к князю. Тут вся оказия и случилась. – Илья тяжело вздохнул.

– Приехал я к князю Григорию как раз на пир. Молодой гридник доложил про нас. Выходит господин наш пьяненький и довольный. – От неприятных воспоминаний Илья замолчал, покрутил головой и еще раз вздохнул.

– Обозвал меня деревенщиной неотесанной и баит:

– Показывай разбойника своего.

Показываю. За князем выходят бояре, люди всё житейные. Давай оне надо мной насмехаться. Особенно Добрыня старался, воевода княжий. Где, глаголит, ты такого худосочного Соловья пымал? А Соловей и вправду на вид-то совсем не свирепый. Тут князь и глаголит, чтобы свист разбойник показал. Свистел-то он и правда знатно, ажно лошади приседали! Я тряхнул аспида за воротник: свисти, говорю! Но вот ведь незадача: я когда его вразумлял, чтобы он не брыкался, маленько не рассчитал. У него три передних зуба начисто снес! Он рад бы свистнуть, а из него, бедного, один шип выходит!

Ну тут оне от смеха совсем согнулись! Князь скрозь смех рукой машет и баит, на меня перстом указывая:

– Гоните его вон со двора!

Но тут-то я и выпрягся! Как это гнать меня, как пса шелудивого! Повозился с дворней княжеской! Если бы не Добрыня, я показал бы им, как Илью со двора выгонять! Но все ж-таки скрутили оне меня всей толпой. Ферязь порвали, шапку в землю втоптали... а чего тама баить! Очутился я в темнице княжеской.

До того мне обидно стало, страсть! Соловья победил, к князю привез и вот тебе на! Я ведь еще запись кабальную до осени подписал! Если деньги до Покрова не верну – рабом стану али закупом.

Еще обиднее стало вечером. Князь с Добрыней пришли Соловья пытать, дознаваться, где он казну воровскую спрятал. Моя темница как раз рядом с темницей Соловья оказалась. Значится, князь сразу понял, что это взаправдашний Соловей! В общем, я сам себя выставил скоморохом каким-то! Потерзали, потерзали они свистуна этого и догуливать ушли.

Темницу старый ратник сторожил. Видно, на другие дела не годен стал, вот его и приспособили татей охранять. У меня в сапоге монета серебряная под стелькой лежала. Я этому стражу деньгу вручил и наказал зелена вина купить али медовухи. Гридень честный оказался. Цельный жбан медовухи с княжеского стола притащил. Вот и пошла у нас со старым воем пьянка с гулянкой! К ночи сломался страж мой. Выломал я запор и на волю выбрался. Кобылу свою в княжьей конюшне нашел, там же и вот ентот котелок прихватил, да еще меч у зазевавшегося гридня прибрал.

– И где енто все у тебя? – поинтересовался Алеша.

– А вот! – Перед носом отроков, описав блестящую дугу, оказалось острие меча. Оторопевшие друзья отшатнулись.

– А кобыла?

– На поляне пасется.

Потрясенные друзья только покачали головами. Наконец Иван обрел дар речи:

– Тебя, Илья, нам Господь послал! Мы ведь с Алешей змея воевать собрались! Пошли с нами! Наш Порфирий Глебыч за змея сто золотых обещал! Если с этим чудищем справимся – деньги поровну разделим. Хватит тебе и кабальную запись выкупить и на ноги встать!

Илья в волнении встал. И вдруг поклонился друзьям в пояс:

– Это вас мне, робяты, Господь послал! Конечно, пойду! Я ведь подумывал за море бежать! А что мне оставалось? В рабы-то ведь идтить дюже неохота, а закупом что за жисть! Только тут еще заковыка: денег ведь у меня совсем нету. Даже на еду, не говоря про другое что. Палицу-то я, конечно, себе сам сроблю, но ведь кроме дубины надо бы хоть какой лук завалящий.

Решили все-таки в город не возвращаться. Для палицы Илья выворотил дубовый пень, обтесал его, обжег на костре, сделал рукоять. У Ивана нашлись гвозди, и палица украсилась устрашающими шипами. Друзья рассказали своему новому товарищу о змее все, что знали. Илья внимательно выслушал, подумал и одобрил план Ивана.

Только к вечеру следующего дня подъехали к Гребёнскому перевалу. Весь день посматривали на небо, но змей как сквозь землю провалился! Дорога от перевала ушла в сторону, перед путниками расстилались дикие неизведанные места. Не было даже тропы. Ехали на закат солнца, да по приметам, что рассказали добрые люди. Кони спотыкались, часто приходилось вести в поводу.

В таких диких местах все трое оказались впервые. В деревнях охотились мало, мужики были заняты на земле-кормилице, да и остальное хозяйство требовало времени и сил, только зимой выпадала возможность охотиться. Друзьям приходилось ставить петли на зайцев, стреляли из луков косуль, однажды с дружинниками князя даже поднимали с берлоги хозяина, но все это в лесу недалеко от родной деревни, в такой дремучей чаще они чувствовали себя очень неуютно.

До Совиной пустоши за весь день так и не добрались. Для ночлега выбрали открытую поляну с чистым говорливым ключиком. Илья начал разжигать костер, а Ваня с Алешкой пошли за хворостом. Алексей уже довольно-таки далеко отошел от костра и наклонился за сухой веткой, и вдруг какое-то неясное предчувствие заставило его поднять голову. В этой неудобной позе и замер Алексей.

Шагах в пяти от юноши стояло существо, для описания которого у Алешки не хватило бы слов – на добрую голову выше рослого Ивана, гораздо мощнее, на двух столбообразных ногах, покрытое темно-серой длинной шерстью, маленькими желтыми безразличными глазками, – и смотрело на замершего Алешу.

Длилось это, наверное, какие-то секунды, но для отрока они показались бесконечными. В какой-то момент странное существо исчезло. Алеша даже не понял как. Вот только что было рядом и как будто растворилось в воздухе. На мягких ногах Алексей вернулся к костру. В первый момент он даже потерял дар речи. Недоумевающим друзьям пальцем показывал в сторону, и руками пытался объяснить, что видел. Когда, наконец, смог говорить, Илья с Иваном открыли рты от изумления. После начали думать, кого же видел Алеша.

– Может енто облизьян? – высказал догадку Илья. – У нас через деревню Арап водил ученого облизьяна. Он показывал, как мужики водку пьют...

– Какой облизьян! – с досадой перебил Алеша. – Ночевал у нас в деревне этот Арап. Та зверушка – махонькая, и у нее четыре руки, а это во какая образина, – показывал рукой у себя над головой. – Мордой, может, маленько похожа... – задумался и вздрогнул, вспомнив без-

различный взгляд незнакомца. – Видели бы вы эту морду!

Друзья сошлись во мнении, что Алеша видел хозяина – Лешего. Не могли только понять, к добру или худу такая встреча. На всякий случай решили спать по очереди. Чтобы кто-нибудь один обязательно бодрствовал. Да и коней кому-то надо было стеречь. В таком диком месте и животные жались поближе к людям и далеко от костра не отходили.

Ночь прошла без происшествий. Только рассвет в лесу наступил позднее. Коней опять пришлось вести в поводу. Лес, казалось, стал еще более дремучим, даже поляны попадались реже. Часто дорогу преграждали поваленные деревья, переплетения кустов загораживали дорогу. Досаждали оводы и комары, друзья то и дело стирали с лица липкие тенета. Ни ветерка не пропускала дремучая чащоба! Путники изнемогали от духоты.

Впереди показался долгожданный просвет. Лес поредел, начались заросли молодого осинника, под ногами захлюпала вода, и перед путниками открылась обширная болотистая поляна. Друзья поняли: перед ними Совиная пустошь. Вправо пологим склоном поляна уходила вверх, и путники решили подняться туда и найти место для стоянки.

Алеша поднял глаза к небу и воскликнул:

– Смотрите!

Правее друзей саженей в ста от земли в безоблачном небе медленно двигалась темная точка. Это змей возвращался с охоты в свое логово. Пока чудовище не скрылось за горизонтом, охотники молча смотрели ему вслед.

– Значит, правильно идем. – Илья вытер потный лоб. – Надоть ишо маненько правее взять.

Иван согласно кивнул и добавил:

–В лапах чегой-то несет... На этой болотине стоянку не разбить. Дальше пройдем – будем место искать.

Только часа через два болото кончилось, и друзья вышли на сухое место. Лес поредел. Идти стало легче. Путники сели в седла. Не проехали и получаса, и как-то вдруг открылась веселая уютная поляна, вся в поздних цветах. Посреди этого славного местечка, но все-таки ближе к лесу стоит маленькая неказистая избушка на четырех столбах.

3

С противоположной от друзей стороны скрипнула дверь. По лесенке осторожно начал кто-то спускаться. С первой ступеньки на землю спрыгнула небольшая рыженькая собачка. Задорно гавкнула и со всех ног бросилась к всадникам. Кони захрапели, подали назад. Собачка попрыгала, повиляла хвостом и с такой же скоростью бросилась обратно к хозяйке. Рядом с избушкой стоит высокая худая старушка и, прикрываясь от заходящего солнца рукой, рассматривает незнакомцев.

Друзья спешились. Илья в пояс поклонился бабушке:

– Доброго здоровья, матушка! – Иван и Алексей тоже поклонились.

– Так и будем издаля беседовать? Суды ступайте.

Охотники приблизились.

– В избу не приглашаю. Ишо сломаете ненароком. Вон вы какие молодцы!

– Нам бы водицы... жара вон какая стоит! – Илья вопросительно посмотрел на хозяйку.

Старуха молча пошла вправо от избушки. Друзья с недоумением переглянулись. Хозяйка подошла к двум березкам, наклонилась и вернулась к путникам с полным ковшом воды. С поклоном подала ковш Илье:

–Пей на здоровье, молодец!

Илья тоже с поклоном принял из ее рук ковш и с наслаждением пил холодную вкусную воду. Передал ковш Ивану и с довольным вздохом вытер мокрые усы. Бабушка с улыбкой заметила:

–Воды-то на всех хватит, пейте, не жалейте! Мы обычаи знаем. Особых разносолов не держу, но чем богаты! Угостить путников с пути дороги – найдется!

Бабушка расстаралась. Уже через час путники сидели за столом, сколоченным из не струганных досок. На столе – горшок с пшенной кашей, соленые огурцы, запах свежей жареной рыбы вызывает обильное слюноотделение.

Иван по привычке оглянулся в поисках иконы, перекрестился и степенно принялся за еду, Алеша с Ильей последовали его примеру. Старушка с удовольствием смотрела на друзей и, как бы ненароком, подкладывала лучшие кусочки Алеше.

– Эти-то бугаи всегда успеют налопаться, а тебе-то еще расти надобно! – говорила с улыбкой в свое оправдание.

Алеша не заставлял себя упрашивать и уписывал за обе щеки. Иван давно уже привык к особому отношению женщин всех возрастов к своему другу и усмехнулся про себя. Алешины кудри и здесь не подвели!

После обильной трапезы друзья рассказали хозяйке о змее, как они решили избавить народ от чудища. В свою очередь Илья спросил хозяйку:

– Как же ты бабушка здесь одна управляешься? Али хозяин у тебя есть?

– Был хозяин, да весь вышел! Прошлой весной преставился.

– Как же ты одна-то здеся бедуешь? – Илья перекрестился и с состраданием качал головой, глядя на хозяйку.

– По-всякому. Люди в обиду не дают, выручают.

– Какие же здеся люди? – удивился Иван. – Мы эвон сколько прошли, никого не встретили.

– Вы сами-то издаля идете?

– Идем мы, почитай, от города. Через Гребенский перевал, по Совиной пустоши сюда.

– Так вы, робятушки, за здря столько поприщ отмахали! Вам надобно было по Сулейке спуститься до Стремянного Острова, тама волок хороший по правому берегу, а потом по Долгому озеру почти прямо суды бы и выгребли! Оно, конечное дело, крюк получается, но по воде-то оно сподручнее, опять же ноги не бить. А кони вам здеся и без надобности. Если змеиху хотите добыть, надобно пешком отсюдова идтить.

– Так ты ведаешь, где гнездо ёешнее? – Иван с надеждой уставился на хозяйку

– До самого-то гнезда, ясное дело, не доходила, но пещёру ёешнюю издаля видала!

– А енто точно баба, змеиха-то? – спросил Алеша.

– Змеиха, точно!

– Дорогу нам укажешь? – это спросил уже Илья.

– Сама-то я с вами пойтить не смогу, а дорогу отчего же не указать? Укажу.

– Все ж таки антересно мне, как ты здеся живешь? Чем промышляешь?

– Так ведунья я... Наш род испокон веку энтим делом промышляет...

Увидела ошарашенные глаза друзей и постаралась успокоить:

– Да вы, молодцы, в голову-то не берите. Я ведь зла никому не делаю...

Илья первым справился с удивлением и с опаской спросил:

– Так ты, мать, хоть крещеная?

Ведунья с сожалением покачала головой:

– Енто нам никак невозможно! Мы веру предков храним! – она тяжело вздохнула. – Русь с незапамятных времен верила в Перуна, Велеса, Ярилу! Это князь Владимир Христа нам навязал, старую веру порушил! Это сейчас все в церкву ходют, а раньше...

– Ты нам про енто даже не заикайся! – Алеша возмущенно затряс головой. – У меня батюшка поп в Берестянке! – требовательно посмотрел на Илью с Иваном.

Те согласно закивали, но Илья примиряюще проговорил:

– Твое дело, – протестующе поднял руку на пытающего возразить Алексея и повторил: – Твое дело, во что верить, но нам твои речи слушать не с руки!

– Ты же прямиком в ад попадешь! На вечные муки! – Алеша с состраданием смотрел на хозяйку.

Не обращая внимание на Алешины слова, Илья обратился к ведунье:

– Так здесь, значится, деревни поблизости есть?

– А то как же! Паткулино, Воловковка, Стриженково...

– Их и пользуешь?

– Ко мне много народа ездит. Лечу, гадаю, только мне енто дело не шибко любо. Нагадаешь, а девица от тебя совсем не ентого ждала. Правду-то народ наш не больно жалует.

Друзья решили сегодня уже никуда не идти. Бабушка принесла из избушки три больших мешка, Иван накосил травы, и мешки превратились в отличные тюфяки. Расположились под звездным небом. Бабушка приглашала путешественников под навес, но все дружно отказались. Безоблачный небосвод обещал ясную погоду, да к тому же на ветерке не донимали комары.

Алеше снится прекрасный сон. Его обнимает и ласкает обнаженная незнакомка. Мраморные плечи светятся в темноте, острые соски темнеют на девичьей груди. Губы слились в долгом, страстном поцелуе. Алеша задохнулся, а девушка еле слышным шепотом прошелестела ему в ушко только одно слово: «Пойдем!» От незнакомки пахнет дурманом болотных трав, ночной свежестью. Алеша прошел за девицей несколько шагов, остановился, требовательно развернул незнакомку к себе, прижался к ней всем телом и крепко поцеловал. Прекрасная девушка тянула вьюношу вглубь леса. Вдруг Алексей споткнулся о кочку, и случайно его взгляд упал на руку девицы, которую он держал своей десницей. В свете полной луны рука оказалась темной и морщинистой. Недоумевающий вьюноша поднял глаза и увидел перед собой обнаженную ведьму. Холодом повеяло по спине, все тело мгновенно покрылось гусиной кожей, рот сам собой непроизвольно открылся, но слов не было. Ведунья увидела, что чары ее рассеялись, и, ничуть не смущаясь, ухмыльнулась, накинула холщовую рубашку, которую, оказывается, несла в другой руке, и ласково проговорила:

– Чего вылупился, касатик? Старая я уже стала, силы не те... а то бы чего лучше! Тебе сон приятственный, а мне старой – утешение.

Алексей наконец начал приходить в себя и от возмущения задохнулся. Свистящим шепотом вылетали слова:

– Ты чего, старая карга, удумала! Совсем ума лишилась на старости лет!

– Тихо, тихо, дурачок! Друзей разбудишь, оне же над тобой потешаться будут! Ты на себя посмотри!

Алеша опустил глаза и в испуге прикрыл руками причинное место. Бабушка махнула рукой:

– Иди спать потихоньку, да смотри осторожненько! Ивана с Ильей не разбуди.

Алеша улегся на свое место, но произошедшее перебило сон, да еще Илья храпел под боком, тоненько посвистывал носом во сне Ваня. Только начал засыпать, как вдруг вспомнилось, как сам остановил ведьму... Алексея передернуло. Набожно перекрестился, а губы сами собой прошептали: «За грехи это мне, за грехи...»

С рассветом проснулись. Бабушка, как ни в чем не бывало, хлопотала у летней плиты. Веселый Илья с кряхтением колол дрова. Иван, гордясь молодецкой силой, приволок из леса огромадное бревно. Нет, нет, да покосится исподтишка Алеша на старуху, но та делает вид, что ночное происшествие ее совершенно не касается. Алексей даже засомневался, а не привиделось ли ему это все на самом деле?

– Ты что ходишь, как в воду опущенный? – улыбающийся Илья, обнаженный по пояс, подошел к Алеше с ковшом воды. – Али привиделось что? Слей-ка мне. – Илья наклонился.

– Ну и здоров ты, дядя! – невольно восхитился Алеша, глядя как играют громадные мускулы под кожей гиганта.

Иван тем временем бросил бревно и играл с собакой. Очень дружелюбной оказалась бабушкина питомица. Огненно рыжая, добродушная, среднего собачьего роста, с непривычной для Руси, бородкой. Появление такой странной собаки в глухом лесу оказалось довольно-таки необычным. Бабушка рассказала, что эту собаку год назад ее мужу подарил богатый иноземец. Он не гость, но человек житейный. Князь его в своих палатах потчевал. Вроде как он письмо князю прямо с Царьграда привез. Иноземец ничем не торговал, ничего не покупал, а только все писал чего-то на пергаменте. Воевода князю доносил, уж не соглядатай ли, иноземец-то часом? Но князь наш осерчал и приказал, чтобы этому немцу ни в чем не препятствовали и пускали, куда он захочет.

А иноземец вдруг захворал. Все тело как чирьями покрылось. В деревне напугались, уж не оспа ли?! Княжеского лекаря позвали, тот чего только ни делал, а немцу все хужее делалось. Вот тогда только и вспомнил староста деревенский о ведунье лесной.

Бабушка иноземца за неделю на ноги поставила. Он в благодарность перстень драгоценный с руки ей пожаловал, а мужу – собачонку эту. В ту пору она еще щеночком махоньким была. В дороге сука у него още-

нилась, вот он одного кобелька князю подарил, а суку мужу ведуньи Нинилу отдал. Говорил иноземец через толмача, что собаки такие в Аглицкой земле много денег стоят. Для охоты на всякую дичь они очень способны. Собака и правда охотницей первостатейной стала. Нинил с ней даже на вепря ходил и хвалил сильно. На ногах легкая, увертливая, от зверя отскакивала, но наседала крепко. Работала по зверю с азартом и не боялась никого. Однажды Нинила даже от хозяина спасла. Он как-то на шатуна нарвался. Две стрелы успел выпустить. Отступал назад, да за корень запнулся, если бы не собака, задрал бы миша Нинила. Та сзади налетела, в штаны вцепилась, не дала хозяина в обиду. У Нинила ни рогатины, ни копья. Ножом медведю удачно в сердце попал. Тем и спаслись. Немчин собаке кличку свою, иноземную, дал, только ни старик, ни ведунья ее так даже не запомнили. Назвали Лотой. Кличка, вроде как иностранная, но и по-русски хорошо зовется. Вот только беда: как хозяин преставился, она не у дел оказалась. Охотиться не с кем.

– Вы, молодцы, с собой ее возьмите. Хорошая собака на охоте никогда помехой не будет!

Иван в сомнении покачал головой:

– У нас в деревне у деда Еремы пес Черныш, здоровенный кобель! С волками сколько раз дрался! Так, когда змей первый раз на стадо налетел, он в деревню убежал и три дня из конуры не вылазил!

– Так то пастушья собака, а то охотник прирожденный!

– Чего не знаю, того не знаю... Попробовать бы этого охотника надо...

– Насчет пробы, у меня к вам просьба есть, – бабушка вздохнула. – Вепрь с чушками своими весь огород мне перекопал. Вам бы мясо в дорогу пригодилось, и от моего огорода свиней бы отвадили, – ведунья вопросительно взглянула на друзей.

– Оно, конечно, мясо в дорогу нам бы пригодилось... – Илья в свою очередь посмотрел на спутников.

– Да чего здеся баить! – Иван убежденно махнул рукой. – Конечно, помогнем! – хлопнул Алешу по плечу, тот с кислой миной кивнул. – Ты чегой квелый такой?

– Сон нехороший видел... – Алеша покосился на ведунью.

– А ты расскажи! – с хитрой усмешкой попросила бабушка. – Ежели сон рассказать, то он не сбудется.

Охотиться решили на излучине речки Бражки. Здесь далеко вдавалась старица, переходящая в болото. Это излюбленное место дневной лежки кабанов. Бабушка тоже собралась с парнями, она не раз ходила с мужем на охоту и понимала в этом деле гораздо больше их. Ведунья расставила охотников перед длинной, но узкой поляной в зарослях молодого березняка.

Солнце скрылось за деревьями, смолкли птицы. Тишина зыбкой границы умирающего дня и наступающей ночи застыла над лесом. Бабушка наказала друзьям стоять как можно тише, ни в коем случае не разговаривать. Иван стоял, опираясь ногой на трухлявый пенек. На него напало какое-то оцепенение. Ни о чем не думалось, ничего не хотелось. В лесу тишина. Ни ветерка, даже листья на деревьях застыли. По сосновому стволу пробежала белка, на миг замерла, посмотрела черными бусинками глаз на застывшего Ваню и скрылась. И опять колдовская тишина древнего леса. Ивану казалось, время остановилось, он навсегда останется в этом сумеречном зеленом полумраке.

Медленно умирает день, темнеет. На противоположном краю поляны зашевелились неясные тени. Иван напряг глаза. О кабанах даже не вспомнил. Ему казалось, что кабаны, такие грузные и неповоротливые животные, не могут двигаться так бесшумно. Между тем это появились именно они. Огромный вепрь остановился, вытянул морду, с шумом выдыхая воздух принюхивается. У кабанов очень тонкое обоняние, и старый секач что-то почуял. Все стадо уже вышло из леса на поляну и серыми, еле видимыми силуэтами застыло на месте, осторожно, так же как вожак, подняли рыла вверх, пытаясь определить невидимую опасность.

Иван поднял лук, бесшумно потянул из колчана стрелу, только начал натягивать тетиву – еле слышный свист и сразу же леденящий душу визг раненого кабана! Это Алеша попал в загривок вепрю. Животное крутилось на месте, пытаясь дотянуться до стрелы. Треск ломающихся кустов, стадо в панике, сметая все на своем пути, убегает в спасительные камыши. Иван прицелился в убегающих кабанов. Свинка, огибая дерево, оказалась боком к Ивану. Сразу же выстрел, тут же стрела Ильи впилась в другой бок самки, она упала на передние ноги и медленно повалилась на бок.

А между тем матерый секач хрюкнул и понесся к Алеше. Тот выдернул копье с перекладиной, утвердился поплотнее на ногах и приготовился встретить зверя. Кабан и не думал останавливаться. Не снижая скорости, несется на человека. В последний момент Алексей понял: еще мгновение – и вепрь его сомнет. Проворно прыгнул в сторону и одновременно ударил копьем, промазал. Секач затормозил, острые копыта пробороздили землю. Повернулся всем телом, маленькие красные глазки повернулись на человека. Алеша снова ударил копьем. Вепрь резко повернулся, зубами схватил древко, копье толщиной с руку взрослого мужика сломалось, как щепка! Подбежавший Иван со всего маха вонзил свое копье в бок зверя. Пронзительный визг! Вепрь пытается повернуться в сторону нового врага, но тут страшный удар! Это прибежавший Илья своей великанской палицей проломил голову кабану. Секач тяжело выдохнул и повалился.

Друзья вытерли потные лбы. Все трое тяжело дышали.

– Да-а!.. – Илья задумчиво смотрел на поверженного кабана.

– А енто ведь только вепрь... а со змеем-то как у нас будет!? – высказал общую думу Алеша.

– Добраться еще до него надобно... – рассудительно заметил Иван.

Илья с усмешкой показал друзьям на раненую свинку. Молодая самка перевернулась на живот и пыталась уползти. По траве за ней тянется кровавая дорожка. Задние ноги не слушаются, свинка, разгребая палую листву передними ногами, пытается скрыться в спасительные камыши. Илья не спеша подошел к обреченному зверю, примерился и, стараясь не испачкаться кровью, расчетливо ударил свинку ножом в левый бок. Жалобный визг! Свинка вытянулась, как будто последним усилием она пыталась до-

стичь заветных камышей, мускулы опали, и молодой, полный жизни зверь превратился в тушу мяса.

У Алеши невольно слезы навернулись на глаза. Он отвернулся от друзей и зло вытерся рукавом рубахи.

Еще целый день ушел у охотников на разделку кабанов и копчение мяса. Только на следующее утро друзья собрались идти дальше.

Подошел Иван.

– Я сейчас с бабушкой говорил, обещалась после завтрака проводить нас и дорогу указать.

Как-то само собой получилось, что командовать походом стал Иван, и даже умудренный житейским опытом Илья его слушался.

Коней решили оставить у ведуньи, она обещала присмотреть за ними. Собрали котомки, оружие, посидели на дорожку и двинулись.

Уже через пару верст поняли: с конями здесь не пройти. Бабушка повела тропой, которая уходила круто вверх, да и тропы как таковой не было. Часто приходилось перелазить через поваленные деревья, обходить огромные валуны. Добрый час шли по пояс в зарослях папоротника. В густом лесу влажный, теплый воздух поднимается от земли, пахнет прелым листом. Путешественникам приходилось нелегко. Хоть и взяли с собой, казалось, самое необходимое, но все равно груз получился порядочный. Непривычные к лесу, они часто спотыкались, то и дело вытирали липкий пот и противную паутину с разгоряченных лиц. Ведунья, напротив, не выказывала признаков усталости и проворно шла впереди.

Наконец поднялись на перевал. Они оказались на широкой поляне с высокой травой, которая полого опускалась на противоположную сторону. Бабушка остановилась, друзья с облегчением сняли котомки. Перед ними под безоблачным синим небом расстилался зеленый бескрайний лес. Далеко у горизонта в сизой дымке — далекие горы.

– Все, добры молодцы, дальше сами пойдете. Проводила бы вас до самой пещеры, да хозяйство не на кого оставить, – показала вдаль рукой. – Вот так спуститесь, болото будет, вы его с правой руки оставляйте. Выйдете на старый шлях. По нему влево верст семь надо пройтить. По правую руку одинокий большой дуб увидите. Мимо не пройдете! Дуб огромадный, в три обхвата! Он заметный, у него еще молонья всю вершину снесла. Вот от ентого дуба вам надобно опять вправо идтить. Оттуда и до еёшнего гнезда уже не далёко.

Иван взял на поводок Лоту. Собака непонимающе смотрела то на нового хозяина, то на ведунью. Попробовать охотиться с ней не получилось, но друзья все равно решили взять ее с собой. Посидели последний раз с бабушкой, отдохнули и разошлись в разные стороны.

4

За первый день не дошли даже до шляха.

Когда обходили болото, рано свернули. Веселая, зеленая и на вид влажная поляна оказалась предательским окном. Иван успел сделать только шаг и сразу провалился по пояс. Развернулся, но обратно уже выбраться не смог. Предательская топь мягко и беззвучно сковывала ноги. Алеша бросился на помощь другу, но Иван замахал рукой:

– Стой на месте! А то и тебя засосет! Дерево какое-нибудь...

Илья выхватил меч, рубанул по тонкой осинке. Деревце медленно повалилось. Когда Илья с Алешей подтолкнули осину, Иван провалился уже по плечи. Цепкие руки схватили комель дерева...

Все трое сидят, отдуваясь, рядом. Иван круглыми глазами смотрит на предательское окно. Перед глазами опять веселая, манящая изумрудным мхом полянка. Только спасшее жизнь Ивану деревце блестит мокрой листвой на краю, да с веток свисают тонкие, зеленые нити. Друзья переглянулись. Иван с Алексеем одновременно вздохнули, Илья покачал головой. Ваня в болоте вымок до самой шеи, да и Илья с Алексеем тоже, пока помогали ему выбраться. Пришлось снимать и выжимать всю одежду.

Вокруг еле слышно шелестят листвой кривые осинки, тонкая березка тянет к серому небу чахлую вершину, только на бугорке, где расположились друзья, кряжистая сосна широко раскинула толстые золотые ветки.

Иван, с силой отжимая портки, обратился к друзьям:

– Останавливаться рано еще. Да и место здесь только тоску наводит...

Илья посмотрел на пасмурное небо и подтверждающе кивнул. Алеша брезгливо крутил носом, рассматривая воняющие тиной руки, заметил:

– Оно, конечно, идтить надобно, только вот погода, – кивнул на небо. – Ка бы дождик не пошел.

На пределе слышимости как-то вдруг тонкий свист мгновенно понизился до грозного рева, и страшный грохот теплой волной опрокинул друзей на землю. Стоящего Ивана резкий толчок воздуха перевернул через голову. Страха не было, Иван не успел испугаться, в краткий миг удивился, увидев свои лапти в сером небе.

5

– Нет! Ты, Вика, точно сумасшедшая! – высокий парень картинным движением мотнул головой, откидывая назад длинные светлые волосы. – Машину времени она, видите ли, изобрела! Ты пойми, физика категорически отрицает даже гипотетически, – поднял вверх палец – путешествие в какое-либо прошлое! Хоть на век, хоть на год, даже на секунду! – усмехнулся одними губами.

Тонкая скуластая девушка протестующе затрясла головой, пытаясь возразить, но он, продолжая свою мысль, возвысил голос:

– В будущее – пожалуйста! В далекой перспективе, конечно, но в принципе возможно. В Австралии физики работают... у нас кое-что делают...

– Почему ты считаешь, что существуют только научные знания? А эзотерические? – и не обращая внимание на скептическую улыбку оппонента, с жаром продолжала. – Ведь есть множество фактов, которые твоя наука объяснить не в состоянии...

Лицо парня искривилось презрительной ухмылкой:

– Как же, как же! Пустыня Наска, Йетти, летающие йоги...

– Да! И пресловутые НЛО! – упрямо тряхнула короткой русой стрижкой. – Эти и еще можно привести множество фактов, которые современная наука отказывается признавать и исследовать. Ты,

Алеша, человек ограниченный, – протестующе подняла руку, – дай мне сказать, я ведь не о твоей науке говорю! У тебя, наверное, и знания и полет мысли имеют место быть в твоей обожаемой физике, но постарайся подняться и посмотреть шире...

– На что посмотреть? – с презрительной улыбкой показал рукой. – На камешки эти с зеркалами от бабушкиного шифоньера! Будку-то телефонную, зачем приволокли?

– Ладно! Прекратим бесполезные препирательства. Я же тебя не для этого пригласила, нам надо электричество в будке сделать, ты ведь у нас на все руки мастер.

– Правильно! Здесь ты вся! С первого класса тебя знаю, ты не меняешься. Сначала оскорбила всячески, – улыбнулся, – ретроградом обозвала, теперь свет ей делай! Тебе автономный надо, или от сети?

– Автономный, конечно!

– Фонарь приспособь.

– Фонарик карманный мы, конечно, возьмем, но там свет стационарный нужен будет, хотя бы суток на двое, трое...

На лице Алексея снова проявилась скептическая улыбка.

– И не скалься, пожалуйста! Будешь помогать – скажи, нет, значит нет!

– Да сделаю, сделаю! Ты с кем это... безобразие соорудила? С Валькой что ли?

Запел дверной звонок. Вика пошла открывать, на ходу кивнула:

– С кем же еще!

Алексей открыл дверь будки, присел на корточки и с рассеянным видом рассматривал свисающий с потолка провод. Оглянулся на голоса:

– О! Богатым будешь, только что тебя вспоминали!

Валентин теплыми глазами удивленно уставился на Алексея, медленной улыбкой осветилось лицо:

– Ты-то каким макаром очутился в сиих хоромах? – сгреб друга в охапку и легко оторвал от пола.

– Задавишь, медведь!

Рассматривают друг друга. Алексей похлопал Валентина по животу.

– Ишь, наел рюкзак! А нам ведь и до тридцатчика время еще есть. К Сан Санычу тебя в класс восьмой бы вернуть, вон, на вашей машине времени.

– Зря смеетесь, юноша, нам с Викторией Сергеевной еще Нобелевку на блюдечке с голубой каемочкой благодарная мировая общественность преподнесет! А Вы будете кусать свои холеные коготки и в старости писать мемуар о незабываемых встречах с мировыми знаменитостями.

– Ты в своем репертуаре! – Алексей, улыбаясь, махнул рукой.

– А насчет живота – обижаешь! Здесь одни мышцы! А небольшой жировой слой спасает вашего покорного слугу от палящего зноя и трескучего мороза.

В комнату заглянула Вика:

– Руки мойте и за стол, чайник вскипел.

Втроем сидят за кухонным столом.

– В такую жару горячий чай – наипервейший напиток! – Валентин дует в чашку.

– Ты, Викуха, никак готовить научилась! – Алексей рассматривает надкушенный пирожок.

– С-час! Чтобы вас, обормотов, потом кормить!

– Это продукция тети Веры. Они вчера на юг с младшим наследником улетели.

– Тут-то вы сразу будку и приволокли! Неужели вдвоем приперли?

– Что с ума сказился!? Еще двое оболтусов-лаборантов из нашего отдела. Ровно литр благословенной влаги исполнил роль гонорара.

– А что к себе-то не поволок? Все-таки отдельная хата.

Валентин откинулся на спинку стула, мятым платком вытер потный лоб и со вздохом сказал:

– У меня комната маленькая.

– Будка-то войдет!

Валентин опять вздохнул и махнул рукой:

– Долго объяснять, там дело не в будке. Нам минимум метров пять с половиной в окружности понадобится, а здесь «сталинка».

Через две недели «система переброски», как высокопарно назвал общее детище Валентин, было готово.

В центре спирали из множества зеркал – бывшая телефонная будка. Различные минералы располагались, на первый взгляд, без всякого порядка на самом деле образовывали строгий узор.

Алексей привез два компактных, но очень емких аккумулятора. В магазине их забраковали из-за трещин в корпусах. Связей такого рода у него было множество, особенно среди слабой и прекрасной части человечества, все женщины, независимо от возраста, в Алексее не чаяли души. Он закрепил аккумуляторы, сделал внутреннее освещение и вывел несколько штекеров для подключения приборов. Валентин наглухо закрыл все внешние отверстия металлическими листами для большей жесткости конструкции и обшил внутренность будки поролоном и резиной. В стенку вмонтировал видеокамеру, направленную на окно. Вторая камера с угла комнаты должна запечатлеть весь ход эксперимента для истории.

Суть идеи состояла в следующем: по углам воображаемого восьмиугольника располагаются участницы эксперимента, все должны быть одного пола (среди Надиных единомышленников дамы имели явное большинство), они представляли в воображении эту же комнату ровно год назад и пытались перенести туда будку. В случае успеха «сооружение» должно перенестись в параллельный мир, а оттуда в прошлое. В квартире в тот момент никого не было, как раз в то время вся семья уехала на похороны в другой город. Еще одной удачей экспериментаторов было расположение Викиного дома: он находился почти в центре разлома земной коры, что должно было, по мнению инициаторов, помочь в переброске.

Экспериментировали два дня – безрезультатно. Будка оставалась на месте, и приборы не фиксировали никаких изменений. Разные варианты размещения участниц также ничего не изменило. Все труднее стало собирать девушек на очередной опыт, у каждой свои дела и проблемы.

На этот раз час «х» Надежда назначила на восемь вечера. Без десяти пришел Алексей. Среди входящих в транс участниц прошла легкая волна. Надя повернула голову и с неудовольствием покосилась на виновника, в позе лотоса она сидела как раз напротив двери. Алексей впервые увидел ее в такой позе и внезапно пожалел давнюю

подругу. Викины руки лежат на коленях, обтянутые черной кофточкой торчат острые плечи, грудь кажется еще более плоской, зато появился несуществующий живот. В голове пронеслось: «Бедный «синий чулок»!.. разве что эти глазищи синие!..» Но вот он уже привычным жестом откинул волосы и притворно всплеснул руками:

– Видел бы Сергей Николаевич, как вы обращаетесь с его антикварной мебелью!

Надя отвернулась. Алексей увидел упрямо вздернутый подбородок и прикрытый глаз.

– Иди вон туда и не отсвечивай! – тихо, но грозно сказал Валентин. Приглушенно звучит странная ритмическая музыка. Алексей прошел в угол комнаты и осторожно снял кресло, стоящее на столе. В комнате – полумрак, на окнах плотные шторы. Запах каких-то восточных благовоний и музыка клонят ко сну. Он посмотрел на часы, стрелки показывают почти половину десятого. Подумал: «Посижу еще минут десять – и домой». Музыка стала отдаляться, в кресле удобно и покойно, когда посмотрел на часы в следующий раз, прошло, оказывается полчаса. Тихо встал и пошел к выходу. Уже у входных дверей не удержался и с сарказмом спросил шедшего сзади Валентина.

– Что накрылась «нобелевка»?

Вопреки обыкновению всегда словоохотливый Валентин промолчал, Алексей услышал за спиной только щелчок замка. Надя с подругами продолжали медитировать. Валентин с запасной участницей действа терпеливо ждали. Будка стояла на месте, и таять в небесной дали не собиралась. Время приближалось к одиннадцати, а всем ведь еще нужно добраться до дома. Наконец и Виктория вынуждена была прекратить опыт. Подавленные, расходились. Конечно, сдаваться они не собирались, да и предводительница старалась внушить «пастве» оптимизм. Она говорила, что они на верном пути, нужно обязательно продолжать опыты, и все непременно получится. Все удрученно кивали, некоторые прятали глаза. Договорились встретиться завтра в это же время. Валентин, уходивший последним, был непривычно молчалив, жесткий взгляд обращен в пространство.

– Что-то мы делаем не так...

Утром позвонила на домашний Марина, оказывается, к ней с повинной явился «незабвенный» Коля, и она никак, ну совсем никак не сможет прийти!

– Ты ведь нас без ножа режешь!

– Виконька, миленькая! – слышится в трубке взволнованный и виноватый голос. – У меня ведь личное счастье на волоске висит!

– Сколько раз оно у тебя на этом волоске висело, все упасть не может!

– Тебе хорошо, ты у нас вон какая железная, как памятник Зое Космодемьянской, а я без него жить не могу! – обиженно ответила трубка. – У вас ведь Ксения в запасе есть, пусть за меня сядет.

– Ты думаешь, одна такая?! Наверняка у кого-нибудь еще более весомые причины найдутся! – вздохнула, – хорошо бы у одной! Давай так договоримся: если все явятся, тогда я тебе не звоню, но если кого не будет... кровь из носу... в крайнем случае, веди своего Николая!

– Ты же знаешь, как он к этому относится...

– Ничего, если любит – пойдет.

– Ладно, – кислым, задумчивым голосом ответила Марина.

В кармане джинсов завибрировал сотовый. Только сейчас Вика вспомнила, что звонок отключен со вчерашнего дня. Голос Валентина:

– Ты дома?

– В булочной...

– Это на углу у почты?

– Да, а в чем...

– Давай! Руки в ноги и домой, я минут через пять буду у тебя!

– Что за спешка? – но телефон уже замолчал.

Валентин стоял у подъезда и сразу поспешил к ней на встречу:

– Я показание приборов смотрел, температура в будке медленно повышалась...

– Это ерунда! Столько сидели, дышали...

– Ты меня не дослушала! В двадцать два тридцать семь температура упала почти на полградуса! Так просто не бывает!

– В половине одиннадцатого... – Надя подняла вверх глаза.

– Это можно еще списать на неисправность термометра, хотя я предварительно тщательно проверял все приборы, но в это же время произошел скачок давления! Представляешь!? С точностью до секунды!

– То есть что-то все-таки получилось...

– Получилось-то, получилось, но почему объект на месте остался вот в чем вопрос!

Сидели на кухне, Валентин на листе бумаги рисовал схему:

– Как я понимаю, нам вчера просто не хватило мощности, мы были уже на пороге! Мощность в нашем случае можно повысить двумя способами. Первое: увеличить число участников эксперимента, второе: по-другому их разместить.

– У меня еще вчера мелькнула эта мысль...

Валентин кивнул головой:

– Это очевидно! Но вопрос, как разместить?

– Можно еще раз поменяться местами, или передвинуться всем.

Валентин отрицательно замотал головой:

– Так можно до второго пришествия экспериментировать! Вот смотри, – Валентин повернул бумагу к Вике, – вы сидите по кругу. Можно попробовать посадить всех по принципу взаимных антипатий.

– Это ерунда! Мы все единомышленники, какие антипатии, где ты их возьмешь!

Валентин поднял ладонь:

– Я же не говорю о взаимной ненависти, хотя в легкой форме и она, скорее всего, присутствует в наших рядах, – Вика пыталась возразить, но опять увидела поднятую ладонь:

– Речь идет о вялотекущем неприятии одного индивидуума другим, вследствие зависти, соперничества, даже запах или внешность человека может иметь значение!

– Запах... может быть, но внешность?! Это ты хватил! – Вика поднялась со стула.

– Это может происходить на уровне подсознания! – и другим тоном: – Чайник поставь, я сегодня даже не завтракал. – Вика кивнула.

– Может быть, где-то ты и прав, но как ты выяснишь все эти антипатии?

– Для этого я к тебе и пришел! Давай начнем с тебя.

Вика протянула:

– Никогда даже не задумывалась...

– Вот, например, ты и Надя. Вы ведь, в некотором роде, соперницы?

Вика повернулась с чайником в руках:

– Надежда-то здесь причем?

– Не делай такие глаза! Это ведь деловой разговор. Ты по характеру – лидер, но и она вполне могла бы претендовать на твое место в коллективе.

– Хорошо! Считай, ты меня убедил, но в чем суть твоей идеи?

– Вот смотри схему, – Вика наклонилась над листком.

– Ты у нас будешь плюс, Надя – минус, далее Наташа Коваленко, они вечно с Надей друг друга подкалывают, плюс. И так по кругу.

– То есть у тебя получается что-то вроде электрического прибора, но что это даст?

– Слабым своим умишком я рассудил, попробовать разорвать чувство локтя между участниками эксперимента, чтобы наши дамы сосредоточили свои силы только на мысленном усилии!

Вика в сомнении покачала головой:

– Гипотеза твоя меня не убедила, все это построено на песке, к тому же эту схему, скорее всего, придется переделывать, мне уже двое звонили, говорят, что прийти не смогут.

– Все-таки с прекрасным полом дело иметь, проще удавиться! – раздосадованный Валентин махнул рукой. – Кто звонил-то?

– Утром Маринка, а перед тем как с тобой разговаривать, я заметила Наташки Сильвестровой звонок пропущенный, набрала, а она мне говорит, что мать у нее заболела. По-моему врет!

– С чего ты решила? Мало ли какие обстоятельства у человека!

– Плохо ты ее знаешь! У нее все романтические приключения в голове, а когда поняла, что все это не так уж легко и просто, начала охладевать. Сюда-то ходила только потому, что думала сразу переместиться куда-нибудь в средние века, – усмехнулась.

– Позвони всем, расскажи о показаниях приборов, я уверен, все явятся! У нас обязательно получится!

6

Марина пришла, когда еще не было восьми, хотя на этот раз пришлось собраться в половине десятого, три участницы смогли прийти только к этому времени. Со слезой в голосе плакалась Вике, что никогда, никогда на пушечный выстрел не подпустит к себе этого коварного изменщика.

– ...И в этот момент он называет меня Ириной! Нет, ты представляешь!?

Виктория кивнула. Она делала последние приготовления к эксперименту, Марина ходила следом и очередной раз жаловалась на своего Николая. Так уж повелось, многие девушки использовали Вику в качестве жилетки.

Валентин оказался прав, пришли все, Вика не стала звонить только Сильвестровой. Валентин сам разместил девушек. Началась медитация. Прошло уже более часа, все оставалось по-прежнему, будка стоит на месте и таять не собирается.

В какой-то момент Валентин отвернулся, когда повернулся, невольно вскрикнул, будка исчезла, остался только пыльный квадрат пола. На его возглас девушки вскинули глаза, будка стояла на месте. Валентин непроизвольно протер глаза и бросился к камере.

Когда прокручивал изображение назад, руки дрожали, за его спиной жарко дышали девушки. Поставил на воспроизведение, все затаили дыхание. Томительно долго камера бесстрастно показывала будку, уже кончается запись, но вот будка подернулась дымкой и на мгновение исчезла... и сразу появилась. За спиной Валентина визг, восторженные крики, девушки прыгали и хлопали в ладоши. Только Виктория оставалась спокойной:

– Тише вы, тише! Сейчас соседка снизу прибежит!

Валентин уже возился с камерой, установленной в будке. На этой записи появилось размытое темное пятно. Сколько ни прокручивали запись, бесполезно, ничего рассмотреть не удалось. И все-таки это победа! Валентин даже пожалел, что рядом нет Алексея, что бы он сказал теперь!

Когда восторги поутихли, начали думать, что делать дальше. Валентин осмотрел будку. На самый придирчивый взгляд – никаких изменений. Чуть покачивается гайка на шпагате, но Валентин не запомнил, задевал ли ее головой, когда возился с камерой. Все соглашались, что эксперимент нужно продолжить, но как?

Пока спорили и гадали, Валентин ушел на кухню. Вернулся с большущим котом на руках. Поглаживая рыжего красавца, улыбаясь, спросил Вику:

– Как думаешь, согласится твой Масяня подвиг Гагарина повторить?

Надежда усмехнулась:

– Скорее Лайки, она, говорят, до сих пор на орбите болтается!

– Ты с ума сошел! – Вика попыталась отобрать кота у Валентина, он отворачивается и, прижимая кота к себе, уговаривает хозяйку: – Виканька! Все будет нормально! Ты ведь видела, будка стоит как новенькая, а твоему коту памятник из червонного золота поставят, как первому путешественнику во времени от благодарного человечества!

– Посмертно! – ввернула, усмехнувшись, Надя.

– Отдай кота! – Вика топнула ногой. – Никуда он не полетит! Завтра мышку белую купим.

Неожиданно Валентина поддержали девушки:

– Вика! Ну, пожалуйста! Ничего с ним не случится! – Марина ловила Викторию за рукав, Надя рассудительно добавила:

– Ты сама говорила, что послезавтра родители вернуться должны! – и после микроскопической паузы добавила: – В том году... ну сама подумай...

Надя демонстративно уселась в кресло:

– А делайте что хотите! – отвернулась и закинула ногу на ногу.

Флегматичного кота Валентин вставил в будку и закрыл дверь.

– Воды хоть ему туда поставь! – Вика, оказывается, следила за своим питомцем.

– Как скажете, мадам! – Валентин сходил на кухню, вернулся не только с плошкой воды, но и с чашкой кошачьего корма. Открыли дверь, недоумевающий Масяня начал обнюхивать обе чашки.

Снова расселись по местам. Валентин обратился к девушкам:

– Девчонки! Забудьте, что там кот сидит! – все слушали его с напряженными лицами. – Постарайтесь у себя в сознании вызвать то же состояние, при котором исчезала будка...

– Не слушайте его! – перебила Вика Валентина. – Очистите голову от всего ненужного и случайного. – Валентин примиряюще поднял ладонь и закивал головой. – Давайте, девчонки, давайте! Как в прошлый раз. Ну что еще? – недовольная Виктория обернулась к Валентину, пытавшемуся что-то сказать.

– Девушки! – для большей убедительности Валентин приложил руки к сердцу, – постарайтесь хотя бы минут на пять будку там задержать, чтобы камера успела снять хоть что-нибудь!

Опять потянулись минуты ожидания, но теперь даже физически чувствовалось напряжение. Валентин не смог бы описать это состояние, но был уверен, что так оно и есть.

Сначала он не понял, откуда появился этот странный звук... На фоне музыки сложно определить низкий вибрирующий голос, переходящий во все более высокий. Мелькнула догадка: это Масяня.., но додумать не успел! Хлопок! Звук оборвался. На месте будки – пустой квадрат пыльного паласа! Все вскочили, будка исчезла!

– Девчонки! Садитесь! – Вика пыталась навести хоть какой-нибудь порядок. – Масяня ведь там остался! Надо его вытащить!

– Подождите! Хоть немного подождите! – делал Валентин руками нервные пассы: – Ничего с котом не случится! Еще хотя бы минуты две!

Прошло не две, а, пожалуй, все пять минут, пока все успокоились и расселись по своим местам. Валентин настроился на долгое ожидание, но не успела минутная стрелка закончить свой оборот, как он почувствовал мягкий толчок, и с уже знакомым хлопком и с оглушающим кошачьим «мявом» в центре комнаты появилась почему-то наклоненная будка. Она все сильнее наклонялась, изнутри удар, совпавший с особенно высоким кошачьим воплем, сооружение чуть повернулось и повалилось на девушек!

– Берегись!!! – крикнул Валентин, успел схватить будку за угол, но удержать не смог, только амортизировал падение.

Девичий визг, звон бьющихся зеркал, грохот падения и все это под звуки восточной музыки и непрекращающегося кошачьего вопля. Вика с Валентином столкнулись над будкой, кот перешел на другой регистр. Если до падения из будки звучал высокий тенор, то после уши резал уже альт, стремящийся к фальцету. Вика дергала ручку, но палас под дверью мешал ее открыть, Валентин рванул дверцу на себя, фальцет смолк, в какое-то мгновение он увидел желтые, как фары, глаза, в следующую секунду Масяня прыгнул. Кошатники знают, что такое один коготь, а когда двадцать когтей впиваются в голову!?. Валентин с ругательством резко выпрямился, одновременно поднял руки, пытаясь сбросить с головы испытателя, но Масяня использовал его голову только в качестве трамплина, прыжок совпал с мужским воплем и проклятиями. Викино «кис-кис», как и протянутые руки, повисли в воздухе. Флегматик-кот превратился в отчаянного акробата, с головы Валентина он прыгнул на кресло и сразу же на гардину, вместе с которой сорвался вниз. Стоящая дыбом шерсть, вытаращенные глаза, кот, как мячик, два раза подпрыгнул, зависая в воздухе, и скрылся на кухне.

– С ума сойти! – Вика с открытым ртом проводила Масяню глазами.

– Что он там увидел интересно... – задумчиво спросила Надя.

– Черт с ним! Главное – живой... – Валентин осторожно потрогал лоб и, рассматривая кровь на пальцах, спросил Вику: – Он у тебя случайно не бешеный?

Она не ответила, побежала за Масяней.

– С этими экспериментами кот мог вообще шизофрению заработать! – попыталась серьезно сказать Марина, но в конце фразы фыркнула, переглянулись с Наташей и рассмеялись обе. – Дай хоть я тебя перевяжу, надо только у Вики аптечку взять... – подавила нервный смешок и вслед за Викторией пошла на кухню.

– Здорово я, наверное, на идиота был похож! – говорил Валентин. Он наклонил голову, а Надя с Мариной перевязывали его.

– Не без этого! – наблюдая за перевязкой, усмехнулась Наташа. – Я на всю жизнь запомнила твое лицо, когда у тебя Масяня на голове сидел!

Не затихающее пение дверного звонка, стук в дверь! Открывать пошла Вика. Из прихожей доносится возмущенный старческий голос, отдельные визгливые слова:

– Такая интеллигентная... родители... университет... обязательно вашей маме сообщу!

Хлопнула дверь, в комнату вернулась Виктория, все лицо в красных пятнах. Под вопросительными взглядами подруг, вынуждена была объясниться:

– Соседка снизу! – возмущенно ткнула пальцем в пол, – с самого детства кровь пьет!

Валентин, трогая повязку, ухмыльнулся:

– Любимая «бабка Ешка»!

– И не говори!

Кроме временного сумасшествия Масяни и зафиксированного отсутствия камеры переброски, так высокопарно, но уже с полным основанием переименовал будку Валентин, в руках исследователей оказались записи приборов. Было зафиксировано незначительное повышение давления, рост температуры наружного воздуха уже довольно-таки заметный, на четыре с небольшим градуса. Не хватало самого главного: съемки видеокамеры. По закону бутерброда будка упала как раз на ту сторону, где была установлена видеокамера. Но и потеря камеры, кстати, собственности института, где работал Валентин, не так расстроила экспериментаторов, как выход из строя карты памяти видеокамеры. Компьютер и сама камера уже не хотел узнавать карту. Все расстроились. Валентин решил попробовать оживить карту с помощью специальной программы на работе, но все понимали: шансы призрачны.

– На руках у нас практически нет никаких доказательств, что камера переброски работает! – резюмировал итог эксперимента Валентин.

– Как никаких!? А съемки наружной камеры!

Валентин безнадежно махнул рукой:

– Любой ученый признает такую запись подделкой!

– К сожалению, Валя прав, – согласно кивнула Надежда. – С современной техникой такую запись смонтировать можно элементарно.

– Но мы-то знаем, что переброска состоялась! – в голос возмути-

лись обескураженные девушки. – Можно пригласить серьезных ученых, физиков… кто-то ведь занимается подобными проблемами… – горячо говорила Наташа, пытаясь найти поддержку, оглядывалась на подруг. Все молчали. Вика задумчиво покачала головой:

– Скорее всего, бесполезно! Видели, как на нас Алексей смотрел? А он молодой ученый, диссертацию пишет, а корифеи с нами вообще разговаривать не будут!

– Мне завтра в командировку край надо ехать. – Валентин с досадой ударил кулаком по ладони. – Если еще и завтра не уеду… шеф точно голову оторвет!

– Все равно ведь мы сделали результат! – Надежда смотрела на похоронно молчащих девушек. Трудно примирится с мыслью, что столько трудов затрачено напрасно.

– А что толку, если бы и запись сделали? – обескуражено спросила Наташа. – Что там можно экстраординарное снять?

– Так у нас камера переброски хотя бы осталась, тогда можно бы тому же Алексею показать! А сейчас… – Валентин обвел рукой лежащую будку, осколки зеркал и разбросанные камни. – Разор и запустение!

– Камеру восстановим! – убежденно сказала Надя. – Время мы упускаем, вот что самое главное! Послезавтра уже нельзя будет экспериментировать, а потом Сергей Николаевич вернется, и вообще об опытах можно будет забыть.

Валентин наклонился и рассматривал сухую травинку, которая прилипла к дну лежащей будки:

– Откуда здесь трава?

– Да брось ты пустяками заниматься! – Вика раздраженно махнула рукой. – Не до травы сейчас!

– Неоткуда здесь ей взяться!

– Скорее всего, ты сам со своими лаборантами с какого-нибудь газона притащил!

– Не ставили мы будку на газоны!

Надя тоже махнула рукой:

– Надо решать, что дальше делать, а он травинки рассматривает!

7

Утром Вике позвонила Ксения, одна из участниц эксперимента. Через нее они пытались достать выпуклые зеркала, но на заводе, где работала Ксения, нужных не оказалось, и только сегодня из Петербурга привезли как раз такие, как нужно. Взволнованная девушка спрашивала Вику, будет ли продолжение опыта и нужны или нет злополучные зеркала. Викторию несколько покоробило, что Ксения сначала позвонила Валентину, но он уже уехал в командировку, и только потом позвонила ей. Во время падения будки несколько зеркал, с большим трудом найденные, разбились, а без них опыты невозможны. Виктория прикинула, сколько зеркал и каких размеров нужны, Ксения обещала сегодня же доставить.

Вика решила продолжить эксперимент без Валентина. Обзвонила девчонок, прийти согласились все, видимо опыт с Масяней всех впечатлил.

К приходу девушек Вика успела установить на нужные места зеркала, расставить «камни силы» в строго определенном порядке.

На этот раз Виктория решила сама выступить в роли подопытного кролика. К восьми вечера все собрались. Вика не без внутреннего содрогания закрылась в будке. Все девушки заняли привычные места, только вместо Вики сидела Эля, когда перебрасывали Масяню, она была запасной.

Долго ничего не получалось. Два раза Вика выходила из будки. Один раз посоветовалась с подругами, Надя предложила рассадить всех по-новому. Второй – покачнулась конструкция, и Вика так и не поняла: или началась переброска, или она сама в какой-то момент потеряла равновесие. После переброски Масяни они поняли, конструкция получилась неустойчивой, Валентин собирался после командировки постараться ее укрепить, но сегодня просто некогда было что-либо менять.

Надя предложила поменяться местами, то есть Виктория садилась бы в круг, а Надя – на ее место в будку. В какой-то момент Вика уже решила уступить будку Наде, но потом решила последний раз попробовать перенестись самой.

Выглядело все очень буднично. В какой-то момент Вика подумала о нереальности происходящего: ведь через несколько секунд она может оказаться в каком-то другом мире, совершенно незнакомом никому из живущих. В душу закрался страх, что ждет ее там за роковой чертой? Даже подумалось, не прекратить ли опыт пока не поздно, но усилием воли подавила в зародыше это мимолетное малодушие. Ведь их опыт открывал бесконечные перспективы! Они сами до конца еще не осознали и не осмыслили свой эксперимент и все возможности, что открывались перед ними, да что перед ними! Как бы высокопарно это не звучало, этим опытом они открывали новую страницу в истории человечества!

Додумать она не успела. Тело вдруг потеряло свой вес, она еще успела догадаться: «Вот что так напугало Масяню…»

Состояние невесомости длилось какие-то мгновения. Удар с плеском воды! Колени подогнулись, девушка головой ударилась о резиновую стенку. Будка накренилась и с плеском завалилась на бок. Вика упала, больно ударилась локтем, кругом фонтаном бурлит вода! Где-то рядом яростный собачий лай! Она попыталась открыть дверь, но, даже упираясь ногами, не смогла сдвинуть ее даже на миллиметр. Свет погас, дверь заклинило. Вода быстро прибывает, еще минуты – и будка будет затоплена. Паника удушающей волной захлестнула девушку, и она закричала:

– Люди! Кто-нибудь! Помогите!!!

Сквозь звуки бурлящей воды она расслышала неясные голоса. Почти сразу трубный мужской возглас:

–Тама есть хто?

–Я здесь, здесь! – что есть силы, закричала Вика. – Поверните будку! дверь заклинило!

Опять неясное бормотание, другой уже молодой голос:

–Вот тута взяли!

Надсадное кряхтение. Голос с напряжением:

–Взяли!.. И еще раз взяли!..

Стены покачнулись. Вика не удержалась, окунулась лицом в воду, в этот момент будка повернулась на заднюю стенку, девушка упала на спину, вода захлестнула ее с головой. Спина больно ударилась о какой-то выступ. Услышала, как снаружи дергают дверь, она на ощупь нашла ручку и повернула ее.

Дверь с чмоканьем распахнулась, дневной свет ударил по глазам, сквозь ресницы на фоне пасмурного неба она увидела бородатое лицо с картофелеобразным носом и головы двух молодых парней. Один златокудрый, с тонким иконописным лицом в обрамлении пуха нарождающейся бородки, и широкое лицо второго с наивно распахнутым ртом.

Все трое с любопытством и некоторым страхом рассматривают незнакомку, пока она вылезает из будки.

– Чегой-то я не пойму, – бородатый с некоторой опаской рассматривает ее с ног до головы. – Ты отрок, али как?

– Девушка я!

Она озирается по сторонам и по колено в воде бредет к берегу. На траве задорно прыгает и машет хвостом рыжая бородатая собака. На некотором расстоянии бредут мужчины. На берегу Вика, продолжая осматривать лес, повернулась к своим спасителям:

– Я где? Что это за местность?

– Чегой? – спросил здоровенный парняга, поднимая с травы серую шапку.

– Ты сама-то откели сюды прилетела? – спросил златокудрый, он тоже надел на голову щегольскую синюю шапочку с вышивкой по краю. – Упасть сюды вроде и неоткуда, али с древа какого сорвалась?

– Ох, ребята, я, кажется, попала!.. – качая головой и продолжая озирать лес, приговаривала Вика. – Это вообще где?! Вы кто?

–Мы-то во Христа веруем, а ты не ведунья ли ишо одна на нашу голову? – бородатый с подозрением рассматривает Вику. – Али из немчинов?

– Сейчас какой год?

– Год как год. Богом положенный, людям дарованный! – Неторопливо сказал бородатый, продолжая с неодобрением рассматривать незнакомку. – Ты пошто мужиком нарядилась? И что за одежа у тебя? У нас и немчины таку не носют.

Вика рассеянно посмотрела на свои джинсы, кроссовки...

– Одежда, как одежда...

Посмотрела на одеяния мужчин. Перед ней трое в длинных, почти до колен, рубахах из грубого полотна, подпоясанных в талии кушаками, двое в лаптях, онучи крест на крест перетянуты ремешками, бородатый в сапожках. Подолы рубах мокрые, на обуви тина и болотная грязь. На какой-то миг ей показалось, что она смотрит какой-то исторический фильм, сейчас все кончится, и она окажется дома. На секунду у нее закружилась голова, она закрыла глаза, ее качнуло, она с усилием подняла веки, незнакомцы никуда не исчезли, лес тоже.

Златокудрый поддержал ее за плечо:

– Ты, девица, чай не в себе... Ты откели сама-то?

– О, Господи! Куда я попала!

– Ты не переживай так! – Алеша участливо заглядывал Вике в глаза. – Все перемелется, мука будет. Очами-то какими тебя Господь наградил!

– А все-таки, девица, как ты у здеся оказалась? – спросил Ваня, до этого момента он молча, с непреходящим изумлением рассматривал невесть каким образом попавшую к ним девушку. – У меня ажно лапти чуть не слетели, когда ты в болото плюхнулась.

– Басурманка, небось! У их бабы в портках-то ходют. – Илья попрежнему с недоверием продолжает рассматривать девушку.

– Ну, что прицепились к девахе, как репьи к песьему хвосту! – заступился за Вику Алеша. – Вон, гляньте, у ее уста аж посинели, в болоте купаться, не меды пить! – повернулся к девушке: – Я тебе рубаху и порты дам, а ты вон туды, – показал рукой, – за кусты ступай, свою одежу сыми, да в мою нарядися.

– И то правда, – поддержал друга Ваня. – А мы пока костер вздуем, Илья за дровами сходит.

Только сейчас Вика почувствовала, как замерзла, ее трясло от холода, мокрая одежда неприятно облепила тело, в кроссовках хлюпало. Алеша подал рубаху с затейливой, но уже поблекшей вышивкой по стоячему вороту и бесформенные полосатые штаны. Напоследок подал еще теплые вязанные носки.

Вчетвером сидят у костра. Вика рассеянно гладит виляющую хвостом собаку:

– Как вам еще объяснить... Представьте: пройдет триста лет... как, по-вашему, изменится общество? Техника, орудия труда...

– Техника енто чегой? – Иван внимательно и серьезно смотрит на Вику, Илья перебил, махнув рукой:

– Кака така техника! Через триста годин усе уже помрут давно, ты, девка, расскажи, откели к нам-то свалилась?

Вика попыталась всплеснуть руками, но лишь поддернула спадающие рукава.

– Я ведь и пытаюсь вам объяснить! – замолчала, стараясь подобрать слова. – Вот есть у вас, ну я не знаю, бороны, плуги там, сохи...

– Мельницы! – Алексей подперев голову внимательно смотрит на девушку. Вика согласно закивала:

– Да, да! мельницы!

– Каки мельницы! – Илья снова махнул рукой. – Прилетела сюды на ступе своёй и теперя сказки баит, а вы рты поразявили! – с угрозой наклонился над девушкой: – Ну-кось перекрестись!

Вика отшатнулась, Алексей примиряюще поднял руку, приподнялся Иван:

– Чегой ты, Илья на девицу как тать какой налетел. Она сама про себя хочет поведать, а ты не даешь ей слово молвить! Вон у ведуньи почивали и ничо, а тута...

– Та на ступе железной по небу не летала! – возразил Илья. Тем временем, путаясь в вороте широкой рубахи, Вика достала ажурный золотой крестик на тонкой цепочке, показала друзьям и неумело перекрестилась.

– Во как крестится! – кивнул на Вику Илья, – бесы дланью водить не дают!

– Ты в Христа-то веруешь? – настороженно спросил Алеша.

– Я как-то не задумывалась... – растерянно проговорила Вика.

– В церкву ходишь? Батюшке давно в грехах каялась? – Илья опять наклонился к растерянной девушке.

– В церковь ходила, каяться... у нас как-то не принято...

– Ежели она ведунья, крест бы в жизть не надела, – рассудительно сказал Алеша. – Он бы ей всю грудину спалил! В обители браткеларь баил, что против креста православного ни одна чародейка устоять не могет!

– Ладно, коли так! – Илья все равно с подозрением рассматривает девушку, та в свою очередь с тревогой переводит взгляд с одного собеседника на другого.

– Послушайте меня! – Вика подняла обе руки, привлекая внимание. – Я попробую еще раз объясниться, только не перебивайте!

Она на минуту задумалась, друзья терпеливо ждали.

– Никакая я не ведьма! Такой же человек, как все... – она пытается говорить как можно более просто и понятно, но приноровиться к знаниям людей совершенно другого времени совсем не просто. Тяжело вздохнула: – Пройдет триста... Нет! Не так! Пройдет время, у вас родятся дети, потом внуки, правнуки и когда-то через много лет появится и мое поколение...

– Оно понятно, но ты-то с нами здеся сидишь! – не стерпел Илья.

– Мы с друзьями изобрели такую машину, которая может переносить людей в прошлое.

– Енто как? – спросил Иван.

– Грю вам, чародейка она! И поди други ия таки жа! – погрозил пальцем Илья.

– Я чего уразуметь не могу, – задумчиво говорит Иван. – Ты вот толкуешь, что прилетела сюды из твоей державы, котора когда-нибудь будет ишо, так сейчас ее ведь нету !?

– Это я вам сама объяснить не могу.

Она понимала, если попытается рассказать и объяснить парадокс времени и теорию параллельного мира, то они никогда не смогут договориться. Вика видела недоверие и настороженность Ильи, пытливые глаза Ивана, который честно пытался понять и поверить необычной гостье, Алексей просто рассматривал понравившуюся девушку, похоже, наличие креста его полностью успокоило. Она растерялась. Что сказать этим людям? Как убедить их в реальность своего путешествия, если даже она сама до конца не уверена, что это не сон!

Вдруг вспомнила! В заднем кармане джинсов должен лежать телефон. Вытащила влажный «Samsung», привычным движением открыла «раскладушку». Темный экран, купание аппарату явно на пользу не пошло.

– Енто у тебя чтой за штуковина? – Илья на всякий случай отодвинулся, Иван наоборот вытянул шею.

– Это телефон. Намок, не работает. – Вика рукавом протерла сотовый, разобрала и осторожно разложила детали на камне около костра. – Подсохнет – может, заработает. По такому аппарату можно переговариваться с другим человеком, на каком угодно расстоянии.

– А как? – Иван наклонился над камнем и с неподдельным интересом рассматривает телефон. – Оно само молвит, как мы?

– Вот сюда, – Вика показала, – говоришь, а здесь слушаешь. Там слышно, что говорит твой собеседник.

– Ведаете! – Илья повернулся к друзьям: – Ведьманские чуды!

– Здесь нет ничего чудесного! Такие телефоны в наше время все носят! – Вика для пущей убедительности даже приложила руку к сердцу. – У стариков, у детей, буквально у всех!

– Уся держава ведьмаков! – не сдавался Илья.

– А как оне робят? – Иван с любопытством рассматривает разложенные детали.

– Это я вам тоже не смогу объяснить, у нас все такие сложные механизмы делают на специальных заводах, это... вот у вас в городах есть... ну там кузнецы, или сапожники?

Иван кивнул, Вика продолжила:

– В нашем времени существуют огромные заводы, которые производят самые разные товары. Не так, как у вас, например, кузнец все делает сам, а у нас на заводах один работник делает одну какую-то деталь, другой – другую, потом из них еще другие люди – собирают. Получается вот такой телефон, выпускаются тысячи аппаратов. Потом продают...

– Куды столько-то? – скептически спросил Илья. – Потома у всех таки же и будут?

– Ну, во-первых не все одинаковые, а потом в мире много людей и всем нужны телефоны. У нас ведь все товары так делают.

Вика рассказывала о своем мире, но сама понимала, что чем дольше она говорила, тем сумбурнее получается рассказ. Собеседники получили очень смутное представление об этом странном мире. Летающие лодки, телеги, ездящие без лошадей, картинки в ящике... «Они считают меня или колдуньей, или сумасшедшей. Да на их месте я бы, наверное, думала так же, – промелькнуло в голове у Вики, – у нас в истории ведьм на кострах вроде бы не жгли», – усмехнулась, но с некоторой внутренней дрожью. Видела перед собой недоверчивые задумчивые глаза, иногда даже испуг читался на лицах. Может быть, эти чувства вызывал не сам рассказ, а она сама. Вряд ли ее собеседникам понравилось бы оказаться в дремучем лесу в обществе с буйно-помешанной!

– Однако байки разные опосля будем слушать, – Илья со вздохом поднялся. – Здеся ночевать не баско. Надобно место искать, – повернулся к Вике: – Тебя бы, девка, к князю в город отправить. Пускай решает, куды тебя...

Поднялись и остальные. Иван сказал, вопросительно глядя на друзей:

– Пущай покуда с нами на змея идет.

Илья в сомнении посмотрел на девушку:

– Не бабское енто дело...

– А куды ее теперича девать? – поддержал друга Алексей. – Ежели лесу не ведает, дорогу ей не найти. Не тута же девку бросать!

– А куда вы идете? – Вика поочередно смотрела на друзей.

– На Кудыкину гору! – хмыкнул в бороду Илья.

– Змея идем воевать! – Иван прилаживал на спину котомку.

– Какого змея? Горыныча? – удивленно спросила Вика.

– Горынычи только в сказках бывают! – назидательно проговорил Илья. Он тоже с кряхтением влезал в веревочные лямки своего мешка.

– А это... настоящий змей?.. Он что, разговаривает?

– Хто, змей? – с улыбкой спросил Илья.

– Бают же тебе, – с досадой покосился на Илью Алеша. – Енто ведь не сказка! Он у нас в деревне скотину воровал, вот мы теперь и идем его добывать. Ты бы в свое переоделась, – он с улыбкой посмотрел на ее наряд. – А то по дороге порты потеряешь.

Вика с открытым ртом поочередно посмотрела на спутников и пошла переодеваться.

Оглушительный хлопок! Фонтан брызг! Крыша торчащей из болота будки исчезла. Вода бурлит, заполняя пустое пространство.

(Продолжение следует)

Дмитрий ШУНЯКОВ

Соискатель кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б.Н.Ельцина (г. Екатеринбург). Область научных интересов – история армии России, история наград. Автор более 10 публикаций.

НОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ РККА И ВМФ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

В настоящее время в обществе наблюдается повышенный интерес к истории России, особенно это касается периода Великой Отечественной войны. Публикуется огромное количество книг, статей, научных работ, снимаются художественные фильмы. К сожалению, многие фильмы и интернет-ресурсы изобилуют ошибками относительно правил ношения государственных наград в различные периоды войны. Это связано с тем, что наградная система в тот период развивалась стремительно, некоторые положения действовали непродолжительное время, совершенствовались или отменялись. Разобраться с правилами ношения государственных наград в обозначенный период и предназначена статья.

Наградная система Российской империи, предшественника Советского Союза, включала в себя восемь орденов. У орденов, имевших одну степень («Св. Андрея Первозванного», «Св. Александра Невского» и «Белого Орла»), и у первых степеней других орденов («Св. Георгия», «Св. Екатерины», «Св. Владимира», «Св. Анны» и «Св. Станислава») крест носился на бедре на широкой муаровой ленте через плечо, а на груди располагалась звезда ордена. Ленты орденов «Св. Андрея Первозванного», «Св. Екатерины», «Св. Георгия», «Св. Владимира», «Св. Станислава» носились через правое плечо, а ленты орденов «Св. Александра Невского», «Белого Орла» и «Св. Анны» – через левое плечо. Звезды всех орденов носились на левой стороне груди – за исключением звезды ордена «Св. Анны», носимой на правой стороне груди. Кресты орденов «Св. Георгия» 2-й и 3-й степеней, «Св. Владимира» 2-й и 3-й степеней, «Св. Анны» 2-й степени и «Св. Станислава» 2-й степени носились на шее; кавалеры орденов «Св. Георгия» и «Св. Владимира» вторых степеней носили также орденскую звезду. Ордена «Св. Георгия» и «Св. Владимира» четвертых степеней и ордена «Св. Анны» и «Св. Станислава» третьих степеней носились на пятиугольных колодках, обтянутых орденскими лентами, на левой стороне груди. После этих орденов размещались медали[1].

Наградная система Российской империи базировалась на нескольких принципах: 1) награждение шло последовательно, от низшей (4-й) степени к высшей; 2) ордена, вручаемые за военные заслуги, имели отличие – перекрещенные мечи; 3) орденские знаки низших степеней снимались при получении более высокой степени данного ордена (исключение составляли ордена, пожалованные за военные подвиги – они носились всегда); 4) исключалась возможность награждения орденом одной степени повторно; 5) ордена подразделялись по сословному цензу – награды для дворян и специальные степени для других сословий, а также по религиозному принципу – для «иноверцев» существовали специальные варианты наград[2].

Наградная система Российской империи была отменена сразу после событий 1917 г. Одним из первых своих декретов ВЦИК (высший орган советской власти – Всероссийский центральный исполнительный комитет) 10 ноября 1917 г. упразднил все ордена, медали и другие знаки отличия, существовавшие в дореволюционной России[3].

С весны 1918 г., после начала Гражданской войны и раскола страны на два крупных лагеря,

возникла острая необходимость в создании символики принадлежности к той или иной стороне. Белое движение осталось верным прежней, дореволюционной символики, в т.ч. и в наградах.

В Красной армии первоначально практиковалось награждение оружием, часами, портсигарами, как правило именными, предметами одежды. Первой официальной советской государственной наградой стала коллективная – Почетное революционное Красное знамя[4].

Однако имелась необходимость и в индивидуальных знаках отличия для Красной армии, о чем в своей телеграмме 13 августа 1918 г. на имя Председателя ВЦИКа Я.М.Свердлова говорил народный комиссар по военным делам РСФСР Н.И.Подвойский: «Лучшие революционные солдаты и все связавшие свою судьбу с Советской Республикой командиры жаждут республиканских отличий. Настоятельно высказываюсь за установление «Знака героя» и «Знака героизма»[5].

2 сентября 1918 года на заседании ВЦИК по инициативе Я.М.Свердлова была создана комиссия, возглавляемая А.С.Енукидзе, для составления проекта индивидуальных наградных знаков. Комиссия предложила два варианта – орден «Красное знамя» и орден «Красная гвоздика». 14 сентября 1918 года предложения комиссии были рассмотрены на заседании ВЦИКа, где был выбран вариант «Красное знамя». Декретом от 16 сентября 1918 г. ВЦИК учредил первый советский орден «Красного знамени». Параграф 1-й данного декрета гласил: «Знак отличия присуждается всем гражданам Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». В 3-м параграфе было сказано, что: «Знак ордена «Красное знамя» гражданин (такой-то) имеет право носить на груди»[6]. Чуть позже, орденом «Красное знамя» стали награждаться и воинские части[7].

Со временем стало ясно, что необходимо разрешить повторные награждения орденом. Но в какой форме? Военные считали, что возможно ввести степени ордена, и вошли с таким предложением во ВЦИК. 17 сентября 1919 года этот вопрос слушался на заседании Президиума ВЦИКа, но предложение было отклонено. Тогда Л.Д.Троцкий предложил при вторичном и всех последующих награждениях орденом не выдавать новые знаки, а укреплять «на основном ордене маленькие цифры – два, три, четыре и т.д.». В таком случае, не устанавливая степеней награды, можно было выдавать новые знаки, свидетельствующие о том, что это не первый орден у героя[8].

Таким образом, в РСФСР была создана не просто новая, а принципиально отличная от Российской империи наградная система, имевшая целый ряд особенностей, сделавших ее уникальной и не похожей на наградные системы других государств. К таким особенностям можно отнести: возможность многократного награждения одного лица одной и той же наградой; возможность производить награждение орденами как индивидуальное, так и коллективное; отсутствие каких-либо цензов по происхождению, вероисповедованию для награждения.

Военный советник в Китае, комдив М.Г.Ефремов, 1927 г. Два ордена «Красное знамя» РСФСР, орден Красного Знамени Азербайджанской ССР и знак «Честному воину Карельского фронта» расположены на розетках.

Командир 4-го стрелкового корпуса, комкор Я.Ф.Фабрициус, 1928 г. Первый четырехкратный кавалер высшей награды СССР (на тот момент) – ордена Красного Знамени. Все награды расположены на красных розетках.

В 1920 г., VIII Всероссийским съездом Советов, был учрежден орден «Трудовое Красное знамя» РСФСР. Правила ношения ордена были аналогичны уже существовавшему ордену «Красное знамя» – с помощью винта на левой стороне груди[9].

Вслед за орденом «Красное знамя» и «Трудовое Красное Знамя» РСФСР в союзных республиках были учреждены одноименные ордена республиканского масштаба – всего 20 орденов. Боевые ордена: орден «Красное Знамя» Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Бухарской Народной Советской Республики, Хорезмской Народной Советской Республики, Военный Красный орден Хорезмской Народной Советской Республики, орден «Красная Звезда» Бухарской Народной Советской Республики, орден «Красный Полумесяц» Бухарской Народной Советской Республики, орден «Серебряная звезда» Армянской ССР. Трудовые ордена: орден Трудового Красного Знамени Украинской ССР, Белорусской ССР, Закавказской СФСР, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР, Таджикской ССР, Узбекской ССР, Хорезмской Народ-

ной Советской Республики, орден Труда Хорезмской Народной Советской Республики[10].

В ходе Гражданской сформировался так называемый «революционный» стиль ношения наград, когда при креплении ордена к одежде под него подкладывалась красная муаровая розетка, и орден смотрелся более красиво.

Дальнейшее развитие наградной системы связано с созданием Советского Союза, который был образован 30 декабря 1922 г.[11] Наградная система СССР продолжала совершенствоваться, усложняться, разделившись на две подсистемы; первая – награды за трудовые заслуги и вторая – награды для поощрения военных заслуг. Обе эти системы развивались комплексно, взаимно дополняя друг друга. Кроме орденов также появились медали, разделив наградную систему на два уровня, где ордена занимали высшее положение.

В течение 20-ти лет после образования СССР к 1941 г. были учреждены: 2 почетных звания, 3 ордена, 4 медали, многочисленные нагрудные знаки для отличия в боевом мастерстве или трудовых заслуг.

Иерархия государственных наград СССР к началу 1941 г. представлена в табл. 1.

Учрежденные ордена по правилам ношения были аналогичны предыдущим: имели одну степень, носились при помощи штифта с гайкой на левой стороне груди. Постепенно от красных розеток под орденами отказались. «Боевые» медали («Золотая Звезда», «Серп и Молот», «За отвагу», «За боевые заслуги», «XX лет РККА») носились также на левой стороне груди, вслед за орденами, подвешиваясь на прямоугольной колодке, обтянутой красной муаровой лентой. «Трудовые» медали («За трудовую доблесть», «За трудовое отличие») носились аналогично «боевым», но на треугольной наградной колодке с красной лентой.

Кроме орденов и медалей, для поощрения изучения и освоения военного дела были учреждены ряд нагрудных знаков «за отличие в боевом мастерстве». 3 января 1936 г. были учреждены знаки «За отличное вождение боевых машин» и «За отличную стрельбу из танкового оружия», которыми награждались рядовой, младший командный и начальствующий состав автобронетанковых войск РККА. 14 августа того же года учреждаются знаки для награждения рядового, начальствующего и командного состава артиллерии – «За отличную артиллерийскую стрельбу» и «За отличную артиллерийскую подготовку». 10 августа 1938 г. были учреждены еще два знака: «Снайпер РККА» и «Отличник ВМФ», которыми награждались краснофлотцы, курсанты, командный, политический и начальствующий состав ВМФ за «Отличную боевую и политическую подготовку, отличное несение службы и примерную дисциплину». И, наконец, 14 ноября 1939 г. был учрежден последний, довоенный, нагрудный знак – «Отличник РККА», схожий по предназначению со знаком «Отличник ВМФ»[12].

Таблица 1

Иерархия государственных наград СССР к началу 1941 г.*

Категории	«Боевые» награды	«Трудовые» награды
Звания	Герой Советского Союза	Герой Социалистического Труда
Ордена	Ленина, Красное знамя, Красная звезда	Ленина, Трудовое Красное знамя, Знак Почета
Медали	За отвагу, За боевые заслуги	За трудовую доблесть, За трудовое отличие
Знаки	За отличное вождение боевых машин, За отличную стрельбу из танкового оружия, За отличную артиллерийскую стрельбу, За отличную артиллерийскую подготовку, Снайпер РККА, Отличник ВМФ, Отличник РККА	Многочисленные трудовые знаки, учреждаемые народными комиссариатами промышленности или различными предприятиями за ударный и добросовестный труд, победителям в соцсоревнованиях и пятилетках

* Таблица составлена автором на основе орденских статутов, положений о медалях и знаках, действовавших в 1928–1941 гг.

Кроме этих знаков существовал нагрудный значок Осоавиахима (Союз обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства СССР) и РККА для награждения метких стрелков «Ворошиловский стрелок». Учрежденный 29 декабря 1932 г., разделенный на две ступени 10 марта 1934 г., широко использовался для награждения метких стрелков в РККА (до учреждения 10 января 1938 г. знака «Снайпер РККА»), в оборонных организациях звание присваивали вплоть до начала Великой Отечественной войны[13].

Существовал еще один знак, применявшийся в программе физкультурной подготовки в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях – «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Наряду с вышеперечисленными существовало также два памятных знака за участие – «Участнику Хасанских боев», учрежденный 5 июня 1939 г. и «Участнику боев у Халхин-Гол», учрежденный 16 августа 1940 г.[14]

Все нагрудные знаки носились также на левой стороне груди, как и ордена и медали.

Советские ордена и медали несли на себе большую функциональную нагрузку в виде оформления и символического значения. Они несли на себе все символы советской идеологии (Красное знамя, Красная звезда, серп и молот – символ единения рабочих и крестьян, шестерня – эмблема труда, изображения заводов, ГЭС, техники, которые подчеркивали мирный труд, а также образ «Вождя-основателя» Ленина).

Основой большинства советских орденов был венок: лавровый (символ славы, мужества) или из колосьев пшеницы, т.е. основной элемент советского государственного герба. Еще одним обязательным символом была пятиконечная звезда (символ обороны, охраны, безопасности), а также красный цвет оформления (символ революции и революционного войска).

С такими государственными наградами Советский Союз встретил Великую Отечественную войну 22 июня 1941 г. Война

Командующий войсками Белорусского особого военного округа, генерал-полковник Д.Г.Павлов, 1940 г. Медаль «Золотая Звезда» расположена выше орденов, медаль « XX лет РККА» после них.

Лейтенант пехотных частей РККА со знаками «Будь готов к труду и обороне» (слева) и «Ворошиловский стрелок» II степени, 1940 г.

Командир 447-го корпусного артиллерийско-го полка, полковник М.А.Александрович, 1940 г. Орден Красной Звезды, медаль «XX лет РККА» и знак «За отличную артиллерийскую подготовку».

Красноармеец Павел Федотович Нехай, 1941 г. Знаки «Будь готов к труду и обороне» (слева), «Ворошиловский стрелок» II степени и «Готов к ПВХО».

потребовала сплотить, мобилизовать все ресурсы для победы над врагом. До конца первого года войны никаких изменений в наградную систему внесено не было. Награждение шло уже существующими наградами, правила их ношения были аналогичны довоенным.

В декабре 1941 г. родилась Советская Гвардия – проявившие особый героизм войсковые части. Первыми, 18 сентября 1941 г., были преобразованы в «гвардейские» 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковая дивизия в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские соответственно[15]. В мае 1942 г. были установлены гвардейские звания, в соответствии с которым перед воинским званием в Красной армии полагалось добавлять слово «гвардии» (например, гвардии военврач 1 ранга), а в Военно-морском флоте перед военным званием добавлять слова: «гвардейского экипажа» (например, гвардейского экипажа старшина 1 статьи). Этим же приказом для Красной армии вводился особый нагрудный знак, представляющий собой овальный лавровый венок, верхняя часть которого покрыта развернутым влево от древка красным знаменем. На знамени надпись золотыми буквами: «ГВАРДИЯ». В середине венка, на белом поле, красная пятиконечная звезда. Знамя и звезда имеют позолоченный ободок. Древко знамени перевито лентой. В нижней части венка имеется щиток с надписью выпуклыми буквами: «СССР». Знак металлический с позолотой. Полотнище знамени и звезда покрыты рубиново-красной эмалью; поле, окаймленное венком – белой эмалью[16].

Через месяц, 19 июня 1942 г., приказом народного комиссара Военно-морского флота Н.Г.Кузнецова устанавливался особый нагрудный знак для гвардейских экипажей, представляющий собой прямоугольную пластинку с ушками, покрытую гвардейской лентой установленного образца. Длина пластинки – 31 мм, ширина – 4 мм. Пластинка изготавливалась из различных металлов, для начальствующего состава и мичманов гвардейских экипажей – позолоченная, для рядового состава, старшин 2-й и 1-й статьи и главных старшин – посеребренная[17].

Этими приказами устанавливалось и место ношения гвардейских знаков – впервые в СССР на правой стороне. Так начиналось «освоение» и ранее свободной правой стороны груди военнослужащих.

В мае 1942 г., кроме знака «ГВАРДИЯ», были учреждены семь нагрудных знаков «Отличный...»: «...в целях поощрения особо выдающихся стрелков, пулеметчиков, минометчиков, танкистов, подводников и торпедистов из числа рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии, ВМФ и войск НКВД»[18]. Носились знаки также на правой стороне груди. Специальных удостоверений не предусматри-

Снайпер 54-го стрелкового полка, младший лейтенант Людмила Павличенко, герой обороны Севастополя, осень 1942 г. Справа видны нагрудные знаки «Гвардия» и «Отличный снайпер».

Старший матрос В.С.Казаков с нагрудным знаком «Отличный торпедист». Черноморский флот, 1943 г.

валось, но делалась запись в красноармейской книжке.

Вся серия нагрудных знаков была построена по одной схеме. Вытянутый по вертикали варяжский щит, бывший на вооружении древнерусских воинов, наложенный на золотистый венок. Щит покрыт красной прозрачной эмалью. Внизу щита располагалась эмблема, изображение вида оружия или техники, соответствующей названию знака[19].

Всего за годы Великой Отечественной войны будут учреждены 29 нагрудных знаков для поощрения солдат и сержантов разных специальностей.

Газета «Правда» от 22 мая 1942 г. писала: «Пусть заблистают величием совершенных подвигов нагрудные знаки гвардии и отличников-воинов... Пусть награжденные... нагрудными знаками будут в первых рядах богатырей, сокрушающих немецко-фашистские войска и освобождающих советскую землю от гитлеровских мерзавцев!»[20].

Также в мае был учрежден первый орден Отечественной войны, ставший символом победы в войне и получившим огромное уважение среди фронтовиков. Этот орден коренным образом отличался от всех ранее учрежденных следующими особенностями: 1) имел две степени, I (высшую) и II (низшую), отличавшиеся материалом изготовления: I (позолоченная) и II (серебряная); 2) способом крепления – на прямоугольной колодке, обтянутой красной шелковой лентой; 3) подробнейшим статутом для каждой из степеней, с четкими критериями кого и за что следует награждать; 4) отличным местом ношения – на правой стороне груди. Также в статуте было прописано, что награждение может быть повторяемо за новые подвиги и отличия[21].

Учреждение этого ордена имело огромный эффект для воодушевления и поднятия боевого духа действующей армии. Из директивы Главного Политического управления РККА начальникам политуправлений фронтов, начальникам политотделов армий, редакторам фронтовых и армейских газет: «Во всех частях и подразделениях проведите... беседы о значении нового ордена Отечественной войны... разъясните, какие боевые заслуги дают право быть награжденным новым орденом, используя это для еще лучшей мобилизации бойцов и командиров... В ближайших номерах дайте статьи... о награжденных новым орденом, указывайте, за какой подвиг тот или иной боец, командир, политработник получил эту награду»[22].

Хочется еще раз отметить тот факт, что все учреждаемые государственные знаки были отличны от довоенных, по месту и способу ношения, по количеству степеней и наградным критериям.

Для награждения командного состава в июле 1942 г. было учреждено сразу три так называемых «полководческих» ордена, а с учетом их степеней – семь орденов. Примечательно, что все они были учреждены на следующий день после выхода приказа № 227 «Ни шагу назад!» одним указом[23] (III степень ордена Кутузова была учреждена дополнительным указом в феврале 1943 г.[24]).

Внешний вид, способ ношения «полководческих» орденов перекликался с ранее утвержденным орденом Отечественной войны и имели схожие с ним черты: 1) имели несколько степеней – три (за исключением ордена Александра Невского, имевшим одну степень), I (высшую), II (среднюю) и III (низшую), отличавшиеся материалом изготовления: I (позоло-

Первый награжденный на Краснознаменном Балтийском флоте орденом Александра Невского за бой 25 мая 1943 г. в Финском заливе, командир сторожевого корабля, старший лейтенант, И.П.Чернышев., июнь 1943 г.

Командир батареи 51-й отдельной пушечной артиллерийской Красносельской Краснознаменной бригады, капитан В.Г.Крэла, 1944 г.

Первоначально, орден Александра Невского носился на левой стороне, а медаль «За оборону Ленинграда» справа (как у ст. лейтенанта Чернышова). А после 19 июня 1943 г. их место ношения изменилось зеркально (как у капитана Крэла).

Член военного совета Воронежского фронта, генерал-лейтенант Н.С. Хрущев, 28 марта 1943 г. Орден Суворова II степени – слева, а медаль «За оборону Сталинграда» – справа.

Командир 321-го отдельного саперного батальона 15-й штурмовой инженерно-саперной бригады подполковник П.Г.Попов, 1945 г. Орден Суворова III степени располагается справа.

Первоначально, учрежденные ордена Суворова и Кутузова носились на прямоугольной колодке слева на груди (как у ген.-лейт. Хрущева), а после июля 1943 г. стали носиться справа без колодки (как у подполковника Попова).

ченная), II (серебряная), III (бронзовая) [орден Александра Невского изготавливался из серебра], кроме того, ордена II и III степени имели уменьшенный размер; 2) способом крепления – на прямоугольной колодке, обтянутой красной шелковой лентой; 3) общий вид, который основывался на звезде, с расходящимися в стороны лучами, в центре звезды помещался медальон с профилем полководца; 4) местом ношения – на левой стороне груди.

Было очевидно, что появился новый стиль орденов, отличавшийся от предыдущих, перегруженных революционной символикой. Внешне они были очень похожи на дореволюционные ордена.

Кроме того, «полководческие» ордена имели очень важное отличие – «категорийность» награждения, то есть награждение шло не последовательно от низшей к высшей степени, а в зависимости от занимаемой должности.

Все «полководческие» ордена были взаимосвязаны и иерархичны, при этом орден Суворов» имел высший и «наступательный» статус, орден Кутузова находился в промежуточном положении и имел «оборонительный» статус, орден Александра Невского занимал младшее положение в иерархии.

При учреждении этих орденов руководству страны пришлось отойти от принципа равноправия в награждении, так как категория награждаемых была весьма ограничена, а основная масса военнослужащих не могла претендовать на награждение.

Кроме военных орденов в 1942 г. для награждения участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда – военнослужащих Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, а также лиц из гражданского населения, принимавших непосредственное участие в обороне, были учреждены медали «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя» и «За оборону Сталинграда»[25].

Сами медали также по себе уникальны: 1) они предназначались для награждений как военнослужащих РККА, ВМФ и НКВД, так и лиц гражданского населения; 2) первоначальное место ношения – на правой стороне груди; 3) впервые в СССР медали носились на пятиугольной колодке, обтянутой уникальной для каждой медали цветной муаровой лентой. Тем самым был восстановлен дореволюционный способ ношения медалей, который вплоть до сегодняшнего дня, является основным; 4) все медали были объединены общим замыслом, имели одинаковый реверс с выпуклой надписью: «За нашу Советскую Родину» и серпом и молотом над надписью, на лицевой стороне изображался тот или иной барельеф и надпись в верхней части, за оборону какого города вручена медаль.

Обращает на себя внимание, что медаль «За оборону Сталинграда» была учреждена в момент, когда боевые действия в городе еще велись!

Для непосредственных участников боев эти медали имели огромное значение. Из воспоминаний ветерана Александра Федоровича Феня: «Если честно, то самая дорогая для меня медаль – «За оборону Сталинграда». Потому что выжить там – это было большое-большое чудо... бывало так, что человек туда попал, а на второй день уже и погиб. Но мы выстояли!»[26].

Командир партизанского соединения С.А.Ковпак. На правой стороне груди видны медали «Партизану Отечественной войны» первой и второй степени.

Комендант 22-го укрепрайона Ленинградского фронта полковник Г.И.Шолев с медалью «За оборону Ленинграда», лето 1943 года. Медаль располагается справа.

Весной 1943 г. была учреждена еще одна медаль – «Партизану Отечественной войны»[27]. Вообще партизанское движение в годы Великой Отечественной войны было уникальным феноменом. В довоенные годы о партизанах даже и не думали, Красная армия готовилась разбить врага малой кровью на его же территории. Однако реалии первых месяцев войны привели к тому, что многие части и соединения Красной армии были окружены и разгромлены, вследствие чего в тылу фашистских войск оказались тысячи бойцов и командиров. Кто-то из них сдался и пошел на сотрудничество с оккупантами, кто-то снял форму и растворился среди местного населения. Но основная масса бойцов и командиров осталась верна присяге и продолжила борьбу с врагом, стихийно объединяясь в группы различной численности. Также к ним примыкало гражданское население, убегая от насилия и беззакония немецких оккупационных властей. Постепенно их численность росла, и они стали реальной силой. Действия партизанских отрядов наносили чувствительный урон захватчикам, срывая перевозки, уничтожая штабы, узлы связи, заставляя гитлеровское командование держать в тылу огромное количество так необходимых им на фронте войск.

Вполне естественно, что успехи партизан нуждались в соответствующей награде со стороны государства. Существующие ордена и медали не в полной мере подходили для награждения по следующим причинам: специфика партизанских действий не отражалась в статутах орденов и медалей, и значительная часть бойцов партизанских отрядов не являлась военнослужащими.

Учрежденная медаль «Партизану Отечественной войны» предназначалась для награждения партизан, начальствующего состава партизанских отрядов и организаторов партизанского движения, проявивших храбрость, стойкость и мужество в партизанской борьбе в тылу против немецко-фашистских захватчиков, имела ряд отличий от уже учрежденных: 1) наличие 2-х степеней, I степень серебряная, II – латун-

ная; 2) категорийность степеней: I степень предназначалась для награждения за особые заслуги в деле организации партизанского движения, II степень – за личное боевое отличие в выполнении приказов и заданий командования; 3) впервые на медалях СССР на лицевой стороне чеканилось погрудное профильное изображение вождей Советского государства – В.И.Ленина и И.В.Сталина.

Способ крепления был аналогичен медалям за оборону городов – на пятиугольной колодке, с индивидуальной лентой для каждой степени на правой стороне.

В январе 1943 г. произошло важное событие – введение новой формы одежды Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной армии»[28] (Введен приказом НКО № 2529). Всем категориям устанавливались погоны (парадные и полевые), мундиры (парадные и повседневные), а также полевая гимнастерка. Фактически произошло восстановление формы императорской армии. Вот что по этому поводу писала газета «Красная звезда»: «После Октябрьской революции, когда реакционное офицерство выступило против советской власти с оружием в руках, молодая Красная армия отказалась от формы, которую носили ее враги. С тех пор много воды утекло. Красная армия выросла и окрепла. В ее рядах сформировались замечательные командирские кадры, и ныне страна дает своим сынам знаки воинского достоинства, украшавшие мундиры российской армии времен 1812 года, героев Севастопольской обороны и битв с немцами в годы Первой мировой войны»[30].

Для Военно-морского флота форма была установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Военно-морского флота СССР»[31] (Введен приказом НКВМФ № 51[32]).

Форма была с радостью встречена в действующей армии. Кроме того, новая форма привела к тому, что красноармейцы и моряки стали относиться к своему внешнему виду гораздо внимательнее, солдатам не разрешалось появляться в общественных местах в нечищеной одежде и обуви, небритыми или непричесанными[33].

Введение новой формы фактически разделило Великую Отечественную войну на две половины: 1) в старой «безпогонной» форме, когда Красная армия несла большие потери, отступала и терпела поражение, и 2) в «новой» форме, когда одержан ряд крупных побед, вера в окончательную победу окрепла, Красная армия пошла на Запад и победоносно окончила войну.

Про это говорили и пленные немецкие солдаты: «Это не та Красная армия, которую мы били в 1941 г. Теперь уже той армии... нет, сейчас появилась царская, русская армия»[34].

С началом войны было учреждено большое количество орденов и медалей в дополнении к уже существовавшим на момент начала Великой Отечественной войны. Однако в учреждаемых наградах не прослеживалось системности в правилах ношения, что создавало массу неудобств при одновременном ношении большого количества наград. К таким недостаткам можно отнести: 1) ордена, учрежденные до войны (Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета») имели одну степень и носились при помощи штифта с гайкой; 2) ордена, учрежденные в ходе войны (Отечественной войны, Суворова, Кутузова, Александра Невского) и часть медалей («Золотая Звезда», «За отвагу», «За боевые заслуги») носились при помощи прямоугольной колодки, обтянутой красной шелковой лентой; 3) другие медали («Партизану Отечественной войны», «За оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда») носились на пятиугольной колодке, обтянутой индивидуальной для каждой награды лентой; 4) все награды (за исключением ордена Отечественной войны и медалей за оборону городов) носились на левой стороне груди. Также ношение наград создавало проблемы для военнослужащих, действующих в замкнутых пространствах боевых машин.

Для устранения этой проблемы 19 июня 1943 г. Указом Верховного Совета СССР были установлены новые правила ношения орденов и медалей, при этом все ранее действовавшие положения о порядке ношения орденов, медалей и знаков отличия утратили свою силу[35].

Новые правила ношения орденов и медалей СССР отличаются от прежних, существовавших до 1943 г., своей цельностью и стройностью. Они предусматривают последовательность расположения орденов и медалей, определяют место ношения и способы прикрепления их к одежде.

Этими правилами установлено ношение одной группы орденов на правой стороне груди и другой группы орденов и всех медалей на левой стороне груди. Правила ношения наград представлены в табл. 2.

Вместе с утверждением новых правил ношения орденов и медалей СССР было частично изменено и описание некоторых из них, то есть ордена, имеющие круглую или овальную форму, и медали СССР стали прикрепляться к одежде награжденных при помощи специальной пятиугольной колодки, обтянутой индивидуальной для награды лентой, а ордена,

Таблица 2

Ношение орденов и медалей после 19 июня 1943 г.*

На правой стороне груди	На левой стороне груди
Орден Суворова I, II, III степени, орден Кутузова I, II, III степени, орден Александра Невского, орден Отечественной воины I, II степени и орден Красной Звезды	Медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда. Орден Ленина, орден Победы, орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, орден Славы I, II, III степени, все медали

* Составлено автором по Указу Президиума ВС СССР от 19.06.1943 г. «Об утверждении образцов и описания лент к орденам и медалям СССР и правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия».

имеющие звездообразную форму, – при помощи нарезного штифта и гайки без колодки (исключением является орден Славы).

Для каждого ордена и медали в отдельности установлены образцы шелковых муаровых лент, имеющих свой определенный цвет и рисунок.

Также нововведением явилась прямоугольная планка для ношения лент без орденов и медалей. Ношение на обмундировании планок с соответствующими лентами исключает необходимость повседневного ношения самих орденов и медалей и тем самым предотвращает случаи их утраты или повреждения. Введение планок для ношения лент явилось новшеством, явно заимствованным от армий других государств (Великобритания, Франция, Германия). В дореволюционной России подобных планок не существовало, предполагалось ношение самих наград, в т.ч. и в боевых условиях. Планки получили широкое распространение в ходе войны. После окончания Великой Отечественной войны, вплоть до сегодняшнего дня, планки являются неотъемлемым элементом повседневной формы одежды военнослужащих.

В октябре 1943 г. учреждение орденов Победы[36] и Богдана Хмельницкого[37] продолжило традиции «полководческих» наград. Орден «Победы» закрыл нишу награждения высшего командного состава за особо важные операции в масштабе одного или нескольких фронтов. Орден имел одну степень и крепился при помощи штифта с гайкой. Единственный из «полководческих» орденов, носившийся на левой стороне груди.

В то же самое время учреждение ордена Богдана Хмельницкого было во многом спорно, т.к. он во многом перекликался с уже существовавшими орденами Суворова и Кутузова. Учреждение ордена связывают с сильным влиянием «украинского» крыла высшего партийного руководства, куда входили член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Н.С.Хрущев, кинорежиссер А.П.Довженко и поэт М.Бажан. Вновь учрежденный орден, аналогично орденам Суворова и Кутузова, имел три степени и «категорийность» награждения ими, однако имел и ряд отличий: третьей степенью могли награждаться рядовые, а также партизаны, а также надпись на ордене выполнена не на русском, а на украинском языке (единственная награда СССР)[38].

Поскольку орден «Суворова» имел более «наступательный» статус, а «Кутузова» – «оборонительный», то орден Богдана Хмельницкого стал вручаться соответствующим категориям за освобождение городов и районов СССР и стал, таким образом, «освободительным».

Учреждение новых орденов изменило существовавшую ранее иерархию «полководческих» наград, отныне она стала следующей: ордена «Победы», затем Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и, наконец, Александра Невского.

В один день с высшим «полководческим» орденом Победы был учрежден и орден Слава. Орден имел очень высокий статус «солдатского ордена», сопоставимый с «полководческими» орденами и первоначально имел название «Багратиона», но впоследствии получил имя «Славы». Фактически, был возрожден самый почетный орден царской России – орден Святого Георгия. Награждения производились за проявленные в боях за Родину личное мужество, бесстрашие и храбрость, последовательно, от третьей степени к первой. Полные кавалеры всех степеней имели право на присвоение им воинского звания: рядовые и младший начальствующий состав (ефрейторы и сержанты) – старшина; старшины – младший лейтенант, а младшие лейтенанты, соответственно, лейтенант.

Кроме того, что это был «солдатский» орден, это был еще и орден, который вручался только за личные заслуги перед Отечеством. Воинские части и подразделения знаком этого ордена не награждались[39].

В истории Великой Отечественной войны имеется уникальный случай, когда все бойцы подразделения за один бой получили орден Славы. 14 января 1945 г. в ходе Висло-Одерской операции, все рядовые, сержанты и старшины 1-го батальона 215-го Краснознаменного полка 77-й гвардейской Черниговской Краснознаменной орденов Ленина и Суворова стрелковой дивизии, за мужество и героизм, проявленные в бою на левом берегу реки Вислы, были награждены орденом Славы, командиры рот этого батальона – орденом Красного Знамени, командиры взводов – орденом Александра Невского, а командир батальона Б.Н.Емельянов стал Героем Советского Союза[40].

В следующем, 1944 г. произошло очень важное событие – учреждение специализированных наград для моряков. 22 марта 1944 г. были учреждены «флотоводческие» ордена Ушакова и Нахимова, а чуть ранее, 3 марта – медали Ушакова и Нахимова. Учрежденные награды стали своего рода аналогом уже существовавших «сухопутных»: орден «Ушакова» – аналог ордена Суворов», Нахимова – ордена Кутузова, медаль Ушакова – медали «За отвагу», а медаль Нахимова – медалями «За боевые заслуги». Различие орденов заключалось в меньшем количестве степеней, две вместо трех, но принцип «категорийности» награждения был сохранен. Статусы орденов позволяли производить не только индивидуальное, но и коллективное награждения. Носились «флотоводческие» ордена аналогично «полководческим» – на правой стороне с помощью штифта и гайки[41].

Надо сказать, что наконец-то осуществилась давняя мечта моряков о создании уникальных наград, предназначенных только для офицеров и матросов флота. Подобной награды не существовало и во время царской России, т.е. русский флот, «любимое детище Петра Великого», 250 лет не имел своей награды! Появились «флотоводческие» награды не случайно, начиная с 1944 г. Военно-морской флот вышел на оперативный простор, в связи с освобождением морских баз на Балтийском и Черном морях приступил к активным действиям на морских коммуникациях противника и сыграл большую роль в заключительном этапе войны.

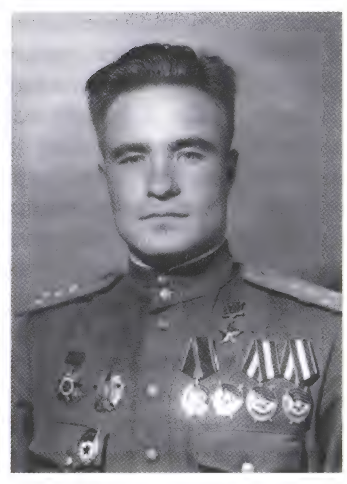
Так же в 1944 г. были учреждены очередные медали для отличия участников обороны стратегически важных городов и районов – «За оборону Москвы», «За оборону

Командир дивизиона 1732-го зенитного артиллерийского полка, подполковник В.Г.Тесленко, 1945 г.

Герой Советского Союза, командир дивизиона подводных лодок Северного флота, капитан 2-го ранга Н.А.Лунин, весна 1945 г.

Герой Советского Союза, командир эскадрильи 193-го гвардейского отдельного разведывательного авиаполка 2-й воздушной армии капитан Л.П.Иванов, 1945 г.

Помощник командира взвода связи 1-го стрелкового батальона 222-го стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии старший сержант Смотряев.

Примеры правильного ношения наград. Ордена справа на груди носятся без колодок, ордена и медали слева носятся на пятиугольных колодках.

Примеры смешанного ношения наград раннего и позднего типа. Такое ношение наград было широко распространено в конце войны и в первые послевоенные годы.

Кавказа» и «За оборону Советского Заполярья». Медали выполнялись в аналогичном стиле с предыдущими, носились при помощи пятиугольной колодки, обтянутой индивидуальной лентой на левой стороне груди[42].

Такимобразом,ксередине1944г. были учреждены те ордена и медали, с которыми СССР и встретил Победу. Учрежденные ордена и медали позволяли производить награждение солдат и офицеров действующей армии, участников партизанского движения, подпольщиков, тружеников тыла, народных ополченцев, в соответствии с их заслугами.

7 мая 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. Указом Президиума Верховного Совета СССР, 9 мая 1945 г. объявлен днем Победы[43].

В послевоенный период были учреждены следующие медали: 1) «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 2) «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 3) «За взятие Будапешта (Кёнигсберга, Вены, Берлина)»; 4) «За освобождение Варшавы, Праги, Белграда» и 5) «За победу над Японией»[44].

После Победы над Германией и окончания Великой Отечественной войны СССР, в соответствии со своими обязательствами перед союзниками, 8-го августа 1945 г. начал боевые действия против Японии на Дальнем Востоке. Всего за 22 дня Красная армия и Военно-морской флот разгромили японскую армию численностью около 1 млн 300 тыс. чел., тем самым принудив Японию к признанию поражения и капитуляции 2 сентября 1945 г. В ознаменование этого события Указом Президиума Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За победу над Японией». Медалью награждались: военнослужащие Красной армии, ВМФ и войск НКВД, принимавшие непосредственное участие в боевых действиях в составе войск 1-го и 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской речной флотилии и военнослужащие центральных управлений НКО, НКВМФ и НКВД, принимавшие участие в обеспечении боевых действий[45].

Всего за период Великой Отечественной войны было учреждено 10, а учитывая количество степеней, фактически, 21 орден, а также 21 медаль. К концу 1945 г. иерархия советских наград выглядела следующим образом: 1) орден Ленина; 2) орден Красного Знамени; 3) орден Суворова I степени; 4) орден Ушакова I степени; 5) орден Кутузова I степени; 6) орден Нахимова I степени; 7) орден Богдана Хмельницкого I степени; 8) орден Суворова II степени; 9) орден Ушакова II степени; 10) орден Кутузова II степени; 11) орден Нахимов II степени; 12) орден Богдана Хмельницкого II степени; 13) орден Суворова III степени; 14) орден Кутузова III степени; 15) орден Богдана Хмельницкого III степени; 16) орден Александра Невского; 17) орден Отечественной войны I степени; 18) орден Отечественной войны II степени; 19) орден Трудового Красного Знамени; 20) орден Красной Звезды; 21) орден Почета; 22) орден Славы I степени; 23) орден Славы II степени; 24) орден Славы III степени; 25) медаль «За отвагу»; 26) медаль Ушакова; 27) медаль «За боевые заслуги»; 28) медаль Нахимова; 29) медаль «За трудовую доблесть»; 30) медаль «За трудовое отличие»; 31) медаль «Партизану Отечественной войны» I степени; 32) медаль «Партизану Отечественной войны» II степени; 33) медаль «За оборону Ленинграда»; 34) медаль «За оборону Москвы»; 35) медаль «За оборону Одессы»; 36) медаль «За оборону Севастополя»; 37) медаль «За оборону Сталинграда»; 38) медаль «За оборону Кавказа»; 39) медаль «За

обороны Советского Заполярья»; 40) медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 41) медаль «За победу над Японией»; 42) медаль «За взятие Будапешта»; 43) медаль «За взятие Кёнигсберга»; 44) медаль «За взятие Вены»; 45) медаль «За взятие Берлина»; 46) медаль «За освобождение Белграда»; 47) медаль «За освобождение Варшавы»; 48) медаль «За освобождение Праги»; 49) медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; 50) медаль «XX лет РККА»[46].

Условия войны потребовали от государства изменения идеологической направленности наград. Вместо коммунистических идеалов советское руководство было вынуждено обратиться к ранее отвергавшемуся прошлому и «классово чуждым» историческим деятелям. Уже в первые дни войны прозвучали слова о начале Отечественной войны за Родину[47].

На параде 7 ноября 1941 г. И.В.Сталин обратился к войскам со словами: «Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»[48].

Большинство орденов, учрежденных за годы войны, несли имена полководцев прошлого. Внешне эти награды принципиально отличались от тех, что появились в предвоенный период. Основным элементом являлась пяти или многоконечная звезда, в центре которой помещался медальон с изображением полководцев прошлых эпох, что делало «полководческие» ордена сильно похожими на награды царской России. Это сходство сильнее всего прослеживается в ордене Славы, который создавался по подобию солдатского Георгиевского креста, но имел форму пятиконечной звезды и меньшее количество степеней.

Сколько всего было награждено орденами и медалями за годы Великой Отечественной войны? В справке о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны отдел по учету и регистрации награжденных Президиума Верховного Совета СССР дает цифру в 11,5 млн чел. (таблица 3)[49].

В справке приводятся также статистические данные о национальном составе награжденных: 68% (4 895 449 награждений) – русские; 17,81% (1 305 584 награждений) – украинцы; 2,9% (211 806 награждений) – белорусы; 11,29% – остальные национальности.

Кроме того, в справке приводятся крайне любопытные данные относительно партийности награжденных, из которых следует, что половина награжденных (49,52%) были беспартийные, еще 39,14% были членами или кандидатами в члены ВКП(б) и 16,34% состояли в ВЛКСМ. Также из справки следует, что 2,4% (175 821 награждение) от общего количества награжденных приходилось на женщин[50].

Интересно также проследить хронологию награждения по годам войны. В книге «Генеральный штаб в годы войны» приводятся следующие данные (таблица 4)[51].

Несмотря на казалось бы огромное число награждений, фронтовики отмечались весьма скупо. Число награжденных составило около 34,4% (11 892 200 чел.) от общего количества призванных в ряды РККА и ВМФ за годы войны (34 457 000 чел.), при этом количество награжденных хотя бы одним орденом составило всего 15,3% (5 300 000 чел.). Количество награжденных за труд в тылу было и того меньше – всего около 1%[52].

В годы Великой Отечественной войны в правилах ношения государственных наград СССР можно выделить три периода.

Первый – с момента начала войны до учреждения первого ордена «Отечественной войны» (22 июня 1941 – 19 мая 1942 гг.). В первом этапе новых наград учреждено не было, и правила ношения государственных наград были аналогичны довоенным – ордена носились при помощи штифта и винта, медали на прямоугольной колодке с красной шелковой лентой. Все ордена, медали и знаки носились только слева.

Второй этап начинается датой учреждения первого ордена «Отечественной войны» и заканчивается выходом Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении образцов и описания лент к орденам и медалям СССР и

Таблица 3

Количество награждений орденами и медалями СССР за время войны*

	Орденами	Медалями	Итого
Всего награждений	4 875 695	6 603 960	11 479 655
В том числе: - за боевые подвиги;	4 663 872	6 642 196	11 093 068
- за трудовые заслуги.	211 823	174 764	386 587

* Составлено автором по: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11–12.

Таблица 4

Количество награждений по годам Великой Отечественной войны*

Год	Кол-во награждений	Кратность увеличения награждений, раз	Отношение к общему количеству награждений, %
1941	32 700	–	0.3
1942	395 000	12	3.2
1943	2 050 000	5	16.7
1944	4 300 000	2	35.1
1945	5 470 000	1.3	44.7
Всего:	12 247 700**	–	100

* Таблица составлена автором по: Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 488.

** Данные приведенные С.М.Штеменко отличаются в большую сторону (на 800 тыс.) от содержащихся в «Справке о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны».

правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия» (20 мая 1942 – 18 июня 1943 гг.). В это время было учреждено много орденов и медалей принципиально отличавшихся от существующих. К этим отличиям можно отнести наличие нескольких степеней у орденов и медалей, ношение учрежденных орденов на прямоугольной колодке с красной лентой, ношение учрежденных медалей на пятиугольной колодке с индивидуальной для каждой награды лентой. Большинство учрежденных наград и знаков в этот период носились на правой стороне груди.

Начало третьего, заключительного этапа совпадает с утверждением новых правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия и заканчивается победой в Великой Отечественной войне (19 июня 1943 – 9 мая 1945 гг.). После учреждения новых правил ношения одна группа орденов стала носиться на правой стороне груди (без колодок, при помощи штифта и гайки), а другая группа орденов и все медали на левой стороне груди (при помощи пятиугольной колодки с индивидуальной для каждой награды лентой). При этом существовало несколько исключений из этого правила. Все позднее учрежденные награды соответствовали по правилам ношения этому указу. С небольшими изменениями эти правила действуют и сегодня.

Несмотря на учреждения четких правил ношения государственных наград в июле 1943 г., повсеместной практикой являлось смешанное ношение наград раннего и позднего типов. По мнению автора, это происходило по следующим причинам. Во-первых, офицерам и солдатам на фронте было попросту некогда и негде переделывать награды по новым правилам. Во-вторых, многие фронтовики специально этого не делали, чтобы подчеркнуть факт награждения в начальный период войны, когда были тяжелые бои и потери, а награждали скупо.

Опыт учреждения и ношения государственных наград военнослужащими РККА и ВМФ в годы Великой Отечественной войны дает богатый аналитический и практический материал для развития современной системы награждения Российской Федерации. Ее целью должно быть укрепление боевого духа и создание в воинских коллективах чувства патриотизма и преданности Родине. Авторитет государственных наград должен быть исключительно высок, так же как и престиж военной службы. Это позволит обеспечить соответствующие условия для эффективного выполнения военнослужащими своих служебных обязанностей и дальнейшего развития обороноспособности страны.

Список литературы:

1. Айрапетян Б.В. Нагрудные знаки Красной армии (1941–1945). – М.: Collectors book, 2004. – 177 с.
2. Араловец Н.А. Людские потери во Второй мировой войне // Отечественная история. 1996. № 3. С. 193–197.
3. Балязин В.Н. За подвиг ратный и трудовой : [об истории сов. орденов и медалей] : Кн. для учащихся / В.Н.Балязин. – М. : Просвещение, 1987. – 239,[1] с. : ил.
4. Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. – М.: Наука, 1990. – 336 с.: ил.
5. Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 23–26.
6. Декрет ВЦИК от 16.09.1918 г. «О знаках отличия» // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 348–349.
7. Декрет ВЦИК от 30.04.1919 г. «О порядке присуждения ордена Красное Знамя воинским частям» // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 5. С. 132–133.
8. Декларация I съезда Советов СССР от 30.12.1922 г. об образовании Союза Советских Социалистических Республик» // Постановления первого съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик, Изд. ЦИК СССР, М., 1923. С. 5–7.
9. Директива ГлавПУ РККА № 82 от 22.05.1942 г. «О разъяснении в войсках значения нового ордена Отечественной войны» // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 5. Т. 2. Л. 453.
10. Доманк А.С. Знаки воинской доблести. 2-е изд. М., изд-во ДОСААФ СССР, 1990. – 132 с. : ил.
11. Кожевников А. Награды бойцам Красной армии // Правда. – 1942. № 81 (8852). – С. 2.
12. Коломнин С. Загадки ордена Красного Знамени. [Электронный ресурс] : [Академия русской символики «Марс»: on-line журнал] / С.Коломнин. – Режим доступа: http://www.geraldika.org/04_2006_06.htm. – Загл. с экрана.
13. Липатов П. Униформа Красной Армии. Знаки различия, обмундирование, снаряжение сухопутных войск Красной Армии и войск НКВД 1936–1945 гг. М.: Техника-молодежи, 1995. – 64 с.
14. Лобода В.Ф., Каргальцев. И.П. Ордена и медали СССР [Текст] : Справочник / В.Ф.Лобода и И.П.Каргальцев. – Москва : Воен. изд-во, 1950 (тип. им. Тимошенко). – 240 с.
15. Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды / Г.А.Мурашев. – 3-е изд. – СПб. : Полигон, 2003. – 347 с. : цв. ил.
16. Новые знаки различия // Красная звезда. – 1943. № 5 (5376). – С. 1.
17. Постановление VIII Всероссийского Съезда Советов от 28.12.1920 г. «Об Ордене «Трудового Красного Знамени» // «Собрание узаконений РСФСР», 1921, № 1.
18. Почетное революционное Красное знамя // Советская военная энциклопедия (в 8 тт.) / под ред. Н.В.Огаркова. – М.: Воениздат, 1976.
19. Приказ НКВМФ № 142 от 19.06.1942 г. «Об установлении гвардейского Военно-морского флага, особого нагрудного знака и особой ленты к фуражке» // ЦВМА. Ф. 79. Д. 39799. Л. 20–24.
20. Приказ НКВМФ № 51 от 15.02.1943 г. «О введении новых знаках различия для личного состава ВМФ» // ЦВМА. Ф. 216. Д. 12753. Л. 283.
21. Приказ НКО № 308 от 18.09.1941 г. «О переименовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские дивизии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 110–112.
22. Приказ НКО № 167 от 28.05.1942 г. «Приказ с объявлением Указа Президиума ВС СССР «О введении для военнослужащих гвардейских частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота гвардейских военных званий» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 389–391.
23. Приказ НКО № 0669 от 30.08.1942 г. «О ликвидации неряшливости в ношении обмундирования военнослужащими Красной Армии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 72. Л. 240–242.
24. Приказ НКО № 25 от 15.01.1943 г. «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды Красной Армии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. Л. 113–114.
25. Речь Председателя ГКО и Народного комиссара обороны тов. Сталина И.В на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции 7 ноября 1941 г. // Правда. – 1941. № 310 (8718). – С. 1.
26. Санько В.В. Нагрудные знаки СССР: 1917–1946. М.: АСТ, 2004. – 576 с.
27. Смыслов О.С. История советских наград [Текст] : 1918–1991 / Смыслов О.С. ; – М. : Вече, 2007. – 396 с. : ил.
28. Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11–12.
29. Сталин И.В. Выступление по радио Председателя ГКО 3 июля 1941 г. // Правда. – 1941. № 182 (8590). – С. 1–2.
30. Указ Президиума ВС СССР от 20.05.1942 г. «Об учреждении Ордена Отечественной войны I и II степени» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 66–71.
31. Указ Президиума ВС СССР от 21.05.1942 г. «Об утверждении нагрудных знаков «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист», «Отличный подводник» и «Отличный торпедист» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1942 г., № 20.
32. Указ Президиума ВС СССР от 29.07.1942 г. «Об учреждении военных орденов: ордена Суворова I, II и III степени, ордена Кутузова I и II степени и ордена Александра Невского» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 52–56.
33. Указ Президиума ВС СССР от 8.02.1943 г. «Об учреждении военного ордена – Ордена Кутузова III степени и о дополнении статута Ордена Суворова» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 56–58.
34. Указ Президиума ВС СССР от 22.12. 1942 г. «Об учреждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда» и о награждении этими медалями участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия,

1984. С. 125–129.
35. Указ Президиума ВС СССР от 2.02.1943 г. «Об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. Л. 388–390.
36. Указ Президиума ВС СССР от 6.01.1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 2.
37. Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 6.
38. Указ Президиума ВС СССР от 19.06.1943 г. «Об утверждении образцов и описания лент к орденам и медалям СССР и правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943 г. № 23.
39. Указ Президиума ВС СССР от 8.11.1943 г. «Об учреждении Ордена «Победа» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 108. Л. 618.
40. Указ Президиума ВС СССР от 8.11.1943 г. «Об учреждении Ордена Славы I, II и III степени» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 108. Л. 619–620.
41. Указ Президиума ВС СССР от 10.10.1943 г. «Об учреждении Ордена Богдана Хмельницкого I, II и III степени» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 63–66.
42. Указ Президиума ВС СССР от 3.03.1944 г. «Об учреждении военных медалей: Медали Ушакова и Медали Нахимова» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 15.
43. Указ Президиума ВС СССР от 22.03.1944 г. «Об учреждении военных орденов: ордена Ушакова I и II степени и ордена Нахимова I и II степени» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 15.
44. Указ Президиума ВС СССР от 1.05.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Москвы» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 25.
45. Указ Президиума ВС СССР от 1.05.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Кавказа» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 25.
46. Указ Президиума ВС СССР от 5.12.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 64.
47. Указ Президиума ВС СССР от 8.05.1945 г. «Об объявлении 9 мая праздником победы» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 26.
48. Указ Президиума ВС СССР от 9.05.1945 г. «Об учреждении медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 26.
49. Указ Президиума ВС СССР от 6.06.1945 г. «Об учреждении медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 33.
50. Указ Президиума ВС СССР от 9.06.1945 г. «Об учреждении медалей «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены» и «За взятие Берлина» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 34.
51. Указ Президиума ВС СССР от 9.06.1945 г. «Об учреждении медалей «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», и «За освобождение Праги» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 34.
52. Указ Президиума ВС СССР от 30.09.1945 г. «Об учреждении медали «За победу над Японией» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 70.
53. Фень А.Ф. Воспоминания. [Электронный ресурс]: [Новости Беларуси: портал газеты] / А.Ф.Фень. – Режим доступа: http://udf.by/news/main_news/79606-veteran-ya-by-vsem-kto-hodil-v-ataku-prisvoil-geroev-sovetskogo-soyuza.html. – Загл. с экрана.
54. Фридман В. Батальон Славы // Знамя коммунизма. 1985. № 2. С. 3–8.
55. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. – 2-е издание. / Литературная запись Сомова Г.А. – М.: Воениздат, 1989.
56. Шуняков Д.В. Наградная система Российской империи в начале XX века / Д.В.Шуняков // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. XII Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию Заслуженного деятеля науки России, доктора исторических наук, профессора Александра Васильевича Бакунина. Материалы. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г. : в 2-х т. – Екатеринбург : [УрФУ], 2014. – Т. 2. – С. 335–341.

Примечания:

[1] Шуняков Д.В. Наградная система Российской империи в начале XX века. С. 336.

[2] Мурашев Г.А. Титулы, чины, награды / Г.А.Мурашев. – 3-е изд.– СПб. : Полигон, 2003. – С. 139.

[3] Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 23–26.

[4] Почетное революционное Красное знамя // Советская военная энциклопедия (в 8 тт.) / под ред. Н.В.Огаркова. Том 1. М.: Воениздат, 1976. С. 611.

[5] Коломнин С. Загадки ордена Красного Знамени. [Электронный ресурс] : [Академия русской символики «Марс»: on-line журнал] / С.Коломнин. – Режим доступа: http://www.geraldika.org/04_2006_06.htm. – Загл. с экрана.

[6] Декрет ВЦИК от 16.09.1918 г. «О знаках отличия» // Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 348–349.

[7] Декрет ВЦИК от 30.04.1919 г. «О порядке присуждения ордена Красное Знамя воинским частям» // Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 5. С. 132–133.

[8] Коломнин С. Загадки ордена Красного Знамени. [Электронный ресурс]: [Академия русской символики «Марс»: on-line журнал] / С.Коломнин. – Режим доступа: http://www.geraldika.org/04_2006_06.htm. – Загл. с экрана.

[9] Постановление VIII Всероссийского Съезда Советов от 28.12.1920 г. «Об Ордене «Трудового Красного Знамени» // «Собрание узаконений РСФСР», 1921, № 1, С. 7.

[10] Всеволодов И.В. Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем. М.: Наука, 1990. С. 42–64.

[11] Декларация I съезда Советов СССР от 30.12.1922 г. об образовании Союза Советских Социалистических Республик» // Постановления первого съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик, Изд. ЦИК СССР, М., 1923. С. 5–7.

[12] Санько В.В. Нагрудные знаки СССР: 1917–1946. М.: АСТ, 2004. С. 24, 27–29.

[13] Там же. С. 32–36.

[14] Доманк А.С. Знаки воинской доблести. 2-е изд. М., изд-во ДОСААФ СССР, 1990. С. 29–33.

[15] Приказ НКО №308 от 18.09.1941 г. «О переименовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские дивизии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 110–112.

[16] Приказ НКО №167 от 28.05.1942 г. «Приказ с объявлением Указа Президиума ВС СССР «О введении для военнослужащих гвардейских частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота гвардейских военных званий» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 104. Л. 389–391.

[17] Приказ НКВМФ № 142 от 19.06.1942 г. «Об установлении гвардейского Военно-морского флага, особого нагрудного знака и особой ленты к фуражке» // ЦВМА. Ф. 79. Д. 39799. Л. 20–24.

[18] Указ Президиума ВС СССР от 21.05.1942 г. «Об утверждении нагрудных знаков «Снайпер», «Отличный пулеметчик», «Отличный минометчик», «Отличный артиллерист», «Отличный танкист», «Отличный подводник» и «Отличный торпедист» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1942 г., № 20.

[19] Айрапетян Б.В. Нагрудные знаки Красной армии (1941–1945). М.: Collectors book, 2004. С. 87.

[20] Кожевников А. Награды бойцам Красной Армии//Правда. – 1942. № 81 (8852). – С. 2.

[21] Указ Президиума ВС СССР от 20.05.1942 г. «Об учреждении Ордена Отечественной войны I и II степени» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 66–71.

[22] Директива ГлавПУ РККА № 82 от 22.05.1942 г. «О разъяснении в войсках значения нового ордена Отечественной войны» // ЦАМО. Ф. 32. Оп. 920265. Д. 5. Т. 2. Л. 453.

[23] Указ Президиума ВС СССР от 29.07.1942 г. «Об учреждении военных орденов: ордена Суворова I, II и III степени, ордена Кутузова I и II степени и ордена Александра Невского» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 52–56.

[24] Указ Президиума ВС СССР от 8.02.1943 г. «Об учреждении военного ордена – Ордена Кутузова III степени и о дополнении статута Ордена Суворова» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 56–58.

[25] Указ Президиума ВС СССР от 22.12. 1942 г. «Об учреждении медалей «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда» и о награждении этими медалями участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 125–129.

[26] Фень А.Ф. Воспоминания. [Электронный ресурс] : [Новости Беларуси: портал газеты] / А.Ф.Фень. – Режим доступа: http://udf.by/news/main_news/79606-veteran-ya-by-vsem-kto-hodil-v-ataku-prisvoil-geroev-sovetskogo-soyuza.html. – Загл. с экрана.

[27] Указ Президиума ВС СССР от 2.02.1943 г. «Об учреждении медали «Партизану Отечественной войны» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. Л. 388–390.

[28] Указ Президиума ВС СССР от 6.01.1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 2.

[29] Приказ НКО № 25 от 15.01.1943 г. «О введении новых знаков различия и об изменениях в форме одежды Красной Армии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 107. Л. 113–114. Подлинник

[30] Новые знаки различия // Красная звезда. – 1943. № 5 (5376). – С. 1.

[31] Указ Президиума ВС СССР от 15.02.1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943. № 6.

[32] Приказ НКВМФ №51 от 15.02.1943 г. «О введении новых знаках различия для личного состава ВМФ» // ЦВМА. Ф. 216. Д. 12753. Л. 283. Подлинник.

[33] Приказ НКО №0669 от 30.08.1942 г. «О ликвидации неряшливости в ношении обмундирования военнослужащими Красной Армии» // РГВА. Ф. 4. Оп. 11. Д. 72. Л. 240–242.

[34] Липатов П. Униформа Красной Армии. Знаки различия, обмундирование, снаряжение сухопутных войск Красной Армии и войск НКВД 1936?1945 гг. М.: Тех-

ника-молодежи, 1995. С. 63.

[35] Указ Президиума ВС СССР от 19.06.1943 г. «Об утверждении образцов и описания лент к орденам и медалям СССР и правил ношения орденов, медалей, орденских лент и знаков отличия» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1943 г. № 23.

[36] Указ Президиума ВС СССР от 8.11.1943 г. «Об учреждении Ордена «Победа» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 108. Л. 618.

37 Указ Президиума ВС СССР от 10.10.1943 г. «Об учреждении Ордена Богдана Хмельницкого I, II и III степени» // Сборник законодательных актов о государственных наградах СССР. М.: Известия, 1984. С. 63–66.

[38] Балязин В.Н. За подвиг ратный и трудовой. М: Просвещение, 1987. С. 136.

[39] Указ Президиума ВС СССР от 8.11.1943 г. «Об учреждении Ордена Славы I, II и III степени» // РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 108. Л. 619–620.

[40] Фридман В. Батальон Славы // Знамя коммунизма. 1985. № 2. С. 3–4.

[41] Указ Президиума ВС СССР от 3.03.1944 г. «Об учреждении военных медалей: Медали Ушакова и Медали Нахимова» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 15; Указ Президиума ВС СССР от 22.03.1944 г. «Об учреждении военных орденов: ордена Ушакова I и II степени и ордена Нахимова I и II степени» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 15.

[42] Указ Президиума ВС СССР от 1.05.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Москвы» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 25; Указ Президиума ВС СССР от 1.05.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Кавказа» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 25; Указ Президиума ВС СССР от 5.12.1944 г. «Об учреждении медали «За оборону Советского Заполярья» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1944 г. № 25.

[43] Указ Президиума ВС СССР от 8.05.1945 г. «Об объявлении 9 мая праздником победы» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 26.

[44] Указ Президиума ВС СССР от 9.06.1945 г. «Об учреждении медалей «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены» и «За взятие Берлина» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 34; Указ Президиума ВС СССР от 9.06.1945 г. «Об учреждении медалей «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», и «За освобождение Праги» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 34.

[45] Указ Президиума ВС СССР от 30.09.1945 г. «Об учреждении медали «За победу над Японией» // Ведомости Верховного Совета СССР, 1945 г. № 70.

[46] Лобода В.Ф., Каргальцев. И.П. Ордена и медали СССР: Справочник. М.: Воениздат, 1950. С. 129–130.

[47] Сталин И.В. Выступление по радио Председателя ГКО 3 июля 1941 г. // Правда. – 1941. № 182 (8590). – С. 1–2.

[48] Речь Председателя ГКО и Народного комиссара обороны тов. Сталина И.В. на Красной площади в день XXIV годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции 7 ноября 1941 г. // Правда. – 1941. № 310 (8718). – С. 1.

[49] Справка о количестве награждений орденами и медалями СССР за время войны // ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 17. Д. 353. Л. 11–12.

[50] Там же. Л.12.

[51] Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. – М.: Воениздат, 1989. С. 488.

[52] Смыслов О.С. История советских наград: 1918–1991. – М. : Вече, 2007. С. 248–249.

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Работая над данной книгой, мы не ставили перед собой задачи «объять необъятное», ведь темы, связанные с историей Московского Кремля и его охраной, поистине неисчерпаемы. Однако освежить в памяти уже известные факты или ознакомить наших читателей с событиями, еще не получавшими широкой огласки (но о которых теперь уже можно говорить), нам вполне по силам. Кроме того, наше повествование мы обильно проиллюстрировали схемами, рисунками и фотографиями Кремля и наиболее интересных его объектов, сделанными в различные годы – с прошедших веков и до начала XXI века. Будем рады, если знакомство с нашей работой пробудит у вас интерес к заявленной тематике и, вообще, к очень непростой, но героической и необычайно поучительной истории Государства Российского, к изучению своих истоков и корней... И в первую очередь, это, конечно, относится к нашим молодым читателям...

Павел Стихин.

e-mail:ukbkin@gmail.com

КРАСОТОЮ ОЧАРОВАН: АЛЕКСАНДР БЕРСЕНЁВ

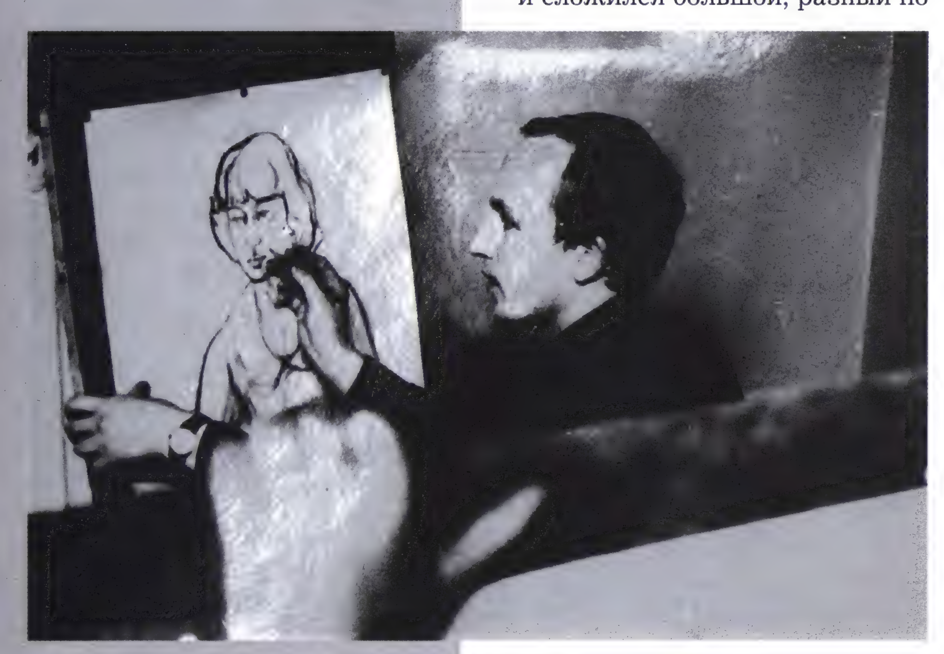
Ирина
ЗЯБЛИКОВА-ИСАКОВА

Искусствовед.
г. Екатеринбург.

(Окончание. Начало на стр. 1)

Большую роль в реализации его как художника-станковиста сыграла педагогическая деятельность. «Знать и уметь больше», «делать лучше» обязывало чувство собственного достоинства, желание быть интересным для своих учеников и зрителей двигало его к внутреннему росту и самосовершенствованию. Он был неутомимым тружеником, экспериментировал, думал и воплощал в действительность задуманное, впоследствии передавая этот накопленный опыт и знания, свою мудрость ученикам.

А.С.Берсенёв был идейным вдохновителем и художественным руководителем группы художников «Хожателевцы». Идея творческих пленэрных поездок в старинные города России смогла реализоваться благодаря его Личности как руководителя. К одному поколению выпускников добавилось второе, а потом и третье – и сложился большой, разный по психологическому и эмоциональному настрою, творческий коллектив художников. Александр Самойлович Берсенёв – талантливый живописец, был чутким и заботливым учителем, умным и скромным человеком.

За работой. *1970-е гг.*

«Очарованный странник» – так можно охарактеризовать жизненное кредо этого художника и человека. Странник (путник) много путешествует, видит мир и может поведать людям о своих путешествиях и мыслях. Каждый город для него уникален и живет своей жизнью. Посещая разные места, он восторгается их уникальностью и разнообразием, красотой и величием русской земли, богатой духовностью русской культуры.

Взгляд художника на мир самокритичен, но он с присущей ему предвзятостью достоверно схватывает все нюансы композиции и остроту колорита, и это не просто сухая безапелляционная передача образа, как присуще фотоаппарату или видеокамере, а привнесение в него собственной теплоты души. Каждая его работа – это живая картинка действительности, в ней присутствует с одной стороны, динамика жизни, с другой, – застывшая созерцательность («На службу. Великий Устюг», «Прогулка. Таицкий мост», «Малахитовое ожерелье» и др.).

Наиболее ярко и выразительно его творчество раскрывается в пастельной живописи. Пастель – это необычайно красивая техника, где краски – цветные мелки, дающие живописному произведению бархатистость и воздушность. Экспериментирование с цветом, желание добиться нужного свечения, контрастного освещения, использование цветовых подкладочных слоев, цветного грунта и фиксажа

дает большие возможности для реализации замысла и проявление разных граней таланта художника.

Александр Берсенёв – один из таких мастеров, кто обладал особым даром видеть проникновенные и одухотворенные образы природы. Однообразные, на первый взгляд, сюжеты вновь и вновь обращают на себя взор художника, и превращаются в совершенно различные по эмоциональной насыщенности и колористическим нюансам произведения («Суздальский дворик» и «Прохладное утро в Суздале», «Утренняя прелюдия» и «Первые лучи солнца. Тобольск» и др.).

Художник так умело работает «своим» материалом, что ему удается передать колыхание воздуха и палящий зной, утреннюю дымку над водой («Серебристые ивы», «Водоем»). Смелые попытки экспериментирования с цветом, дополнительными отношениями проявляются в мелодичном созвучии красок, рождающих поэтичные образы природы («Малахитовое ожерелье», «Серое утро на Чусовой», «Водоем» и др.), передают ту проникновенную светлоту и пространственную глубину, в результате чего надолго остаются в памяти яркие и выразительные образы архитектуры старинных городов – Тобольска, Верхотурья, Великого Устюга, Суздаля и т.д.

Удивителен мир, рожденный этим художником. Его особое видение и мастерство превращает обычную серую действительность в яркий, красочный, звучный, необычный по своему глубинному наполнению и философскому осмыслению, мир... Каждое его произведение – особенное, требует индивидуального «глубокого» всматривания – диалога со зрителем, в результате чего возникает внутренняя гармония и спокойствие, наполненные теплотой и искренностью души автора.

Другой жанр, в котором нашла воплощение творческая составляющая натуры А.С.Берсенёва, – портрет. Пейзажи он писал на основе пленэрных этюдов и зарисовок, а натюрморт и портрет – непосредственно с натуры, при необходимости дорабатывая позже. Портреты, выполненные им, отличают теплота и уважение к человеку, интерес к богатому внутреннему миру. Будучи философом, художник акцентирует внимание на мировоззрении персонажа, его интересах и увлечениях, раскрывая душу. Эти качества подкупают и притягивают в других людях. Каждый портретный образ – это не просто физиологическое сходство, но и авторская интерпретация личности человека. Поэтому ни один из них не оставляет зрителя равнодушным. Особо стоит выделить серию портретов «Женщины Екатеринбурга», созданную в 2010 г. («Портрет искусствоведа Светланы Долгановой», «Портрет модельера Светланы Фетисовой», «Портрет музыканта Татьяны Трушниковой»), в которой он представляет красивых дам мира искусства, возвеличивает и любуется ими, акцентируя внимание на женских аксессуарах – веере, мундштуке, украшениях. Портреты передают внешнее сходство и, что немаловажно, – внутренний мир и характер героинь.

Творческий путь художника был многогранен, он оставил после себя монументальные работы – росписи, мозаики, которые выполнялись по специальным заказам, и настоящую кладезь – станковые произведения, в которых он по-настоящему раскрывается как истинный художник, философ и поэт. Его произведения просты, искренни, правдивы, они несут тишину и отраду сердца. Их звучность и полнота образов подкупают верой в доброту и чистоту духовных помыслов. Главные ценности – Вера в Бога, Любовь к людям, патриархальность, религиозность сопровождали его по жизни, обусловили особый художественный взгляд, сформировали его жизненную позицию и мироощущение. Восхищение прекрасным не оставляло его до последних дней жизни (он трагически ушел из жизни в 2011 г.). Любование красотой линии цветка, освещением листвы деревьев, солнечными бликами на воде, изящными вещицами или женскими прелестями – внешними физическими проявлениями не уступает вниманию к духовной чистоте, гармонии и свету души, воплощенными в особом свечении церквей и соборов, в лучистых глазах людей и возвышенной таинственной атмосфере, царящей в каждом произведении автора.

Творения художников переживают своих создателей, так жизнь мимолетна и быстротечна. Мысленно «погружаясь» в картины Александра Берсенёва, забываешь о времени, оно исчезает и растворяется, а в памяти остаются очертания причудливых форм русской архитектуры, мудрость и нежность женских глаз, свежесть зелени парков и солнцем залитые луга – образы, запечатленные в работах мастера, очарованного красотой жизни. ◻

С автопортретом. *2007.*

Прогулка. Таицкий мост.

Прохладное утро в Суздале.

В парке Михаило-Архангельского монастыря.

Церковь Вознесения. Великий Устюг.

Серое утро на Чусовой.

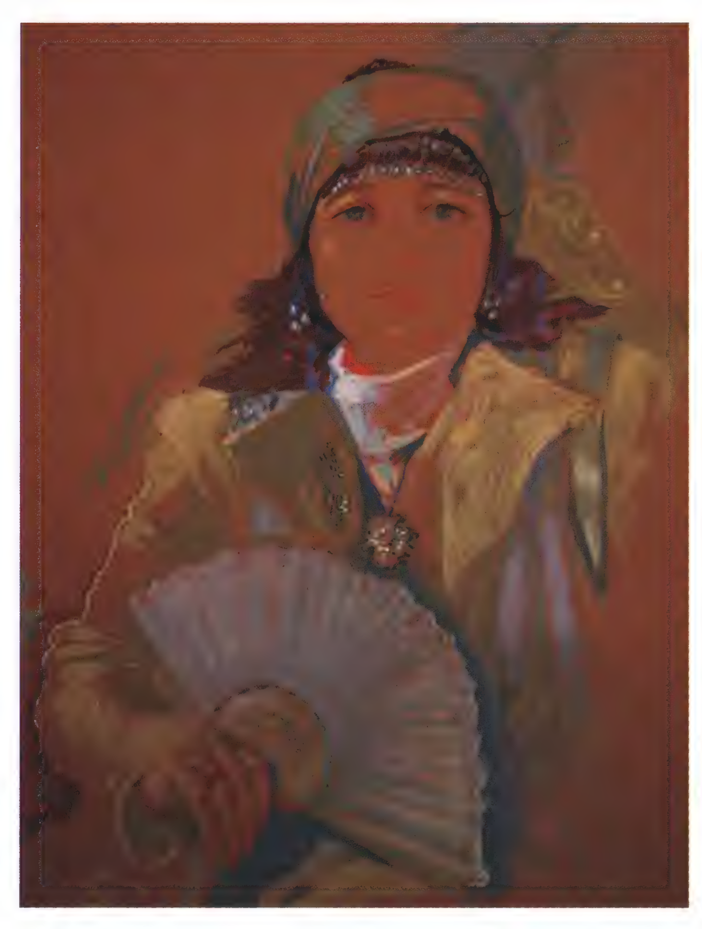
Патрушиха.

Водоем.

Золотые сны о Верхотурье,

Портрет искусствоведа Светланы Долгановой.

Портрет модельера Светланы Фетисовой.

Портрет художника Ольги Вотяковой.

Портрет художника Оксаны Михеевой.

Я – НЕ ЗАМОРЫШ!*

Повесть

При участии
Дениса Логинова,
моего внука

Сергей ТЕЛЕВНОЙ

директор-главный редактор «Моздокского информационно-издательского центра». «Бронзовый» лауреат международного литературного форума «Золотой витязь-2017», дипломант международной литературной премии им. Ершова-2017. г. Моздок.

6. Еще препятствие перед встречей с отцом

Приехали в больницу, которая почему-то называется медсанчасть, уже к вечеру. Охранник на проходной, весь в черном, как какой-то супергерой, строго объяснил, что доступ посетителей закрыт, начальство ушло. Есть только дежурные врачи.

– Но мы три тысячи километров добирались сюда! Нам надо увидеть больного!

– Завтра все решите, – сказал охранник, отвернулся и начал есть из какой-то мисочки лапшу быстрого приготовления. По-нашему – бичпакеты. Как-то он со своей лапшой перестал казаться мне супергероем.

– А как же нам быть? – не отставала мама. – Как связаться с дежурным врачом?

– Это не ко мне... Я же не служба спасения.

Я злился на охранника и думал, как прорваться через проходную? Просто перепрыгнуть через турникет и рвануть к больничному корпусу? Может, плеснуть ему лапшой в физиономию? Дурацкие, кончено, мысли. Или попробовать что-то подипломатичнее?

– Дяденька, – обратился я к охраннику, – у вас отец есть?

– Ну допустим... – перестал жевать охранник и настороженно посмотрел на меня.

– А если б он лежал тяжелобольным, то вы бы как поступили?

Я сам не ожидал от себя такой наглости, но вопрос был уже задан. Охранник встал, повернулся всем корпусом ко мне, очень внимательно изучил мою физиономию и сказал:

– С таким фингалом к отцу я бы не пошел, – и пояснил: – потому что еще бы получил от него.

– За что? – удивился я.

– Мой отец так рассуждал: если не можешь постоять за себя, значит, ходи с вечными синяками...

Мне стало обидно за себя, и я выпалил:

– Мы с Амбалом махались! Он такой бык!! – Но на Бичпакет, как я окрестил охранника, это не произвело впечатления. Он продолжил хлебать лапшу.

Мама присела на стул и прислонилась головой к стенке. Устала.

– Что нам делать-то?

– А вы, когда ехали сюда на ночь глядя, что думали? – оторвался от еды охранник.

– Так мы ж с поезда...

– С поезда, с поезда... Что вы все едете и едете в город. Кто вас тут ждет?

– Вы же понимаете, мы вынужденно сюда приехали. Отец его весь в гипсе...

– Здесь все в гипсе или на костылях. Кто сильно к родственникам хочет попасть, тот находит способ.

Мама поняла это по-своему. Взяла 100 рублей, вложила в паспорт и протянула охраннику.

– Слушай, подруга, – это он к маме обратился, – я же не это имел в виду. Вы, я вижу, и так народ небогатый. Так что забери.

Мама воспользовалась добротой супергероя:

– Телефон на зарядку можно поставить?

– Ну, давай, – позволил охранник и обратился ко мне: – С такими длинными ногами перемахнуть через забор – раз плюнуть.

---

* Окончание. Начало в № 2, 2018.

– Что, правда? Можно через забор?

– Как хочешь, так и понимай. Мое дело – тебя потом изловить, – басовито засмеялся супергерой в черной форме, уже не казавшийся мне бичпакетом.

Я вышел из проходной и пошел вдоль забора, примеряясь к нему. Оказалось высоко. Сначала надо было забраться на дерево, что я и сделал.

Перепрыгнул с ветки на забор и перевалился через него, как мешок с... Ну, понятно, с чем. Рухнул в кустарник, разодрал физиономию и подвернул ногу: «Е-пэ-рэ-сэ-тэ!..»

Неожиданно для меня самого из глаз хлестнули слезы. Стоп! Что расквасился? Мужчина должен терпеть боль! Я сидел в кустах, вытирал разодранную щеку и слезы. Короче, развел целую лужу. Нет, я не плакал, слезы сами, блин, текли. Было не так больно, как обидно.

Отец так близко, а я с синяком, разодранной щекой и весь в соплях, сижу здесь в кустах. Это какой-то трындец! Решил отсидеться в кустах, подождать, пока слезы позорные не высохнут.

Надо мной неожиданно возник охранник в черном. Оказывается, он видел в камеру видеонаблюдения, как я бестолково свалился с забора в кусты и поспешил ко мне.

– Что с тобой? Все нормально? Тогда что расселся? – оценил он мою исцарапанную физиономию. – Не плачь, все пройдет!

– Я не плачу, – огрызнулся и просто возненавидел себя: блин, какой я лох, вечный неудачник и заморыш! Постоянно у меня все не так как у людей...

– Вставай, пошли, – беззлобно и как-то устало сказал охранник.

– Вы меня что, задержали? – вспомнил я его недавние слова про то, что он должен меня изловить. – Это что, была подстава? – возмутился я и стал думать о нем, как о бичпакете.

– Дурачок ты еще, – сказал охранник. – Насмотрелся мультиков да боевиков и все в войнушку играешь.

– Я мультики не смотрю, – пробовал я возразить. – Мы куда идем?

– Сначала умыться надо, а потом будет видно, – охранник довел меня до пропускного пункта и легонько подпихнул в подсобку, а сам занял свой пост у амбразуры окна. Через приоткрытую дверь подсобки я видел маму в углу на стульчике – такую сникшую, усталую. Она меня не заметила. Умылся, слезы исчезли, только физиономия опухшая и разодранная. Ладно, до свадьбы заживет, как говорила мама. В связи со свадьбой вспомнилась Звездная Звезда Ленка, Маленькая Эротика из вагона и Маришка. Все сразу! Или я такой озабоченный, или у меня сильно мягкое сердце – не могу вычеркнуть двух и любить одну. Что это я про любовь, тут отец к постели прикован. М-да... Видели бы девчонки меня сейчас!

Думая о них, я вдруг понял, что оттягиваю встречу с отцом. И хочется видеть его, и как-то тревожно, даже боязно.

– Ну что, все? – заглянул в подсобку охранник.

– Вроде, да, – неуверенно сказал я, рассматривая себя в зеркале над умывальником.

– Не мохай! Мужчину шрамы украшают! – это я уже неоднократно слышал.

– А кто там у вас? – всполошилась мама на своем стульчике в углу. – Кирилл, ты что ли? – она заглянула в амбразуру.

Скрываться было нечего:

– Ну я...

– Что тобой? – вскрикнула мать, когда я появился из подсобки.

– Нечаянно упал с забора.

– Господи, горе ты мое! – и расплакалась. – Ничего хоть не сломал?

– Так, подруга! Ты меня начинаешь доставать! – зарычал охранник на мою мать и обратился ко мне: – А ты или выметайся отсюда и держись за мамкину юбку, или дуй быстрее в палату к отцу.

– А там пустят? – засомневался я, ощущая себя заморышем.

– Да что ты как размазня, – сказал охранник с интонацией дядьки Мишки зоотехника. – Пустят!

И какого фига мне именно сейчас вспомнился этот скотовод из Лесостепного? А вдруг он станет моим отчимом?

7. Как я столкнулся с... мертвецом и судном

Я, ковыляя на подвернутой ноге, добрался до корпуса. В больничном коридоре было пустынно. Я с опаской продвигался, всматриваясь в номера палат. В конце коридора копошилась санитарка.

– Стой, ты куда! – санитарка, опершись на швабру, внимательно осмотрела меня. – Ты откуда такой чумазый? И подранный весь...

– К отцу я... Мы только что с поезда. Приехали из Лесостепного.

– Откуда?.. – снова оценила взглядом меня санитарка. – Хорошо хоть не из Мухосранска, – расплылась она в улыбке, довольная своей шуткой, и продолжила в том же духе: – Кишлак что ли какой-то?

– Вообще-то поселок городского типа, – с некоторой обидой сказал я. – У нас там нет кишлаков, только хутора, села, поселки... И города, – добавил я веско.

– Ну надо же! – с деланным восхищением произнесла санитарка.

– Мне бы в травматологию... В триста восьмую палату. Вы не подскажете? – заискивающе спросил я, ненавидя себя за робость.

– Так время посещения больных закончилось. Как ты туда пройдешь? Все закрыто. Тебе ж на третий этаж надо. Это только на служебном лифте. Да и бахилы надо купить и халат накинуть...

– А где их купить?

– Перед медсанчастью аптека. Но она закрыта...

– А что ж мне делать?

– Ну, есть у меня для таких, как ты, – с укоризной сказала санитарка и безапелляционно добавила: – Давай 50 рэ.

У меня оставались карманные деньги, которые я у дядьки Мишки зоотехника на его «авгиевых конюшнях» заработал.

Без слов отдал ей полтинник, она также молча протянула мне халат и бахилы. Указала, где

лифт. Немного постоял, подождал, обдумывая, как встречусь с отцом. Лифт опустился, с шумом распахнулась дверь и оттуда мне навстречу выкатились санитарные колесные носилки, на которых под простыней лежал... мертвец!

Блин!.. Я аж отшатнулся. Санитар, который опустился вместе с мертвецом, не удостоив меня взглядом, деловито развернул колесные носилки и увлек их в узкий кафельный коридор. Наверное, в морг.

Я, конечно, в фильмах видел всякие страшилки, трупы и все такое... Тогда мне не боязно было, а скорее прикольно. Но тут – в реале на тебя едет мертвец на коляске! Лифт оставался открытым. Если честно, мне страшно было туда входить. Нет, я не такой уж трус. Вон против Амбала пошел один на один! А тут... Где мой бойцовский характер?

– Ты что остолбенел? – крикнула из глубины коридора санитарка. – Мертвецов что ли боишься?

– Да не боюсь я ничего, – промямлил ей в ответ. Про себя подумал: мне, между прочим, только 14 лет, я еще практически ребенок. Как будто все дети балдеют от встречи с мертвецами. Так я мысленно оправдывался перед санитаркой.

Она подошла, устало посмотрела на меня и легонько подтолкнула в лифт:

– Надо живых людей бояться, а не мертвых. – И добавила: – Две минуты, и ты на третьем этаже. Я отсюда нажму кнопку. Не бойся.

За моей спиной двери угрожающе закрылись. Я оказался один внутри лифта. Только что здесь был мертвец. Ужас! А вдруг это был отец? Не успел я развить страшные мысли, как лифт остановился и распахнулся. Я вылетел из его утробы – даже забыл про боль в ноге, которую недавно подвернул.

– Фу... Слава богу! – произнес я вслух, осторожно и неумело перекрестившись. Этого за мной раньше не замечалось. Тут я почему-то вспомнил по Троицкую церковь, которая в нашем поселке строится, про то, что денег нам на дорогу выделил батюшка.

М-да... Еще четыре дня назад я и не представлял, что буду за три тысячи километров от нашего Лесостепного, который «ни к селу ни к городу». Все так сложилось: вроде и люди вокруг нас в поселке какие-то очень уж простые и не особо добрые – не сказочные герои и не телевизионные благотворители. А ведь помогали нам с мамой добраться сюда: и Завмаг, и дядька Мишка зоотехник, и классная моя, и участковый, и тетя Галя. И Дениски рыжего мать – она за меня вступилась перед классной. А Маришка – реально моя спасительница! Нет, она точно в меня влюбилась. А вот Звездная Звезда Ленка, все посмеивалась надо мной. Я для нее – ореховую аллею, а она с Амбалом...

Вот мама моя, конечно, декабристка! Взяла и сорвалась со мной за тысячи километров. Может, она и правда батю моего еще любит? Все эти скомканные мысли молниеносно пронеслись в моей черепушке.

И вот я здесь и сейчас увижу отца.

Он буквально рядом, на этом этаже, в палате № 308. Я в себе ощутил странное чувство: с одной стороны, очень хотел увидеть отца, с другой – боялся встречи с ним. Как он там? Может, он и не захочет меня видеть. Я, например, если б лежал трупом, весь в гипсе, точно не захотел, чтоб кто-то меня такого видел. Например, Ленка.

– Давай, Кирилл, смело пошел, – сказал я в приказном тоне сам себе вслух в пустом коридоре.

Прихрамывая, двинулся вдоль стены, как бы украдкой. Так, это – четная сторона: триста вторая палата, триста четвертая, триста шестая... Я что-то откуда-то помню про палату № 6. Там вроде шизики обитали. Но мне не сюда, тем более – это палата № 306, а не № 6.

Вот палата № 308! У меня бешено заколотилось сердце. Стал в нерешительности.

Вдруг дверь распахнулась, на пороге появилась и чуть не столкнулась со мной санитарка с судном в руках. Судно, понятно, не то, которое плавает по Каме или Волге. М-да... Я что-то и не задумывался, что больные, как бы это литературно сказать, ходят помаленькому и по-большому. Такая вот встреча... Я отвел от судна глаза и нос.

– Это что за чудо в перьях? – спросила меня санитарка настолько вопросительно, что я невольно обернулся в поисках этого самого чуда. – Ты кто такой и откуда?

– Я Кирилл из Лесостепного. Из поселка городского типа, – уточнил я, чтобы и эта санитарка не подумала, что из какого-то там кишлака. Они, санитарки из мегаполисов, как я понял, городами считают только миллионники. Для них все, что меньше, – кишлак.

– Мне фиолетово, какого типа.

– Я к отцу. Константин его зовут, – уточнил я. – Травматология, после аварии, палата № 308.

– Ну есть такой... Нуждается в круглосуточном уходе.

– Вот мы и приехали, чтоб ухаживать. Я и моя мама.

– Что-то вы не спешили, родственнички, – пробурчала санитарка. – Выноси тут дерьмо за вашими... – Она удалилась с колышущимся судном.

8. Ну вот мы и встретились с отцом!

Я остался перед открытой дверью. Ну!.. Помню, когда был маленьким, бежал навстречу отцу, возвращавшемуся с работы, и бесстрашно бросался ему на руки. Он головокружительно подбрасывает меня вверх – аж дух перехватывало! Вот и сейчас было такое состояние.

Я нерешительно переступил через порог. И – не увидел отца.

Четыре кровати со странными конструкциями в виде тросиков, колесиков и штанг стояли в два ряда. Все были заняты. А где отец?

– Пап, ты где? – тихо окликнул я. На всех четырех кроватях отметилось шевеление.

– А к кому пришел? – проскрипел стариковский голос с первой кровати. Это явно не папа.

– Кирилка, это ты? Откуда? – Кровать отца оказалась в дальнем от меня углу, возле окна. Над одеялом торчала загипсованная нога.

Батя, подтягиваясь на руках, с трудом оторвал голову от подушки. Его голос был слабым, но узнаваемым. В нем слышалось, скорее удивление, чем радость. Глаза и щеки провалились, волосы спутались. Но это – отец!

Я в нерешительности подошел. Не знал, как себя вести, – это в детстве я бросался ему на шею! А сейчас? Я подал руку для рукопожатия:

– Привет, па! Как ты?

В ответ батя притянул меня и обнял плетью руки. У меня брызнули позорные слезы. «Тьфу, блин!.. Сопли распустил», – разозлился я на себя.

– Сынок, как ты здесь оказался? – у отца повлажнели впавшие глаз.

– Мы с мамой приехали.

– Как? И она с тобой? – мне послышалась в его голосе тревога.

– Мы сюда прямо с поезда. Она внизу, на проходной, – торопливо рассказывал я. – Мать, как узнала, что ты попал в аварию, так все бросила, и вот мы приехали.

Я не стал вдаваться в подробности. Отец как-то заволновался, засуетился. Пытался поправить свои всклоченные волосы, тер небритые щеки.

– Так она здесь? Надо же... Что ж она не идет? А, ну да... Надо дежурному врачу сказать. – И вдруг ко мне: – А как ты-то сам сюда проник? Сейчас же приема посетителей нет, да и вообще здесь строго...

– Да так и проник... Потом расскажу.

– Ну конечно, у нас времени навалом, – уверенно сказал отец. – А у тебя вообще, как со школой?

– Да нормально, пап, все путем, – отмахнулся я от неудобной темы. – Давай лучше с мамой решим. Что надо сделать, чтоб ее пустили?

– Сейчас позову санитарку, – отец нажал звонок. Через некоторое время она появилась:

– Это ты, дед, опять звонишь? – обратилась санитарка к лежавшему у двери старичку, который со скрипучим голосом.

– Звонил я, – обозначился отец. – Дежурный врач нужен.

– Зачем он тебе?

– Мы с мамой к отцу приехали, – ответил я, уловив, что отец чуть замешкался с ответом: наверное, решал, моя мама жена ему или не жена.

– Да знаю я про тебя, из городского типа, – хмыкнула она.

– Из поселка городского типа, – уточнил я.

– Да мне фиолетово, из какого типа, – и пошла за врачом, как потом выяснилось.

Я видел, что отец волновался. Повисла какая-то нехорошая пауза. Я так много хотел сказать отцу: про жизнь мою пацанскую, про Завмага, про «мерседес», который он ремонтировал. Может, про Дениску рыжего, другана моего рассказать, про Маришку, которая не мышка-норушка и, может, в меня влюбилась. Но что-то мои домашние заготовки все улетучились. У меня такое ощущение было, будто классная вызвала меня к доске, а я все забыл. Только про Амбала помнил, потому что отец, как мне показалось, изучал мой синяк.

Я отреагировал на опережение, небрежно проведя рукой по отцветающему фингалу, как бы смахивая его:

– А... Это чепуха, мы с Амбалом махались.

– А Амбал, он что, действительно амбал? – участливо спросил отец.

– А то! Шкаф целый, на два года старше, – я хотел уточнить, что Амбал мог бы быть его приемным сыном, но понял, что это будет полнейшая глупость с моей стороны.

Вошел дежурный врач:

– В чем проблема, больной?

– Ну, вы говорили, что нужен постоянный уход, – начал отец.

– ...Вот мы с мамой приехали, – тут же обозначился я.

– Да, действительно, за вами нужен круглосуточный уход. Но это делается не так, не по-партизански. Пусть родственники обратятся завтра к главному врачу, решат все формальности, – он глянул на меня и спросил: – А собственно вы, молодой человек, как сюда проникли? Кто вас в неурочное время пустил на территорию лечебного учреждения, да еще в палату к тяжелобольным?

Повисла пауза, я не знал, что сказать. Папа виновато раскинул плети своих рук:

– Ну, доктор... Сын за три тысячи километров приехал.

– С матерью, – подсказал я.

– Доктор, да надо радоваться, что еще есть такая молодежь, – вступился за меня скрипучий старик. – Вот ко мне никто не ходит, ни сын, ни внуки. Хоть бы кто сигарету прикурил. А так со мной проблема только для санитарки.

Я не к месту захотел покурить, но понимал, что здесь это нереально, а доктор продолжал:

– Есть режим лечебного заведения, есть время для посещения... Возможно, другим больным вы, молодой человек, мешаете своим присутствием, – обратился ко мне врач, детально изучая мою поцарапанную физиономию с фингалом.

– Да ничего он нам не мешает, – отозвались с других кроватей мужики, на которых я как-то особо не обращал внимание.

– Так что, доктор, можно жена моя сюда зайдет? – спросил отец, а у меня аж сердце от радости запрыгало: батя назвал ее, мою мамку, женой.

– И жена за три тысячи километров?

– Бывает, доктор, бывает.

– Ну, пусть только проведает, не более пятнадцати минут.

– Спасибо, доктор!

– Пап, я сейчас за мамой! Я знаю, как теперь сюда попасть, – и рванулся из палаты, не обращая внимания на ноющую боль в подвернутой ноге.

9. А потом мы мыли... «мешок с костями»

На проходной мама уже была наготове, оказывается, дежурный врач позвонил охраннику, чтоб тот ее пропустил.

– Мам, давай за мной!

– Сумки ваши пусть здесь стоят, сохранность гарантирую, – как-то весело отрапортовал супергерой-охранник, бывший Бичпакет.

Мы повторили с мамой мой недавний путь до палаты № 308. Санитарка с первого этажа, которая

думала, что я из кишлака, бахилы дала матери бесплатно. Лифт оказался без покойника. Санитарка с третьего этажа встретила, извиняюсь, без судна в руках.

Вот и палата № 308.

– Мам, да ты не волнуйся, – успокоил я ее.

– Я и не волнуюсь, – судорожно поправляла она волосы, зачем-то внимательно изучила свои руки, посмотрела на меня как-то даже беспомощно и... шагнула в палату.

Я не знаю, что они, мои родители, чувствовали, но сдержанно сказали друг другу: «Привет».

– Как ты?..

– Да вот...

Мама села возле кровати.

– Мы сейчас без гостинцев... Там, на проходной, все наши сумки.

– Да ладно, здесь нормально кормят.

– Привет тебе от поселковых.

– Спасибо...

Беседа что-то не клеилась, да и отцу, видимо, было трудно говорить. Потом родители молча взялись за руки. У мамы текли слезы, у отца тоже повлажнели глаза.

Я вспомнил картинку из детства, когда они, молодые, стояли, обнявшись посреди улицы. Папа вытирал маме слезы ее зеленым сарафаном. А я, малыш, – рядом и тоже ревел. Потом эта картинка много раз возникала в моих снах.

У меня к горлу подкатил комок. Нет! Только не слезы, приказал я сам себе. Нельзя показывать слабость – мужчины не должны плакать. Но противная влага как-то все-таки просочилась. Отец силился улыбаться. Ну, мама – женщина, тут понятно. Слезы ручьем.

Старичок со скрипучим голосом сказал, гладя на нас:

– Слезы радости!..

Вошла санитарка с тазом, полотенцем и какой-то резиновой штукой.

– Вот сейчас и помоем этот мешок с костями, – сказала она буднично. – А как вы хотели?

– Уже не мешок, – пытался шутить отец.

– А таблетки почему не пьешь? – строго спросила санитарка, увидев в шкафу тумбочки лекарство. – Вот доктор не видит!..

– Я по схеме, – ответил отец. – Уже наглотался, как наркоман стал...

Мне вдруг вспомнилось про таблетки «лирики», которые глотали некоторые детдомовцы и Амбал. Участковый говорил, что они станут «наркомами», и я испугался за отца.

Мысли про «лирику» перебила санитарка, с шумом задернула шторку, отделявшую батину кровать. Я хотел выйти, а она мне:

– Оставайся здесь и смотри... Теперь будешь матери помогать.

Мне было не по себе, но я остался. Санитарка, надев резиновые перчатки, ловко и как-то бесцеремонно приподняла верхнюю часть туловища отца – насколько позволяла торчащая в гипсе его нога. Мама тоже присоединилась к ней. Отец пытался как-то помочь общему делу.

Начали обтирать его тело. Да, это был окончательный скелет, аж страшно. Как будто поняв мои чувства, санитарка сказала:

– Смотри и учись. Тут нет ничего страшного и никакого стыда, – она орудовала мокрым полотенцем, обтирая тело отца. Мама повторяла то же самое, зайдя с другого боку кровати.

Отец молчал, хотя ему явно было больно от манипуляций с его телом.

– Главное, чтоб пролежней не было, – грубовато поясняла санитарка.

– Да я знаю, я понимаю, – соглашалась мама – Особенно в области седалищной кости, крестца и копчика.

– Грамотная... – вроде с недовольством сказала санитарка.

– А то!.. – натянуто улыбнулась мама.

Я хотел вставить неуместное, что мама институт закончила, но санитарка мне буркнула:

– Ты не стой без дела, поменяй воду.

Я это сделал – раковина с горячей водой была здесь же, в палате.

– Ну вот, сейчас голову твоему предку помоем, и все. Будет жених женихом!

– Да мне хватит уже женихаться, – подал голос батя.

– Все вы такие, когда лежите трупом, а как оклемаетесь, так...

Санитарка подложила отцу под голову какую-то штуку типа резиновой подушки. Я поливал воду из ковша, мама мылила волосы, санитарка давала указания.

Мне доверили брить батину недельную щетину. Отец пытался помогать, но обессиленно опускал руки. Я, хотя и сам еще никогда не брился, с задачей справился.

– Вот, теперь как юбилейный трояк сияет! – сказала санитарка.

– Как червонец, – слабо улыбнулся отец, несогласный с такой низкой оценкой. Вроде и мама стала веселее. Правда, после бритья щеки отца казались совсем прозрачными.

Я почему-то подумал, что мне и самому надо побриться. А то пушок какой-то несерьезный развелся под носом. Вот царапины сегодняшние заживут, и побреюсь, решил я по-мужски.

Повисла неловкая пауза.

– Ну, так вроде на человека стал похож, а не на мешок с костями, – одобрительно сказала санитарка. – Выкарабкается, бедолага...

– Конечно, папа худой, но жилистый, – сказал я, убеждая всех.

Санитарка не ответила, забрала таз с ковшом и полотенцами, удалилась.

– Спасибо вам!.. – сказала мама вслед ей.

Когда санитарка скрылась за дверями, голос подал скрипучий старичок:

– Спасибо в карман не положишь... Я вот всегда ей мятую сую в карман.

– Да?.. – растерялась мать. – А я думала, что у вас здесь не принято.

– Принято, принято. Дашь хоть полтинник, так примут...

Речь о деньгах озадачила маму. Нет, конечно, она знала, что на лекарства там, на усиленное питание... На первое время деньги имелись.

Кое-какие финансы были и у меня, остались от тех, что дядька Мишка зоотехник заплатил за навоз. Я, естественно, готов был пожертвовать. Мама ж не зря меня называла кормильцем.

Подал слабый голос отец:

– У меня на карточке немного есть. Но где она, эта карточка, не знаю, – сокрушался отец, явно чувствовавший себя неловко.

Думаю, он, как и мы с мамой, помнил, что не особо помогал мне финансово. Честное слово, в мою голову приходили и раньше мысли об этом – об алиментах, о посылках. И сейчас стало обидно за отца. Не за себя и не за маму, а именно за батю.

Как ему сейчас скверно, не только физически, но и совесть, наверное, грызет. Сыну, то есть мне, вот 14 лет, а вырос без помощи отца. Впрочем, это я за батю так думал, а что у него в мыслях, я не знал. Отец прикрыл глаза, за сберкарту не говорил, про аварию свою не рассказывал.

Мы переглянулись с мамой:

– Пошли, сын?

– Да, мам, пошли...

На меня навалилась усталость – за этот день столько всего произошло! И главное, встреча с отцом! Я, конечно, рад! Но ожидалось чего-то другого... Хотя что, собственно, должно было случиться?

– Костя, ну мы пошли, – сказала мама отцу.

– Ну, ладно, спасибо...– Потом отец вдруг спохватился: – А вы где остановились?

– Где? Пока – на проходной, – сказала мама. – Сейчас определимся, не волнуйся.

– Пап, ну, до завтра!

Момент неловкости прошел, я просто радовался, что у меня есть родители, не то что у детдомовских.

ГЛАВА V

1. Ночью к нам ломились – я пустил в ход битые бутылки

Мы вышли из больницы. Во всем моем теле ощущалась убойная усталость, я чувствовал себя заморышем. Сразу замерз – на дворе май, а тут такая холодрыга! Морось, ветер...

– Мам, где будем ночевать?

– Охранник вот дал записку, в соседнем общежитии договоримся.

Мы долго преодолевали двести метров от корпуса больницы до проходной. Во мне была опустошенность. Ну вот, встретил я отца. Поздоровались, обнялись. Даже не поговорили толком. С досадой я вспомнил свою влагу на глазах и снова возненавидел себя.

– Рад, что встретил отца-то? – как бы подслушав мои мысли, спросила мама.

– Конечно, – ответил я без энтузиазма. – Но какой-то папка потухший.

– Наоборот, он взбодрился, когда тебя увидел.

– А может, тебя...

Мы как бы успокаивали друг друга, не очень уверенные, что отец нам был сильно рад. На проходной восстал, как памятником, охранник:

– Проведали отца?

– Проведали...

– Все нормально?

– Нормально.

– Вот видишь, пацан! Если захочешь цели достичь, преград нет, кроме кустов, – засмеялся он и дурацким жестом показал на мое исцарапанное лицо. Мне, конечно, это не понравилось. И то, что именно он маме дал записку в общежитие на ночлег, тоже меня злило. А мать ему сказала:

– Ну, спасибо, что помогли...

– Да ладно... Я сутки через двое дежурю. Если что, обращайтесь.

Мы взяли наши баулы и потащились в сторону общежития.

Холод и промокшие ноги заставляли нас двигаться быстрее, превозмогая собачью усталость. Я вспомнил, что родился гиперактивным.

Вот и общага. Это, конечно, не небоскреб, какие я видел в центре Перми, но все же пять этажей. А в нашей общаге в Лесостепном – лишь три.

Нас впустили в фойе, мама по записке, которую дал охранник из медсанчасти, нашла какую-то тетку, комендантшу. Она неуловимо напоминала мать Амбала. Мне это не очень понравилось. Особенно – воспоминание про Амбала. И так еще синяк от него не сошел. В связи с этим у меня перед глазами пролетели картинки из недавней моей поселковой жизни: Маришка, которую я вспомнил первой, Ленка, которая сама бесцеремонно явилась с мое воображение, Дениска рыжий (туго ему сейчас с Амбалом). Ну и другие вспомнились: Завмаг Артемович, дядька Мишка зоотехник, участковый...

Комендантша провела нас по мрачному коридору, где тяжело ворочались запахи сырости. Поднялись на второй этаж.

– Вот здесь две кровати... Душ, туалет в коридоре. Деньги вперед. Кавалеров не водить.

– Да вы что, – поперхнулась мама. – Какие кавалеры?!

– Ну-ну... – тетка равнодушно обвила взглядом маму, получила плату за двое суток вперед и, уходя, посоветовала:

– Закрывайтесь изнутри на засов. Тут народ всякий обитает, – и показательно лязгнула тяжелой металлической дверью.

– Ну вот, слава богу, теперь отдохнем!.. Сходи в душ, а я пока что-нибудь приготовлю перекусить.

– Ты первая иди, – сказал я, прилег на неразобранную кровать и отрубился.

Сквозь сон я едва услышал, как вернулась мама. Она попыталась меня растормошить:

– Вставай, Кирилка, в душ сходи... Или хоть перекуси...

Бесполезно. Не знаю, сколько прошло времени, но сквозь сон послышался страшный грохот: «Ты-джах! Ты-джах!»

– Открой! Открой, я сказал! Это моя комната...

Я вскочил, ошарашенный. Мама в накинутом на ночнушку халате прильнула к дверному глазку:

– Вы кто? Мы с комендантшей договорились...

– Открой, бляха-муха! Ты что сюда приперлась? – нетрезво орал за дверью мужик.

– Нас комендантша сюда вселила!

– Какая на фиг, комендантша!? Выметайся!..

– Куда мы ночью?

– Мне по фигу, куда! Ты в чужую комнату приперлась, еще что-то там вякаешь.

Я окончательно проснулся, меня, если честно, колотило от страха. При тусклой лампочке я

видел, как по маминым щекам текут слезы:

– Господи, ну приехали в эту Пермь, а тут... Ну кто тут нас ждет?.. – мама уже рыдала. – Кому мы нужны...

– Давай, коза драная, открывай! – гудел утробный голос за дверью. – Будем договариваться... Ха-ха-ха! – Мама отшатнулась от двери и прижалась спиной к стене.

Меня переклинило! Я забыл о страхе и схватил со стола бутылку с минералкой:

– Ах ты, шакал! Я тебя сейчас взорву! А-а-а!! – и, что было мочи, запустил бутылку в металлическую дверь! Грохот был страшным, фонтан стекла и брызг обдал всю комнату. За дверями – тишина!

– Заходи, дрянь! – орал я. – Заходи! – В руках у меня оказалась вторая бутылка. Ринулся к двери, под ногами звенели осколки стекла – я был в одних носках. В бешенстве откинул засов на двери, распахнул ее ударом ноги. В метрах трех стоял мужичонка непонятного возраста и весь такой удивленный.

Я жахнул бутылку о дверной косяк, в руке осталось горлышко – «розочка». Мужик шуганулся от меня:

– Ты что, звезданутый, что ли? – он метнулся на лестничную клетку. Уже оттуда: – Сейчас тебя менты повяжут... Жди, сопля маринованная!

– Мразь! – крикнул я в ответ на маринованную соплю. – Убью!..

– Кирюша, сынок успокойся! – это мама меня взяла за локоть. – Вот тапочки надень.

Обувка плюхнулась передо мной на крошево стекла и воды. Мама осторожно вынула из моей руки горлышко разбитой бутылки.

– Мам, все нормально, – успокоил я ее, хотя со мной было что-то ненормальное – меня всего колотило.

– Пойдем, сынок, не волнуйся...

Мама закрыла дверь, замела стекла, протерла полы.

Я почувствовал дикую усталость и... голод. А еще – обиду: почему Пермь, такой красивый город с пафосным званием мегаполис, принимает нас так некрасиво, непафосно? Почему? Мне хотелось заплакать. Но нет, только не слезы-сопли! Нет!

Я яростно накинулся на еду – смел все, что было на столе. Думал: если в ментовку заберут, когда еще там накормят? Было около двенадцати ночи. За окном не очень и темно.

– Почему так светло? – спросил у мамы.

– Скоро наступят белые ночи...

– Что, и в Перми есть белые ночи?

– Все знают только о белых ночах в Питере, но и в Перми они тоже наступают, – пояснила мама. – Эти же города почти на одной широте находятся...

– Ясно, – сказал я, хотя про широту и долготу из географии ничего не помнил. Но сам факт белых ночей меня радовал. Хоть что-то светлое...

Полицейские за мной что-то не приезжали. Маленькие ранки на ступнях противно саднили – я все-таки порезался о стекло разбитой бутылки.

– А может, лучше бы к Денискиному деду на квартиру попроситься? – предложил я матери. – Ну, который елочки в Троицкой церкви посадил.

– Ты что, сын! Он живет в Соликамске, это километров двести, а может, и триста от Перми. И потом, кто мы такие?

– Земляки!

– Этого мало...

– Земляки – это много! – не соглашался я. – Это почти что родня.

– У тебя здесь есть родня ближе некуда. Отец родной.

– Это да. Вот если бы мы вместе жили...

– Кирилл, прекрати! Сходи лучше в душ, с поезда не мылся.

– Пойду...

2. Я принял души, затем... круто отколотил всех негодяев

Я стоял под душем. Теплые струи смывали с меня шелуху прежней, допермской, доотцовской жизни. Я верил: с завтрашнего дня все будет нормально. Пермь примет нас. Под теплым душем я ощутил себе защищенным.

С отцом тоже все будет хорошо. Это я так прямо с рекламной интонацией и сказал. Надо завтра отнести бате гостинцы: мед, орехи, которые передал дядька Мишка зоотехник.

Интересно, как там орехи, которые мы с мамой посадили в ящике на кухне? Может, и правда вырастет целая роща, ну или аллея. Аллея Кирилла – ха-ха!.. И по этой аллее я буду гулять со Звездной Звездой. Хотя, пожалуй, нет, не с ней. Ленка постоянно надо мной смеялась. Вспомнилось ее обидное: «...а он своими макаронинами машет, машет – баранов разгоняет!»

Хотя она, Ленка, права. Я протер запотевшее зеркало, висевшее на двери душевой. М-да... Конечно, она права: на меня уныло смотрел тощий, длинный заморыш (глистом я не стал себя называть). Действительно макаронины, а не руки – даже признаков бицепсов нет, как я ни пыжился. И физиономия поцарапанная, и фингал не сошел. Не хотел бы я, чтоб меня та же Ленка сейчас видела. Да и Маришка, и Маленькая Эротика из нашего вагона... Что это я про девчонок думаю среди ночи, как озабоченный? На фиг они мне. В голове снова возникло:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики....

Я еще раз осмотрел в зеркало как бы чужую физиономию. Попробовал себя успокоить: синяки мужчину украшают, то есть шрамы. Да, жаль, я Амбала в тот раз скалкой слабо долбанул. Если бы его отрубил сразу, не было б у меня синяка.

Я одевался и думал: скалка – это все-таки не по-мужски. Да и бутылка – тоже. С ней я и в вагоне набросился на кудлатого певца, и сегодня – на этого мужичка. А если он и правда ментов вызовет? Хотя я этого не боялся, как мне казалось. Во-первых, наверное, я стал смелее – смелость, мне показалось, прямо распирала мне грудную клетку. Во-вторых, пьяный мужик вряд ли пойдет жаловаться в полицию на пацана (хотя какой я пацан – метр восемьдесят ростом!). В-третьих, полицейские

здесь, как мне хотелось думать, справедливые – вон на вокзале нас не тронули, все рассказали, показали. Даже паспорт не спросили. На мыслях об этом документе, которым я втайне гордился, послышался осторожный стук в дверь душа:

– Сынок, все нормально?

– Да, мам...

– Уже второй час ночи.

Я вышел из душа, одеваясь на ходу. Мама стояла в коридоре, ждала меня. Я огляделся – полицейских нет.

– Мам, что ты стоишь на холоде.

– Ты так долго был в душе, я начала беспокоиться.

– Что я, ребенок?

– Да взрослый, взрослый. Иди уж, – она легонько подтолкнула меня в комнату.

Мама попыталась незаметно вынуть из кармана халата... пустую бутылку.

– Это что?

– Для самообороны, – пояснила она. – Это у нас семейное оружие.

Мы оба рассмеялись.

– Как там твои ласты, йог?

– Почему, йог? – не понял я.

– Ну, по стеклу ходишь...

– А... Нормально, – сказал я, не слишком обращая внимания на саднящие ранки.

Мама, однако, обработала мелкие порезы йодом, заклеила пластырем.

– До свадьбы заживет, – оптимистично сказала она.

– Мам, завтра мы что делаем? – я как бы не услышал про свадьбу, но мне, озабоченному и гиперактивному, вспомнились девчонки – сразу все вместе: Маринка, Ленка и Маленькая Эротика.

– Отоспимся, потом надо к начальству больничному сходить.

– Сначала к папе.

– Сначала ты возьмешься за учебники, потом – к отцу.

– Мам, ты среди ночи про учебу говоришь – это извращение.

– Не выражаться при матери! – нарочито сердито сказала она. – Ты вообще запустил школу.

– Не надо о грустном. Давай спать.

Во сне, который был не в стиле фэнтези, а очень реальный, я дрался! Крутыш, накачанный, ловкий, гиперактивный. И конечно справедливый. Дрался я за маму, потому что ее несправедливо уволили с работы. Кажется, с директором их производственно-технической конторы. Не мог же я драться с теткой, трескавшей лопушистые пирожки.

Потом я дрался за отца – с бандюками, которые покалечили папу, разбили его «уазик» и отжимают дачный домик с землей. С этими было очень трудно, но я справился.

Даже за деда Кирилла, которого я при жизни не знал, пришлось махаться. На этот раз – с заведующим МТФ Трофимовичем, который довел моего деда до разрыва сердца, а колхоз – до банкротства. Этот завфермой был настоящий боров! Огромный, толстый. Кулак как моя голова! Но я классно уходил от молота завМТФ. А он мне раз за разом подставлял свою челюсть. Короче, я его завалил.

Главное, вся эта махаловка происходила прямо на автобусной остановке в Перми напротив верховного здания, где заседали депутаты и министры. Они, я знал, смотрели с высоты своих положений на этот захватывающий кинобоевик. Среди них был министр спорта. Он, скорее всего, распорядился, чтобы со мной начал работать самый лучший в Перми тренер по рукопашному бою – скоро надо будет защищать честь целого края. А тут такой самородок возник из поселка Лесостепного.

В толпе, которая смотрела, как я круто расправляюсь с негодяями, был и Амбал! Он больше всех радовался моим победам и кричал: «Давай, Кир, мочи их! Покажи, какие мы – лесостепные!» Амбал, наверное, понимал, кто будет следующий и всячески показывал мне, что он – мой лучший друг, а не только земляк.

– Тише, ты, не ори! – цыкнул на него наш участковый товарищ майор. – Что раздухарился? Это тебе не Лесостепной. Здесь надо соблюдать порядок.

Я краем глаза заметил, что нашему участковому помогают соблюдать порядок молоденькие полицейские с пермского вокзала. Они сдерживали толпу болеющих за меня. Я не видел, но точно знал, что здесь и Маришка, и мой верный друг рыжий Дениска, и Звездная Звезда Ленка. Теперь она убедилась, что у меня руки не макаронины, а настоящие рычаги.

– Константинович, хватит! – послышался голос мамы. Она меня по отчеству называла в особых случаях. Мама тоже была здесь – с отцом. Тот опирался на костыли, но готов был броситься на мою защиту. Хотя это было лишним.

– Пап, все нормально... Я сам! – крикнул я ему и тут же пропустил удар. Хотя не удар, а пощечину.

– Давай, вставай, Константинович! – легонько хлопала меня по щекам мама. – Целый день спишь. Уже скоро к отцу в больницу надо!

– Мам, ну что ты пристала... Не дала такой сон досмотреть. – Я нехотя возвращался в реальность. О, каким я крутышом был, как я всех раскидал! Жаль, это было во сне.

– Умывайся, одевайся, – скомандовала мама. – Сейчас идем к отцу в больницу.

3. Вот пришли к отцу: я и... две его жены

На проходной в медсанчасти был уже другой охранник. Он не обратил на нас ни малейшего внимания. А мне хотелось, чтобы он спросил:

– К кому?

– К отцу! – с гордостью ответил бы я и показал бы ему свой паспорт. Но напарник вчерашнего супергероя не взглянул на мою поцарапанную физиономию с фингалом.

Отец нас встретил с улыбкой. Мы принесли лесостепновские гостинцы: грецкие орехи, мед. Еще мама сварила фасоль. Оказывается, все это вместе полезно при переломах.

Я, конечно, не стал уточнять, что орехи и мед от дядьки Мишки. «С чего это вдруг от него подарки?» – задался бы вопросом отец. А я-то знаю: потому что зоотехник к маме неравнодушен. Мне это конкретно не нравилось, и бате не понравилось бы. Может, он и не стал бы есть мед с орехами от дядьки Мишки. А ему сейчас

нужны всякие витамины, микроэлементы, что там еще?

К поеданию этой полезнятины присоединился и старичок с соседней койки. Он нахваливал маму и заодно – меня.

– Молодцы, что приехали поддержать отца, – и тут же добавлял с уверенностью: – Мои тоже должны в выходные приехать.

Я помнил, что к деду никто не ходит, он сам говорил.

– Должны, конечно, и сын, и внук, – подбадривал батя. – Вот мои за три тысячи километров примчались.

Отец с теплотой посмотрел на нас с мамой. Мне показалось, что глаза у него повлажнели – я испугался за батин авторитет.

– Где остановились? – спросил отец у мамы.

– В общежитии.

– Хорошо отдохнули?

– Нормально! – поспешил я ответить вместо мамы. Хотя меня так и распирало рассказать отцу, как я зашугал пьяненького мужичка. Конечно, можно было бы и про крутой сон рассказать, где я всех негодяев нашей жизни отметелил. Ну ладно.

– Опачки! Картина маслом! – в проеме дверей появилась круглолицая девица. – Встреча блудной семейки!

– Жанна, ты? – отец несколько опешил. – Ты что здесь делаешь?

– Я-то мужа пришла проведать! – подбоченилась она и скривила в ухмылке жирно накрашенные губы. – А вот что эти здесь делают?

– Жанна, прекрати...

– Мы не «эти», – мама излучала спокойствие. – Законный сын-первенец приехал проведать отца. А я на твоего мужа не претендую, успокойся.

– Жанна, давай не сейчас, – отец пытался как-то разрулить ситуацию.

– Нет, сейчас... Что, наследство прибежали делить? – вытаращилась на меня набитая дура Жанка.

– Я приехал к отцу! И не собираюсь ничего делить. Он живой! – заорал я и, тоже зло вытаращив глаза (насколько позволял синяк), попер буром на Жанку.

– Ты что, неадекват? – опешила она и поспешила зайти за спинку кровати. – Уйми его, Константин... Этого бешеного глиста.

– Кирилка, ну давай по-нормальному, – голос отца, кажется, дрогнул.

– Хорошо, пап. Не волнуйся! – взял я себя в руки. – Но я не глист, понятно! Не глист и... – у меня чуть не вырвалось «и не заморыш». Но понял, что это лишнее – тут меня заморышем никто не называл.

– Сынок, пошли...– Мама меня взяла за руки и повела из палаты. – У них тут семейное.

– Да вы приходите, – вставил свои пять копеек дедок с соседней кровати. – Милые бранятся, только тешатся.

– Кирилл, я тебя жду завтра, – подтвердил отец. – Все будет нормально!

Мне не понравилось, что отец обращался только ко мне.

– Хорошо, пап! Мы завтра с мамой придем! За тобой же уход нужен.

– Давай, давай! – выметающим жестом показала Жанка на дверь.

– Папка, ну почему ты мамку на такую дуру променял? – сорвалось у меня на выходе из палаты.

– Кирилл! Прекрати! – это мама на меня прикрикнула и вытолкнула в коридор.

– Давай, давай, – повторяла Жанка свое.

– Жанна, зачем же ты так? – примиряюще сказал отец своей дуре. Это я слышал из коридора.

Навстречу нам шел вчерашний врач, но без халата. Потому мы его с трудом узнали.

– Здравствуйте, – не очень уверенно сказала мама.

– Добрый день... Вот хорошо, что я вас встретил, – доктор остановился. – Меня зовут Виктор Ильич, я лечащий врач Константина.

– Очень приятно. Я – Ирина Кирилловна, – достойно так ответила мама.

– Пройдемте в ординаторскую, там поговорим... Понимаю, встреча жен, бывшей и настоящей, малоприятная ситуация.

– А вы откуда знаете?

– Сейчас поясню! – Мы вошли в ординаторскую. – Честно скажу вам, вчера был озадачен, когда вы появились. Да еще из такого неоднозначного региона прибыли. Навел справки о семье больного. Медсестра позвонила на телефон официальной жены, чтобы прояснить ситуацию.

– Понятно, – вздохнула мама.

– Вот, прояснили... Слышал ваш крик, понял, что надо вмешаться.

– Это не наш крик, – с достоинством подчеркнула мама.

– Ну как же... – доктор хитро взглянул на меня. – Но сейчас не об этом. Константину придется еще долго лечиться. За ним нужен уход.

– Мы за этим сюда и приехали...

– Да, конечно. Но тут эта женщина. Судя по всему, барышня употребляет. С такими иметь дело, знаете ли... – и резко перевел разговор: – Как вы обустроились? Надолго ли в Пермь?

– Обустроились нормально. Надолго ли? Время покажет.

– Вы не рассматриваете вариант поработать у нас санитаркой? – Врач поспешил объяснить: – За Константином, я ж говорил, надо постоянно ухаживать... А санитарок у нас хроническая нехватка. Завотделением будет только за.

– Я не готова ответить.

– Мама – инженер, у нее высшее образование, – уточнил я.

– Понимаю... Но это временно, до выздоровления. А там, если в Перми задержитесь, подыщите работу по специальности. У нас много предприятий, хотя сейчас и кризис.

– А эта психичка что, тоже будет сюда приходить? – со злобой спросил я про папкину нынешнюю женку.

– Ну... Мы не можем запретить официальной жене, – развел руками врач. – А ты, кстати, со школой определился?

– Все нормально, – с некоторым вызовом сказал я, помня, что наша классная да и директриса Лесостепновской школы сделают «все как надо».

– У меня жена работает в вечерней школе, – обратился он уже к маме. – Вам бы устроить парнишку туда.

– Пожалуй, это вариант, – согласилась мать.

– Запишите адрес и телефон. Людмила Васильевна жену зовут, русский и литературу преподает, – уточнил Виктор Ильич. – А насчет санитарки подумайте.

– Хорошо. Ну, мы пошли?..

– Да, конечно. Вам лучше на служебном лифте. Я вас провожу

Лифт распахнулся. Я сразу вспомнил, что вчера здесь столкнулся с мертвецом. Перед глазами пронеслась эта же картинка, но в стиле фэнтези. Мне даже интересно стало, а вчера я реально испугался, что это мог быть отец. А он вот – живой и со своей... как это помягче сказать.

Лифт нас с мамой поглотил и отправил на первый этаж.

4. Через Каму – к Параскеве и в вечерку

Мы вышли из больницы молча. Я был злой и растерянный.

– Мам, куда мы сейчас?

– Не знаю, – сказала она отрешенно, потом устало добавила: – Ты ведешь себя безобразно. Бросаешься на людей, орешь...

– Мам, а чего она приперлась? Чего обзывает глистом? – ответил я ей, хотя сам понимал, что меня заносит на поворотах. Или моя гиперактивность так проявляется?

– Ты рассуждаешь, как ребенок, – сердилась мать. – У отца своя семья.

– Мы к нему через полстраны мчались!

– Да, но мы – бывшая семья... Отцу сейчас непросто. Не забывай, он прикован к постели.

– Это мой отец, а я его сын. А он – с этой прошмандовкой...

– Кирилл, что за слова!? Ты вообще потерял берега. Так, – решительно сказала она, – сейчас едем в вечернюю школу.

– Зачем спешить?..

– Сам-то за учебники разве возьмешься?

Мы пошли на остановку, я все переваривал ситуацию. Врач вызвал папкину непонятную женку. Зачем, спрашивается? Мать ведет себя как-то не так. А как она должна была поступить? Наброситься на Жанку? Еще это школа, нафиг она сдалась...

К вечерке, как нам объяснили, надо было добираться через КамГЭС. Желающих ехать по этому маршруту оказалось много. Автобус подошел уже набитым. Толпа нас буквально внесла внутрь.

– Мам, ты здесь? – с тревогой почти прокричал я.

– Да, здесь, Кирилл, едем!.. – Я слышал мамин голос, но ее саму не видел. Масса пассажиров на очередном повороте надавила на меня так, что я почувствовал себя окончательным заморышем – едва дышал. Мне пришлось поработать локтями и пробиться к окну. Здесь вздохнул полной грудью. Как раз проезжали по мосту через плотину КамГЭС. Я офигел! Бушующая масса, шипучая пена, дикие водовороты! Это было круто и страшновато – вдруг автобус туда сорвется! Вот она Кама, которая впадает в Волгу! Или прямо в Каспийское море?

– Мам, ты как там? – окликнул я ее, оторвав взгляд от завораживающего водопада.

– Нормально, Кирилл, – ответила она. – Нам бы остановку не прозевать, – и обратилась к пассажирам: – Не подскажете, как лучше до вечерней школы добраться?

– Еще далеко.

Я, если честно, хотел, чтобы мы не доехали до этой школы или проехали... В общем, чтобы ее не нашли.

Но мы доехали до нужной остановки. Шли через березовую рощу. Мама вдруг стала тихонько напевать:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней – валунов извиваешься.

– Это на тебя Кама повлияла? – спросил я с улыбкой.

– А ты не подслушивай, – улыбнулась мама. – Вон, смотри, красота какая! Аж дух захватывает и кружится голова.

– Может, это от йододефицита?

– Нет, от красоты...

Я вспомнил о своей будущей ореховой аллее, которая не только для красоты, но и от йододефицита... Конечно, если сравнивать березовую рощу и мою будущую ореховую аллею, то сравнение не в мою пользу. В связи с аллеей возник образ Маришки. Правда, тут же появилась самозванка – Звездная Звезда, а потом – Маленькая Эротика. Ну, блин, какой-то я озабоченный. Мне стало стыдно – отец лежит прикованный к постели, а мне девчата мерещатся. На этом фоне я как бы простил батю за его придурковатую Жанку и предпринял последнюю попытку не пойти в школу.

– Мам, а какой смысл в вечерку идти? Три недели до конца учебного года. В Лесостепновской школе в 9-й класс меня и так переведут.

– Думаю, мы в Перми задержимся. Так что ты не восьмой класс здесь будем заканчивать, а готовиться в девятый. Ты же мечтал в военный институт поступить, стать офицером.

– Ну, мечтал, – признался я, уже готовый отказаться от мысли стать военным, лишь бы сейчас не идти в школу. Мне и учиться не хотелось, и в новый коллектив, если честно, я побаивался идти. В вечерке всяких хватает – типа нашего Амбала.

– Надо, чтоб отец поднялся на ноги, – продолжала мать. – Исполним свой долг, а там будет видно.

Я знал, как мать будет исполнять долг. Это – не допустить на батином костлявом теле пролежней, выносить судно из-под него и все такое. Я мамкой в душе гордился, не каждая бывшая жена – вот так.

Мы минули рощу, и перед нами возникла... церквушка. Небольшая, ладная такая, из желтого кирпича.

Мама неумело, но как-то утверждающе-размашисто перекрестилась.

– Церковь Па-рас-кевы великомученицы, – с трудом прочитал я. – Кто такая эта Па-рас-кева?

– Не знаю... Но понятно, что великомученица.

– Наш поп из Троицкой церкви, наверное, знает, – предположил я.

– Не поп, а батюшка...

– Ну да... Вообще он крутой мужик, говорят, в горячих точках бывал. – Я вспомнил, как мы с ры-

жим Дениской работали на Троицкой церкви. – Наша-то церковь намного больше!

– Не в размерах дело, – сказала мама. – Хотя тут под Пермью, я слышала, есть огромный храм – Белогорский монастырь. Не сравнить с Троицкой церковью

– А, да!.. Дедушка рыжего Дениски оттуда елочки привозил в нашу Троицкую церковь.

– Ну вот, видишь... Может, когда-нибудь туда съездим. Все утрясется...

– Интересно посмотреть.

Мы нашли школу. В коридоре нас встретила миловидная женщина:

– Здравствуйте! Я – Людмила Васильевна. Муж звонил по вашему поводу.

– Мы только узнать, как и что...

– Пусть вас не смущает, что школа вечерняя. У нас даются достаточно глубокие знания.

– Да мы, честно говоря, звезд не хватаем, – выложила мама обо мне правду.

– Ничего страшного. Здесь контингент, конечно, отличается от обычной школы. Люди разные. Но многие к учебе относятся серьезно.

– Нам бы восьмой класс окончить.

– Конечно, окончите! И восемь, и девятый, и одиннадцатый, – с энтузиазмом пообещала учительница. – Кстати, буквально сегодня утром мы с мужем поехали на мебельную фабрику, диван присмотреть. А там начальник цеха – наш выпускник. Владимир Сергеевич, фамилия такая замысловатая. Он, кстати, из вашего неоднозначного региона.

– Наш регион однозначный, – с улыбкой уточнила мама.

– Да, конечно. Я вот о чем. Паренек этот работал простым грузчиком на заводе «Камкабель». Помнится, пришел с ночной смены и сразу – на экзамены! Писал и засыпал! Но ведь сдал ЕГЭ! Потом поступил с сельхозакадемию. Вот теперь – начальник цеха...

– А что, в сельхозакадемии учат диваны выпускать? – съязвил я и тут же угас. Людмила Васильевна ласково так посмотрела на мою исцарапанную физиономию с фингалом и сказала:

– Это приличный государственный вуз, где даются базовые знания. А уж как там сложится жизнь...

– Кирилл, не умничай, – одернула меня мать. – Когда ему в школу?

– Завтра пусть и приходит, не надо откладывать. Я – классный руководитель в восьмом классе. А вы параллельно собирайте документы: заявление, копию паспорта, медсправку...

Мы вышли из здания школы, я лично расстроенный – заканчивается моя свобода.

– Ну, сын, теперь в общежитие.

– А ты помнишь ночного гостя?

– Еще бы... Только он не гость, а хозяин. Нужно разобраться с ночлегом. Да и с жильем на лето, по крайней мере.

Так, значит, мама согласилась поработать в медсанчасти санитаркой, сделал я вывод. Ночной визит пьяненького хозяина, разбитые бутылки и придурковатая папкина женка Жанка остаются за кадром. Пошли они на фиг!

5. Мы нашли ночлег, до этого неожиданно стали... землевладельцами

Возвращались из вечерки поздно. Автобус был полупустым. Плотина КамГЭС, залитая огнями, была похожа на морской лайнер.

– Как «Титаник», – сравнил я.

– Почему «Титаник»?

– Мощно и красиво! Как будто сейчас развернется и поплывет по Каме.

– Фантазер! «Титаник» плохо закончил...

По фильму я помнил, что лайнер затонул, но другие названия кораблей на ум мне не приходили.

– А ты знаешь, что Ди Каприо – по происхождению пермяк? – спросила мама.

– Это который в «Титанике» снимался?

– Ну да. Бабушка у него – пермячка.

– Вот... Все корабли плывут из Перми, – сумничал я. – Лично мне этот Ди Каприо не нравится. Мелкий какой-то и сам как фантик. – Я невольно распрямил плечи и с высоты своих ста восьмидесяти сантиметров посмотрел на воображаемого Ди Каприо. На его фоне я казался вовсе не заморышем! Представил себя накачанным, гиперактивным суперменом из голливудского боевика. Тут у мамы зазвонил телефон.

– Галя, ты, что ли? Привет! Быстро говори, я в роуминге. Электронку, говоришь, проверить? Хорошо. Все, пока!

– Мам, это теть Галя?

– Да, какое-то важное письмо прислала. Как бы электронную почту посмотреть?

– Зайдем в интернет-кафе? – Автобус как раз остановился недалеко от него.

– Ну да! Еще мы с тобой по злачным местам не ходили.

– Там можно и перекусить, – я как всегда хотел есть.

Кофе и соки в интернет-кафе оказались безобразно дорогими, а посетители, в основном мои сверстники, какими-то зомбированными. Все рубились в стратегии и «танчики». Мы взяли просто воду. У меня аппетит только разыгрался – с утра не ели, считай.

Мама быстро зашла на свою электронную почту, начала читать письмо от тети Гали.

«Ирина, привет! Как обустроились, как Константин? У нас новость. Помнишь, Мишка-зоотехник и еще там бывшие колхозники судились с Трофимовчем? Он же обанкротил колхоз и землю присвоил. А новый губернатор сказал: земля должна принадлежать тем, кто на ней работает. Так вот, суд эти ребята у Трофимовича выиграли. Теперь все, кто в колхозе работал, получают свои паи. В зависимости от стажа. Я видела список. Ты там есть. За отца своего – дядю Кирилла получаешь надел земли, даже Косте что-то положено. Он же работал раньше трактористом в колхозе. Нам, медикам из амбулатории и учителям из школы, тоже выделяют паи. Теперь вы – землевладельцы! Вчера было собрание пайщиков. Мишку избрали председателем сельхозкооператива. Вот такие новости. Маришка передает привет Кирилке. Он что-то не отвечает на эсэмэски. Пока!»

– Ну, ты понял, сын? – обратилась ко мне мать.

– Не совсем...

– Читай еще.

Я перечитал:

– Ну как бы да, понял. Дядька Мишка-скотовод становится председателем вместо Трофимовича.

– Дядь Миша – зоотехник, – поправила она. – Да, но это не главное. Нам пай земли выделили. Это твой дедушка о нас заботится. Уже нет в живых его столько лет, а заботится. – Мама заплакала.

– Мам, ну перестань...

Мы вышли из интернет-кафе, в магазине купили хлеб и майонез.

– Давай, сын, здесь перекусим. Непонятно, будем ли мы в общаге сегодня ночевать или нет. Да, – вздохнула мать, – надо было все-таки сначала с ночлегом уладить, а потом в твою вечерку.

– Конечно! В школу мы успели бы, – с удовлетворением согласился я. – Это ты, мам, придумала: типа целую неделю учебники в руки не брал...

– Ну да, если б неделю. Ты их месяцами не раскрывал.

– Ма, опять начинаешь. Давай лучше похаваем.

– Кирилл, следи за речью!

Мы расположились прямо в скверике перед общежитием на сырой скамейке. К ней подступала лужа, похожая на лужу безденежья из моего детства. Поели. Мама стеснялась, смотрела по сторонам и явно не ощущала себя землевладелицей. А я трескал с аппетитом и не шугался – нас никто здесь не знает.

Пошли в общагу. Комендантша высунулась из амбразуры своей берлоги:

– А я вас жду...

– Здравствуйте, – сказала настороженно мама, я промолчал.

– Ну что, ночь бурная была? – угрюмо хихикнула комендантша. – Кто ж знал, что этот придурок из своей деревни так рано вернется. Запои у него по неделе длятся, а тут...

– А я завязал с этим делом. Теперь только пиво! – неожиданно возник возле нас ночной визитер. – Посмотрим еще, кто придурок!

– О!.. Ты, Васька? Явился не запылился, – недовольно сказала комендантша.

Васька, мужичок лет под сорок, был трезвым. Мы встретились взглядами, я понял, что даже при моем росте, если что, с ним не справлюсь. А под рукой у меня ничего увесистого не было. Я напряг свою волю, которая все также виделась мне наподобие бомжа. Волнение не проходило, я прямо ощутил себя спутанным пуповиной по рукам и ногам – это был страх. Я ненавидел себя за это.

– Давайте решим вопрос спокойно, – предложила мама.

– Я как раз хотел еще ночью его спокойно решить, – сказал Васька. – Это же вы в мою комнату пришли, а не я к вам.

– Васька, ты права не качай... Не такая она уж и твоя, эта комната, – уточнила комендантша. – Лучше порешаем, где женщине с ребенком переночевать.

– Я с дамами всегда вопросы решаю взаимовыгодно, – расплылся в противной улыбке Васька.

– Ой, решала несчастный, – пренебрежительно махнула рукой комендантша. – Ты видишь, у нее сын какой! Знаю уже про ночные приключения. Тоже мне, решала...

– Ну, ты не особо... Срубила бабки с людей, а теперь выкручиваешься.

– Ладно, давайте определимся, – спокойно сказала мама. – Если ночуем здесь, мы пошли, а вы разбирайтесь сами. Если нет – мы собираем вещи и до свидания. Только деньги верните.

– Там тех денег... Только и разговора. Вася, ну будь мужчиной. Пусть люди переночуют. Потом с тобой разберемся.

– Я всегда готов решить вопрос. Найду, где ночь перекантоваться.

– Вот, Вася, и правильно. Как раз помиритесь со своей лахудрой. Иди к ней.

– Это не твоего ума дело, – огрызнулся Вася и пошел в другое крыло общежития.

«О, лахудра. Именно так я буду звать Жанку, батину женку, – решил я. Пусть отец хоть обижается, хоть нет».

Мы с мамой отправились по гнусному коридору к своему ночлегу. Через окно на лестничной клетке я увидел залитую огнями КамГЭС, уже не похожую на «Титаник».

6. Васька пришел... с полицейским: мы из неоднозначного региона

Отомкнули Васькину комнату. Мне показалось, что здесь уже похозяйничали:

– Наверное, Васька, – предположил я

– Это ж его комната, ключ-то есть.

– Ничего не пропало?

– А чему у нас пропадать?

– Ну да, мы как бомжи, украсть нечего.

– Вот завтра надо и решать что-то с временной регистрацией, с работой, с твоей школой...

– Вечерка еще не моя, – парировал я и мысленно унесся именно в свою школу – Лесостепновскую. Ее я, честно говоря, не любил. Но интересно, как там сейчас? Что говорят? Может, все еще про то, как мы с Амбалом схлестнулись? Я осторожно ощупал синяк под глазом.

– Скоро сойдет, не волнуйся! – успокоила мама.

– А я не волнуюсь... Мне пофиг, – сказал я нарочитым басом. Хотя, конечно, с синяком, даже отцветающим, было не по кайфу. – Мам, завтра мне симку купим? А то я как лох последний... Сто лет телефон не работает.

– Купим. Вон Галина написала, что Маришка тебе эсэмэски шлет.

– Причем тут Маришка? Я с пацанами не могу переписываться. Как там Дениска? Может, Амбал на него наезжает.

– А чем ты можешь помочь? Тут, думаю, надо будет с местными Амбалами разбираться.

Как раз в этот момент вежливо, но настойчиво постучали. Мы с мамой притихли. Еще стук.

– Откройте! Это я – Василий.

Мы молчим. Василий попытался засунуть в замочную скважину ключ. Но мама предусмотрительно оставила в дверях свой ключ изнутри.

– Откройте, я же знаю, вы здесь! – Василий стал стучать в дверь настойчивее.

– Что вам надо? Мы уже легли спать.

– Это делу не помешает.

– Идите с богом, Василий.

Мать подошла к двери, механически обследовала пальцами вмятину от бутылки, которую я запустил прошедшей ночью, отпугивая незваного гостя. Сейчас я понимал, что возможности повторить свой ночной подвиг нет. Бутылки под рукой не было, к тому же, оказывается, мы поселились, в комнате Василия. Да и у меня что-то запал исчез, вот опять заморышем себя почувствовал, воля моя сдулась, смелость скукожилась. Вдруг подумалось: был бы у меня брат, пусть на год младше, мы с Васькой влегкую справились бы.

Мама глянула на меня, наверное, я имел очень жалкий вид, потому что она заплакала:

– Господи, ну что за напасть такая? Когда же это все закончится?

– Да не реви, дура! – мирно сказал Василий. – Я за простынями чистыми пришел. Там, в шкафу лежат. Дай, и я пойду.

– Точно?

– Да точно, точно...

– Василий, давайте я вам их в окно выброшу. В пакете.

– Ну что за бред!

– Ладно, сейчас, – согласилась мама.

Я взялся за спинку стула так, чтобы при необходимости применить его как орудие самообороны. Воля моя встрепенулась, сердце – вроде как стальным стало. Или это нервы стальные? Мама глянула на меня с надеждой и повернула ключ. В проеме двери возник... полицейский! За ним был Василий. Мы с мамой отшатнулись!

Полицейский как-то представился. Я не расслышал, меня колотил мандраж, но стальное сердце противилось этими вибрациям.

– Ваши документы! – Пока мама искала свой паспорт, Василий покопался в шкафу и действительно извлек оттуда белье.

– Я же говорил, мне простынь чистая нужна. Видишь, я из-за вас по чужим углам скитаюсь. А там принимают со своим харчем и со своим бельем.

– Так, а твои документы? – обратился ко мне полицейский. Я вынул спасительный, как мне казалось, паспорт. Участковый изучил его, потом мой фейс. – Что с лицом?

– Пчела укусила...

– А я думал, дрова рубил.

Мама дала свой паспорт:

– Вот, пожалуйста... А с сыном так случилось, товарищ лейтенант, – потерянным голосом сказала мама.

– Ну, я пошел, – сказал Василий и удалился с бельем.

– Понимаете, сейчас отовсюду мигранты едут, – объяснял полицейский. – Мы обязаны отслеживать процесс, паспортный режим. Вы вот из неоднозначного региона...

– Да из однозначного региона мы, товарищ лейтенант. Я уже сегодня третий раз слышу – неоднозначный регион. У нас там все нормально.

– А цель приезда?

– Отец его в больнице лежит. Не встает пока, в аварию попал. Приехали проведать и поухаживать.

– Отец его? – полицейский показал взглядом на меня. – А вы – мать? Как это?

– Просто... Его отец – мой бывший муж.

– А, понятно. И вы, бывшая жена, приехали за ним ухаживать?

– Ну да. Мы разошлись давно, но все равно он близкий человек. Отец моего сына.

– Бывает же, – удивился лейтенант. – Бывшая жена и вот так... – Потом, спохватившись, добавил строго: – Вам в ближайшее же время надо временно зарегистрироваться. Есть у кого?

– Да, есть, – поспешил я – Начальник мебельного цеха наш земляк. Он нас у себя пропишет.

Мама вопросительно на меня смотрела.

– А как зовут его? – спросил лейтенант.

– Владимир Сергеевич.

– Проконтролируем... Вы же понимаете, что вас в чужую комнату заселили?

– Да, конечно, мы завтра же съедем отсюда, – заверила мама, еще не знавшая, куда нам утром податься.

– Проконтролируем, а то ведь нарушение паспортного режима! – Полицейский ушел.

– Все, спать! – скомандовала мама. – Завтра сложный день.

Я не знаю, на нервной ли почве или по устоявшейся привычке я страшно захотел жрать.

– Мам, там у нас перекусить ничего не осталось?

– Кирилка, на ночь глядя...

– Растущему организму надо.

– Вот немного орехов осталось, которые отцу передавали.

– Это дядь Мишкины, – как-то неуверенно сказал я.

– И что с того?

– Теперь он – председатель колхоза, – произнес я со скрытой завистью.

– Ну, точнее кооператива... Ты это к чему?

– Он же замуж тебя звал.

– Время нашел о моем замужестве говорить, – нахмурилась мать.

Я расколол орех, жевал и думал: «Вот мама выйдет замуж за председателя, а отец может так и остаться инвалидом. Несправедливо. С другой стороны, у бати же есть женка, эта лахудра Жанка».

– Мам, мы же не уедем, пока отец не поднимется?

– Я же тебе уже сказала, пока на ноги не станет... А там – по обстоятельствам. Видишь, тебя вот обвиняют, что наследство делить приехал. Может, еще родственники у папки твоего объявятся. Раньше их было много...

Я затравил голод, вспомнил о проросших орехах у нас на подоконнике. Маринка их высадила в палисадник. Представил ореховую «аллею Кирилла» и понял: туфта все это. Чтоб она выросла, лет десять надо.

С такими мыслями и заснул. Я знал, что мне в очередной раз приснится отец с мамой и со мною – трехгодовалым. Буду взбираться по лестнице, у которой нет перил, а на балконе (или постаменте) будет стоять Звездная Звезда Ленка, а может, Маришка или, допустим, Маленькая Эротика. Но... мне этот сон не приснился.

7. Ксения – это не Маленькая Эротика, я обознался

Наконец-то выспались нормально. В дверь никто не ломился, полиция не приходила. Сны мне тревожные или дурацкие не снились. Но утро было дождливым и полуголодным. Я смотрел в слезящееся окно и злился на себя, что снова хочу есть. Хлеб с майонезом плюс чай как-то не сильно заглушили голод. Маме, конечно, я ничего не сказал, она и так комплексует, что деньги неожиданно быстро заканчиваются и что мне нечего дать поесть. У нас оставались еще фасоль и орехи от дядьки Мишки-зоотехника.

– Сынок, ну это отцу, сам понимаешь...

– Конечно, мам! – обрадовался я ее решению. Потому что после вчерашней стычки с Жанкой, батиной женкой, мама имела моральное право о бывшем своем муже вообще и не заботиться. Она как будто слышала мои мысли.

– Кирилл, пока он болеет, пока на ноги не станет, мы будет за ним ухаживать. Что бы то ни было...

– Мы сейчас в медсанчасть, к отцу?

– Ты к отцу, а я все-таки попробую найти этого парня – нашего земляка, начальника мебельного цеха.

– Владимира Сергеевича, – уточнил я.

– Да, только с утра симку надо купить. Позвонить твоей новой классной Людмиле Васильевне, узнать, где этот мебельный цех.

На том и решили. Мама сварила полезную для батиных переломов фасоль, я наколол орехов. Между косяком и дверью закладываешь орех и – хрясть! Я не съел ни ядрышка – отцу нужнее.

Вышли на улицу под моросящий дождь. Симку хотели купить пока только маме – ей нужнее. Но она, посчитав денежку, решила и мне сделать подарок.

– А то ты как в ссылке. Хоть эсэмэски будешь писать своим друзьям.

– Спасибо, мам. Дениску рыжего надо спросить, как он так... Амбал его, наверное, забодал.

– И Маринке напиши, – улыбнулась мама и торжественно распахнула дверь салона сотовой связи.

– Ну, посмотрим, – как бы нехотя согласился я насчет Маришки и подошел к окошку, где не было очереди.

– Ваш паспорт, молодой человек, – сказала девушка, собравшаяся заполнять нужные бумаги. На бейджике значилось: консультант Ксения. Но удивительно было другое. Мы встретились глазами, и... я узнал в ней Маленькую Эротику из нашего вагона. Это она меня обозвала неадекватом.

– В чем проблема, молодой человек? Ваши документы, – дежурно улыбалась Маленькая Эротика.

– Вот! – поспешил я сунуть ей паспорт, который как раз и подскажет ей, что я тот самый неадекват из неоднозначного региона, как здесь говорят.

Она внимательно изучила мою физиономию – поцарапанную, с не сошедшим синяком. Сверила с фото на паспорте и начала заполнять бумаги.

Консультант салона сотовой связи – конечно, звучит красиво. Но тогда она, Маленькая Эротика, была из фолк-группы.

Я осмелел:

– Вы меня узнали? Я Кирилл из вашего вагона.

– Мы всех клиентов нашего оператора узнаем, – улыбнулась консультант Ксения, – но у нас салон, а не вагон.

Я понял, что это не Маленькая Эротика. У Ксении, как я мог видеть, эротика была средних размеров, а у вагонной попутчицы – маленькой. У меня по-дурацки екнуло сердце. Блин, это мое мягкое сердце – поэтому я ни одну девчонку не могу забыть. Но первая на «удаление» – Ленка, решил я.

– Кирилл, ты уже оформил? – мама стояла рядом.

– Сейчас, мам, сейчас...

Мать позвонила Людмиле Васильевне – моей новой классной. Уточнила, адрес мебельного цеха, где наш земляк – начальником. Оказалось, на Изоляторном. Странное название, удивился я. Изоленту, что ли, там делают?

– Ну, Константинович, я на этот самый Изоляторный, а ты – к отцу. Потом созвонимся. У тебя сегодня первый день в новой школе.

По отчеству она меня называла, когда предстояло что-то важное. Конечно, и проведать отца, и пойти первый раз в новую школу – это важно.

– Хорошо, – согласился я, хотя к бате одному мне идти не хотелось, а в школу не хотелось – ни одному, ни с матерью.

– Вот пакет для отца возьми. Здесь орехи и фасоль вареная.

Мама уехала, а я побрел сквозь морось в сторону медсанчасти. На проходной стоял супергерой в черном.

– Здрасть, я к отцу.

– Привет, понял, – он записал что-то в журнале. – А к отцу твоему пришла жена, имей в виду. Минут двадцать назад отметил ее в журнале.

– Упс, – не ожидал я. Меня одолели сомнения: идти к бате или не идти?

– Ты что завис? Не мохай, ты ж к отцу своему идешь, а не к ней, – развеял мои сомнения охранник, как будто подслушав мои мысли.

– Конечно, пойду... Вот надо ему передать кое-что.

Я решительно шел к больничному корпусу и думал: кто роднее для бати, я или лахудра Жанка? Конечно, я! Я его сын, я его кровь! Все гены отца мне передались – рот, нос, уши, глаза. Я невольно ощупал свой фейс – с царапинами и синяками, как бы убедился, что похож на отца. Я такой же худой и длинный, наверное, тоже дефицит веса. А кто она такая, эта Жанка?

В коридоре встретил давешнюю санитарку, которая меня на служебном лифте первый раз отправила на третий этаж.

Мама, когда мы собирались – я к отцу, она за пропиской, – предусмотрительно сунула мне в карман больничные бахилы. Халат висел возле лифта. Решение созрело быстро. Я ткнул кнопку лифта и с некоторой тревогой ждал, когда он распахнется. А вдруг там снова мертвец?

Лифт оказался пустой, он шумно захлопнулся, и замкнутое пространство снова заставило меня

подумать, что вчера здесь спускали покойника. А может, уже и сегодня.

Лифт быстро поднял меня на нужный этаж и распахнулся. Я поспешил выскочить, ощутив холодок на спине.

– О, помощник, – равнодушно сказала уже знакомая санитарка, направлявшаяся в палату к отцу. – Вот сейчас папку твоего будем приводить в порядок.

– Здрасьте. Конечно, приведем в порядок, – согласился я, увидев в ее лице союзницу. Мне наверняка предстояло столкнуться в палате с Жанкой, и я рассчитывал на поддержку санитарки.

Но из головы все не выходила Ксения, которая была очень похожа на Маленькую Эротику. Вообще-то не хотелось бы, чтоб та и другая видели меня, выносящим судно с содержимым. Да и Звездная Звезда точно нос воротила бы, а может, даже и Маринка. Хотя нет... Маринка нормально бы отнеслась. Тем более, это же отец мой болеет.

8. В Жанку я запустил судно, отцу сказал про земельный пай

С мыслями о девчонках я вошел в палату вслед за санитаркой. Жанки не было. И папиных соседей по палате – тоже. Отец не шелохнулся. Его заостренный профиль подчеркивал крайнюю худобу, и я испугался: вдруг он умер!

– Пап! Все нормально?

Отец с трудом повернул голову в мою сторону, открыл глаза. Было видно, что ему плохо. Санитарка поняла по-своему.

– Давай судно, – сказала она. Все вместе мы справились с этим делом. Я взял судно и понес в сторону туалета. Возникали дурацкие мысли: сколько фильмов я пересмотрел, даже несколько книжек прочитал, а все герои там обходятся без этого дела. Даже по пять суток без сознания лежат, а потом встают и все нормально. Папка не герой фильма, он просто живой, но больной человек. И нет ничего позорного, что я ему помогаю, – успокаивал я себя. С этими мыслями и с судном в руках в коридоре я столкнулся с... Жанкой.

– О, ты свою порцию наследства получил! – зло засмеялась она.

– Пошла вон, лахудра, – вырвалось у меня. Я едва сдержал себя, чтобы не выплеснуть содержимое на Жанку. Она отскочила.

– Дебил полный, – уже с безопасного расстояния крикнула она мне.

Когда я вернулся в палату с пустым судном, Жанка помогала санитарке обтирать отца. При этом говорила:

– Костя, я была у адвоката. Нужно постараться задним числом оформить землю и дачу на постороннее лицо, чтоб у тебя это не отобрали по суду.

– Жанна, давай об этом не сейчас, – с трудом выдавил отец.

– А когда? Они уже приходят и грозят мне! Тебе наплевать, что со мной будет.

– Ничего не будет, уезжай к матери в деревню.

– Они землю у тебя отожмут, ты же беспомощный.

– Он не беспомощный! – зло крикнул я.

– Сынок, успокойся. Все нормально.

– Наследничек нашелся, – хмыкнула Жанка и демонстративно бросила влажное полотенце на впалую грудь отца.

– Да побойтесь бога, – строго сказала санитарка.

– Мне нечего бояться! Пусть они боятся. Два заморыша, – Жанка отступила на безопасное расстояние – к двери. Так меня здесь еще никто не называл, да к тому же и отца! Я сильно психанул и... запустил пустое судно в Жанку. Та успела выскочить за дверь и захлопнуть ее. Санитарка схватила меня за локоть:

– Ты что, звезданулся, что ли? – кричала она. Забрав влажное полотенце и посудину, санитарка удалилась, продолжая возмущаться: – Вот дебилов развелось!..

– Кирилл, что ты творишь? – Отец привстал на локтях.

– Пап, извини, я не хотел, – сказал я правду. Наверное, это детская гиперактивность кесаренка выстрелила быстрее, чем я успел подумать.

Вторая моя встреча с отцом не заладилась, как я понял. Хорошо, что мамы нет.

Мы молчали оба. Я думал, о чем заговорить с отцом, а он – о своем. Наверно, я ему надоел своими выходками.

– Пап, мы тебя с мамой напрягаем?

– Нет, не напрягаете. Я вам рад.

Мне хотелось оправдаться за свою дурацкую выходку, но слов не находилось. В поисках поддержки я обернулся в сторону кровати дедка. Ну да, мы же в палате одни. Как-то сначала я не придал значения.

– А где все, пап?

– Двоих перевели в другие палаты – пошли на поправку, а дед умер.

– Как умер?

– Не знаю. Проснулся, а его уже выносят.

Я вспомнил свои ощущения, когда недавно ехал в лифте – предчувствовал, что здесь сегодня покойника везли.

– А сын знает?

– Не было у него ни сына, ни дочки, ни внука. Санитарка так сказала.

Вдруг мне постыдно захотелось плакать. Я вспомнил о бойцовском характере и подавил это позорное желание, почти крикнув:

– Папка, а у тебя сын есть, я есть!

– Ну конечно, сынок!

– Пап, давай перекусим, – вдруг перевел я тему. – Мама тут что-то из фасоли целебное для твоих костей придумала.

– Давай, если целебное, – улыбнулся отец. – Только вместе с тобой.

– Пап, мы уже завтракали.

– Кирилл, меня-то с утра покормили. Хоть казенная пища, но калорий хватает. Давай за компанию.

Я не сильно сопротивлялся, пришлось есть мамину целебную фасоль. Как-то не заметил, что почти сам ее и съел. Это меня смутило, и я как бы в оправдание выдал:

– Пап, мама сейчас поехала на Изоляторный земляка нашего искать, чтобы временную прописку оформить.

– Хорошо...

– Потом она будет устраиваться сюда санитаркой, – продолжил я «выдавать семейные тайны».

– О, как! Не ожидал...

– Мама говорит: пока отец на ноги не станет, мы не уедем. Это ей наш поп так сказал.

– Ваш поп? Что, в Лесостепном есть церковь?

– Да, пап, есть... Ее уже почти построили. – Я хотел рассказать, как мы с рыжим Дениской помогали на церкви, но потом сдержался, только добавил: – Служба пока идет в подвале. А поп, то есть батюшка Артемий, в горячих точках был.

– А что это мать такая боговерующая стала?

– Вот придет, спросишь у нее сам. А эта твоя Жанка когда к тебе приходит? Неохота, чтобы они здесь пересекались...

– Да я понимаю. Как-нибудь решим, – вздохнул отец и добавил: – Наверное, в ближайшее время не придет. Уедет она из Перми, пока все не утрясется.

Что должно утрястись, мы с мамой подробностей не знали. Точно была авария, вроде на отца навесили разбитую иномарку, потому что он был выпивший за рулем. Ладно, еще будет время вникнуть.

– Пап, а ты знаешь, что тебе в нашем бывшем колхозе положен земельный пай?

– В каком колхозе, Лесостепновском?

– Да. Маме вчера теть Галя прислала по электронке письмо: всем бывшим колхозникам или членам их семей положены земельные паи. Ну, кто сколько лет в колхозе проработал.

– Серьезно? Так я там год всего был, еще до женитьбы.

– Ну, значит, небольшой участок. А вот мама за моего дедушку Кирилла получит большой пай.

– Это как же?

– Новый губернатор так сказал: земля тем, кто на ней работал. Наши поселковые мужики за землю судились вот и отсудили. Сейчас председатель колхоза, точнее, кооператива – дядька Мишка зоотехник.

– Ну, помню такого...

– Мама придет, подробнее расскажет, если что.

– А она сегодня обещала?

– Не знаю... Если уладит с временной пропиской.

Пауза затянулась. Отец снова задумался о чем-то. О своем земельном пае? О маме моей? О чужой разбитой машине? Не знаю. Но в мыслях он точно – не со мной.

– Пап, ну я пошел. Мне сегодня в вечернюю школу.

– Давай, сын. В новом коллективе заяви о себе.

Спускался я на первый этаж уже не на лифте. Нафиг надо, там сегодня дедка-покойника везли. Я не боюсь, но все-таки...

9. Шок – Ленка беременна! Все остальное – мелочи жизни

В вечерку идти не хотелось. Что там меня ждет? Может, в этой школе учатся одни бандюки типа Амбала. Тетя Галя говорила же, что половина Перми – зэки, половина – менты. А батя советует: заяви о себе! Легко сказать.

Надо симку вставить. Разослать номера Дениске, Маришке, может, Звездной Звезде. Еще кому? Ну, классной моей бывшей... Хотя зачем? Вот сегодня с новой классной придется общаться. Что она за птица? Жена доктора – будет лечить мне мозги склонениями-спряжениями, суффиксами-префиксами. А может, новая классная про «меню подростка» будет пургу мести? Невовремя захотелось есть. Блин, я же недавно у отца перекусил. Что ли сквозануть – не пойти в школу?

Зазвонил мой телефон.

– Да, мам.

– Кирилл, жду возле вечерней школы. Ты сейчас где?

– На «Титанике»! – автобус как раз ехал по плотине КамГЭС, и я попытался острить.

– Не морочь голову, конкретно – где?

– Ну, через КамГЭС переезжаем, – пояснил я и понял, что днем гидростанция на океанский лайнер никак не похожа.

– Жду у школы, «Титаник» доморощенный.

Ну, понятно. Сегодня не удастся соскользнуть. Придется тащиться в школу.

Пока ехал, пришла эсэмэска от рыжего Дениски: «Привет, Кир. У меня все нормалек. Амбала участковый закрыл. Говорят, Ленка от него беременная. Как ты? Пока».

Ну, дела! Я сидел и переваривал. Потом написал Дениске: «У меня все пучком. Про Амбала и Ленку – это точно? Может, сплетни?»

Дениска ответил: «По ходу не сплетни. Ее Завмаг увез куда-то».

Чуть не прозевал свою остановку – все думал о Звездной Звезде: ревновал, злился, жалел. Ленка беременная – как там классная отреагировала, да и вообще вся школа? Маришка что-то молчит, не пишет...

Я выскочил из автобуса, огляделся. Помню, надо идти через березовую рощу. Там прикольные мостики – разноцветные. И памятники интересные. О, этого я узнал – Ванька Жуков, который писал «На деревню дедушке».

Вспомнил своего дедушку – Кирилла, которого при жизни не видел, и почему-то того деда, что сегодня ночью умер в палате у отца. К чему это? В парке так красиво, а тут – мысли про мертвых. Ну и про Ленку с Амбалом.

Среди этих мыслей – резкий звонок от мамы:

– Ты где, Кирилл!

– Я подхожу к школе, в парке.

– А ты в какую школу лыжи навострил средь бела дня? – вдруг возникли рядом два местных пацана. Ростом пониже меня, но оба плотные. Видно, мои ровесники.

Я успел выключить телефон и немного растерянно сказал:

– В вечернюю... А что?

– Ты, видать, неместный. Говор какой-то.

– Я из неоднозначного региона, – так им и сказал, потому что здесь наши края так называют.

– Откуда-откуда? Ты че гоняешь?

– Отвечаю, – как можно убедительнее сказал я, прижавшись спиной к дереву, чтобы сзади никто не смог напасть, если вдруг чего.

– Что у тебя за мобила?

– Нокия, кнопочная.

– Отстой.

Мне пришлось согласиться.

– Закурить есть?

– Нет, я не курю уже два дня.

– Бросил?

– Нечего... То в поезде – с мамашей, то тут – без копейки.

– А ты за копейки чего это вдруг? Думаешь, будем тебя потрошить?

– Нет, не думаю.

– А зря! – оба засмеялись. – Ну ладно, пошли в вечерку. Мы тоже туда.

– Пошли, – согласился я, чувствуя однако какой-то подвох.

– А зачем в Пермь приехал?

– Отец в аварию попал, сейчас лежит в больнице весь переломанный, не встает.

– Точно?

– Отвечаю! – снова сказал я убедительно.

– Ну, ты не мохай. Мы детей не обижаем и заморышей тоже.

«Заморыша» мне пришлось проглотить, а что возражать, если – правда.

– Только малолеток отучаем курить, – уточнил другой пацан. – Мы из клуба бокса, за здоровый образ жизни. А ты, вижу, боксом не занимаешься. Вот, физиономия вся покоцанная.

– С такой раскраской советуем здесь не ходить. Пацанята мелкие приметят, подумают – легкая добыча и стаей отметелят.

– Боксом нет, не занимаюсь, – ответил я почти обреченно. Не рассказывать же им про нашего Амбала или что я в кусты свалился с больничного забора. Засмеют. Эх, как я пожалел, что не занимаюсь дзюдо. У нас как-то в Лесостепном открылась секция. Прямо в общежитском подвале. Мама меня туда записала, даже кимоно по дикой цене купила. Но секцию разогнали, из кимоно я давно вырос. Как хотелось мне соврать, что занимаюсь дзюдо, но язык не повернулся.

– А ты точно из тех краев? Как ты говоришь: неоднозначный регион?

– Да точно. Могу паспорт показать.

– А там на русском языке написано?

– Конечно!

– А ну дай посмотреть.

Оба юных боксера внимательно изучали мой паспорт, шевелили губами.

– Кирилл, значит? Ха, я тоже Кирилл, – довольно сказал один парнишка. – А это Славик. У него уже третий разряд, юношеский.

Разрядник, между тем, задался вопросом:

– А ты что такой белобрысый? У нас мигранты все чернявые.

– Так у мамки с папкой получилось, – весело сказал я, и все засмеялись. Я понял, что они меня приняли за своего.

– Ты тут надолго?

– Как получится.

– Если что, приходи в наш клуб. Ты хоть и тощий, но у тебя длинные руки. Это преимущество у боксера, – констатировал разрядник Славик и сделал имитацию ударов, неизменно останавливаясь в сантиметре от моей челюсти. Я невольно отшатнулся.

– Не смейте его трогать, не смейте! – раздалось пронзительное. – Я вам глотки перегрызу!

– О, смотри, какая-то девка бежит, как угорелая, – показал мой тезка на мечущуюся в конце аллеи фигурку.

– Не понял... Это не девка, а моя матушка, – удивился я и крикнул ей: – Мам, все нормально!

Мне было неудобняк перед новыми товарищами. Тем временем мать почти добежала до нас, споткнулась и... упала. Я бросился к ней.

– Мам, ты как?

– Господи, что они с тобой сделали...

– Тетенька, извините. Это мы в шутку, – Славик вместе со мной помог матери встать.

– Мам, это нормальные пацаны, – успокаивал я плачущую мать. – Они местные, тоже в вечерке учатся...

– Да, мы нормальные, – подключился мой тезка Кирилл. – Мы за здоровый образ жизни.

Мама не вполне верила моим новым знакомым, всхлипывала, озиралась и была готова вцепиться в горло любому. Я ее еще такой не видел.

– Ну, мы пошли, – виновато сказал мой тезка.

– Пока.

Боксеры удалились по аллее. Я остался со всхлипывающей матерью и мыслями о беременной Ленке и Амбале.

10. Отец снова подсел на пиво, но мы батю вытащим!

Мама вытерла слезы, стала приводить себя в порядок. Мне надо было в вечерку, но как оставить мать в таком состоянии? Вдруг она сказала:

– Так, сегодня в школу не пойдешь. Не известно, что у них на уме, – кивнула мама в сторону уходивших знакомцев.

– Да ладно, мам... Они нормальные пацаны.

– Может быть. Но ты ж не хочешь в школу? – не дожидаясь ответа, сказала: – Сейчас поедем в больницу.

– К отцу? – с радостью спросил я.

– И к нему зайдем. Надо с моей работой что-то решить, – пояснила она и добавила: – С пропиской все нормально. Этот начальник мебельного цеха, наш земляк, отличным парнем оказался. Без проблем зарегистрирует. У него есть свободная комната в том общежитии, где мы остановились. Дал месяц пожить бесплатно.

– Классно! – сказал я. Но мысли мои были о Ленке с Амбалом: неужели правда? Может, сплетни? Потом мои мысли самостоятельно, может, в знак протеста, переключились на Маленькую Эротику. Точнее, я думал о консультанте салона связи Ксении, которая была поразительно похожа на Маленькую Эротику из нашего вагона. Блин, я уже запутался в этих девчонках...

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики...

Ехали молча. Прогудел мой телефон – приземлилась эсэмэска от Маришки: «Привет, Кир. Как ты? Твои орехи высадили в палисадник. Привет т. Ирине. У нас все нормально». Про Звездную Звезду и Амбала – ни слова.

Что написать Маришке, которая, можно сказать, застукала меня на мыслях о Маленькой Эро-

тике и Ксении из салона? С того времени, как мы уехали из Лесостепного, прошло пять дней: три в поезде, два здесь.

Много чего произошло, но мне ничего героического совершить не удалось. Ну, синяк почти сошел. Что еще? Один раз в вагоне бутылкой спутника Маленькой Эротики чуть не звезданул, опять же бутылку запустил в закрытую дверь, отпугнув хозяина комнаты Ваську, потом швырнул судно в Жанку. Вообще позорище. Это, если честно, я все от страха и злости. Да и сегодня сдрейфил, когда подкатили боксеры. М-да... Где моя смелость в виде орла? Короче, Маришке писать нечего. Не спросишь же, за что закрыли Амбала? Может, из-за «лирики» или все-таки из-за Звездной Звезды? Написал: «Привет, Маришка. Все нормально».

– Сын, приехали!

Мы пошли в медсанчасть. На проходной стоял знакомый по первому посещению охранник в черном. Что это он постоянно дежурит?

– К бате? – спросил супермен, записывая что-то в журнале.

– Да!

– Ну как он там?

– Идет на поправку! – бодро ответила мама. Меня несколько удивил ее настрой. – Вы что-то часто дежурите?

– Отгулы зарабатываю. Надо тоже к бате в Соликамск съездить.

– А у нас там земляк живет. Денискин дедушка...

– Ну, понятно, – сказал охранник неопределенно.

Я потащил маму через вестибюль на первом этаже к служебному лифту. Мне взбредало в голову испытать себя на смелость – утром в этом лифте спускали деда-покойника из отцовой палаты. Маме об этом, конечно, не сказал.

Мать извлекла из пакета халаты и бахилы.

– Все свое ношу с собой! – довольная, сказала она. – Сейчас у нас с тобой такой период – надо быть готовым ко всему.

Да, про маму это можно сказать. Например, сегодня она была готова перегрызть глотку боксерам. С такими мыслями я нажал на кнопку вызова служебного лифта. Я тоже был готов, допустим, увидеть очередного покойника. Но вдруг сейчас... отца мертвого вывезут на носилках? Эта дикая мысль заставила меня скукожиться до состояния самого заморенного заморыша. В это время дверь лифта распахнулась. Нам навстречу шагнул Виктор Ильич – папин лечащий врач и муж моей классной из вечерки.

– Что за делегация? – удивился доктор.

– Мы к вам, Виктор Ильич, – бодро сказала мама и уточнила: – Насчет трудоустройства.

– Отлично. Подождите меня здесь.

Доктор пошел по свои делам, мы ждали. Лифт был открыт.

– Мам, я к отцу. Хорошо?

– Давай.

Я шагнул в лифт, шкурой ощутил недавнее присутствие покойника. Когда дверь захлопнулась, по спине пробежал холодок. Не успел я обвинить себя в трусости, как лифт остановился на третьем этаже, дверь распахнулась. Неведомая сила меня вытолкнула вон!

Коридор был пустой, дверь палаты закрытая. Хоть бы Жанки не было, подумал я. Однако решительно распахнул дверь палаты, готовый столкнуться с ней. Папкиной женки не было.

Отец, кажется, спал. Я подошел поближе. Он медленно повернул голову и посмотрел на меня каким-то блуждающим взглядом, кривенько улыбнулся:

– А, сынок. Я тут немного расслабился, – сказал он заплетающимся языком. – Так пива захотелось, – он как-то неестественно закинул плеть руки и достал из-под кровати бутылку.

Отец несколько раз жадно отхлебнул, отдал мне уже пустую тару:

– Вынеси, чтоб никто не видел.

– Хорошо, пап, – я хотел сказать ему, что ему пить нельзя, но язык не повернулся. – А где взял пива?

– Да какая разница. – Он прикрыл глаза и тут же признался: – Жанна забегала, гостинец принесла.

Меня злило, что эта стерва спаивает отца.

– Да ты не дуйся, сынок... Это я ее попросил. Она сегодня уехала из Перми.

– Пап, тебе же нельзя пить, ты и так слабый. Сейчас врач придет, скандал будет.

– Сын, боль меня замучила, вот немного заглушил. Таблетки уже не помогают.

Я подумал, может, отцу купить «лирику»? Это же от боли, ее, может, здесь без рецептов дают? Только наркомы «лирику» приспособили для своих нужд.

Про «лирику» отцу я, естественно, не сказал. В это время распахнулась дверь, на пороге стояла мама.

– Привет, – бодренько сказала она, держа в руках поднос с больничной едой. Оказывается, мать встретила в коридоре санитарку с папиным ужином. Мама, как мне показалось, принюхалась:

– А кто здесь из нас троих пил пиво?

Я был готов взять вину на себя, но не понадобилась. Мама сказала:

– Костя, ты решил расслабиться? Ну, ладно...

– Ира, это последний раз, – виновато сказал отец.

– Знаю, как всегда, последний раз.

– Мам, он больше не будет.

– Детский сад, – с укоризной сказала мать и распахнула окна. – Пусть хоть проветрится... Так, сейчас мы тебя покормим, Константин.

Она реально кормила отца из ложки и говорила строго:

– Костя, мы с твоим сыном приехали не для того, чтобы пивные бутылки выносить. Ты должен взять себя в руки.

– Да, согласен.

– Твоего согласия мало, надо напрячься. Нашему сыну нужен здоровый отец. Вдруг со мной что-то случится? Твоему сыну что, в детдом идти?

Отец, кажется, окончательно протрезвел и слушал озабоченно.

– С завтрашнего дня я здесь работаю санитаркой. Мы тебя поставим на ноги, но и ты не должен раскисать.

У меня было радостно на душе. Я был готов помогать маме: обтирать отца влажным полотенцем, выносить судно. Это не позорно – он же мой родной папка. Мы должны вытащить батю. Да я и сам должен помочь матери заработать копейку. Она же не зря меня кормильцем называла.

ГЛАВА VI

1. Мама первый день на работе, я – первый день в школе

Мы перебрались в комнату Владимира Сергеевича, нашего земляка-мебельщика. Мать пошла работать санитаркой в медсанчасть. Две суток по двенадцать часов, двое суток – дома.

Свой первый рабочий день она начала с уборки не в палате у отца. Все должно быть по очереди. На этаже 20 палат, надо помыть полы во всех да еще в коридоре. К отцу решили пока не заходить – сначала работа. Я маме, конечно, помогал – носил ей ведра с водой. Мне, честно говоря, было не по кайфу – пацан занимается мытьем полов. В палатах, где мама убирала, к моему присутствию отнеслись спокойно. Точнее не обратили внимания. Только одна бабулька сказала: «Молодец, мальчик. Маме помогает». Мне еще больше стало не по себе, к тому же – какой я мальчик? У меня рост метр восемьдесят. Мама правильно поняла мое смущение и сказала:

– Константинович, не царское это дело – полы мыть. Оставь, я сама.

– Я не полы мою, а тебе помогаю. Чувствуешь разницу?

– Чувствую, – улыбнется мама.

Мы, как сговорившись, не заводили речи об отце. Но работа шла своим чередом и приближала нас к его палате.

– Ну, вот и батя твой, – нарочито торжественно сказала мама.

Я почему-то разволновался и оттягивал очередную встречу с отцом. Главное, чтоб он опять не напился. Может, Жанка и не уехала из Перми и снова принесла ему бухла, то есть пива, а может, что покрепче.

Я первым шагнул в палату:

– Привет, пап!

– О, кого я вижу! – сказал батя бодро и, как мне показалось, с нежностью посмотрел на маму.

– Пока я буду убирать, ты покорми отца, – распорядилась мать.

К папиной казенной каше прибавились орехи, которые мы с мамой еще вечером накололи. Некстати вспомнился дядька Мишка – он же эти орехи и мед передал для отца.

Мама быстро управилась с работой:

– У меня – все! Влажная уборка завершена, – как бы доложила она больному и улыбнулась. – Ну, я пошла. Мне другие палаты мыть. Кирилка, ты тоже не задерживайся, тебе – в школу.

Я вдруг понял, что с отцом мне не о чем говорить. Чтобы заполнить паузу, я предложил делать бате зарядку. Стал потихоньку разминать ему стопу, свободную от гипса. Потом начал сгибать и разгибать его руки, которые были будто плети. Мне очень хотелось, чтобы у него уже нарастала мускулатура.

– Сынок, ты не опоздаешь в школу? – спросил отец.

– Да, пап, мне пора, – сказал я с некоторым облегчением. – До завтра! Мама к тебе еще зайдет.

Я благополучно добрался до вечерней школы. Нашел Людмилу Васильевну:

– Здравствуйте, я пришел.

– Вот и славно, – сказала она.

Я невольно сравнил ее с нашей классной, из Лесостепновской школы. Конечно, Людмила Васильевна была милее и симпатичнее. Но тут я себя поймал на очередном предательстве: Наталья Анатольевна все сделала, чтобы меня отправить к отцу, а я как бы от нее отрекся в пользу городской Людмилы Васильевны.

– Так, куда тебя посадим? – Она обвела взглядом класс, где сидели человек пятнадцать учеников – разномастная компашка. На последней парте, пряталась от учительских глаз упитанная девица, явно старше четырнадцати лет.

– Кирилл, у тебя рост соответствующий, ты прекрасно будешь смотреться рядом с Валей.

– Привет, – я присел возле девицы.

– Что ты вытаращился? – прошипела соседка по парте. – Беременная я. Еще вопросы есть?

– А у меня их и не было, – стушевался я от такого приема и от самого факта беременности моей соседки.

– Вот и правильно, а то скажу, что ребенок от тебя, тогда попляшешь, – прошипела она угрожающе. – Знаешь, что за изнасилование бывает?

– Знаю... Но я тут при чем? – Честно говоря, не рассчитывал на такой прием. Знал, что тут всякой братии насобирали, но чтобы вот так – изнасилование и все такое... Я вспомнил про Звездную Звезду и Амбала, там какая-то непонятка с Ленкиной беременностью.

– Валя, вы уже познакомились с Кириллом? Вот и славненько, – обратилась в нашу сторону Людмила Васильевна. – Да, все собрались? Я вам сейчас представлю вашего одноклассника.

Я встал.

– Это Кирилл, он буквально три дня назад приехал к нам в Пермь из неоднозначного региона. Папа его после аварии в медсанчасти лежит. Прошу любить и жаловать.

Я сел и исподволь начал рассматривать Валю, ее внешние признаки беременности. При этом меня не покидала мысль о Звездной Звезде. Неужели правда, что она залетела от Амбала? Действительно ли его закрыли? М-да...

Людмила Васильевна артистично рассказывала о проблемах нравственной памяти в каком-то там рассказе. Я, если честно, ни фига не старался вникнуть. У меня своя «нравственная память»: вот Ленка – как она там, беременная? Кошмар, Завмаг, наверное, ее со свету сживет! Про Маришку у меня «нравственная память»: пишет эсэмэски только про орехи, а может, она в меня влюбилась? Но мне теперь нравится консультант Ксения, которая похожа на Маленькую Эротику. Но и Ленку беременную жалко. Блин, с этими бабами я запутался!

А что там рыжий Дениска? Как бы в мое отсутствие у них с Ма-

ришкой любовь-морковь не случилась, подумал я с ревностью. Может, у Дениски спросить про адрес его деда из Соликамска? Земляк все-таки.

Зазвенел звонок, все высыпали в коридор, я тоже. Подошел первым к пацанам, хотя мне это стоило усилий. Я приказал себе не показывать свою несмелость перед ними. Пацану быть трусом нельзя никак.

Познакомились, тут же подошли боксеры – мой тезка Кирилл и разрядник Славик. Оказывается, они учились в 9-м классе – на год старше.

– О, какие люди и без охраны!

– Ну что, приколола тебя Валюха?

– В каком смысле?

– Ну, она, видишь, толстая. Каждому пацану говорит, что от него беременная.

– А, ну да, – признался я. – Еще и за изнасилование грозилась.

– Ха-ха-ха, – ржали пацаны. – Оба-на, не успел приехать, сразу папашей стал!

– А ты, правда, из неоднозначного региона?

– Он однозначный, – это боксер Славик сказал свое слово. – Мы вчера даже паспорт смотрели у него. Все по-русски написано.

Короче, первое знакомство состоялось, угрозы я не увидел. Мне повезло, что вчера задружил с боксерами. Правда, пришлось в качестве вступительного взноса купить на все деньги чипсов. Новые однокашники остались довольны.

После уроков, которые заканчивались в восемь вечера, вспомнил, что у меня на проезд денег не осталось.

– Пацаны, кто займет на билет?

Дружно скинулись по мелочи. Оказалось, даже больше чем на проезд. Я отправился сразу к отцу в больницу.

2. У мамы и отца – «вечер воспоминаний»

А в это время мама и отец вспоминали лучшие дни своей совместной жизни. Их оказалось не так много, как хотелось. Но вышло, что самыми счастливыми были: день их свадьбы и день моего рождения.

– Костя, скоро мы с сыном уедем, прошу тебя, уделяй ему внимание, пока есть время. Сколько можешь.

– Иринка, я понимаю... Держать вас не могу, – виновато улыбнулся отец. – Я и в молодости не смог тебя удержать, не смог дать того, что ты заслужила. А сейчас тем более: ни здоровья, ни кола, ни двора... Последний участок с дачей отожмут, козлы.

– Да дело не в этом, есть ли у тебя за душой что-то или нет. Сын, знаешь, как переживает за тебя! Ведь он сам хотел к тебе через полстраны ехать – автостопом.

– Перед сыном я виноват. У него сердце слишком доброе. Трудно ему будет в жизни...

– Да, он мягкосердечный... Это, наверное, плохо. Таких считают бесхарактерными, – вздохнула мать. – Ты же помнишь, он у нас кесаренок. Галина, подружка моя из амбулатории говорила, что кесарята не приспособлены к преодолению трудностей.

– То, что он кесаренок, я, конечно, помню... За тебя тогда я сильно переживал, веришь?

– Хотелось бы верить, – вздохнула мать. – Как он на тебя похож, наш Кирилка... Не только внешне. Твой характер, твои движения, даже в голосе твои интонации.

– Да, сын – мой. Он на меня похож не только худобой...

– Думаю, твои родственники, когда увидят Кирилла, признают, что он с ними одной крови, – грустно улыбнулась мама.

Отец промолчал, только положил свою руку на мамину, она осторожно высвободила свою.

– Знаешь, Костя, еще раз тебя прошу: за это время постарайся дать ему хоть что-то, что не смог в свое время. Главное, сам не раскисай. Прояви характер.

– Ты собираешься выходить замуж?

– Костя, мы от главной темы отошли. У нас есть общий сын, но у каждого – своя жизнь. Прошло ведь больше десяти лет...

– Я понял. Ты выходишь замуж за этого, как его... Зоотехником работал еще на ферме.

– Михаил...

– Да, Михаил. Я знаю, ну, желаю счастья. Тем более, он теперь у вас председатель.

– Стоп! Ты сейчас о чем? Кто тебе это сказал?

– Это он по всему Лесостепному говорит. Мне вчера звонил Артем. Он рассказал.

– Какая самоуверенность... Ну, председатель, ну, великий начальник, – хмурилась мама. – А Завмагу зачем надо было все это распространять? Зачем вы, мужчины, всякую фигню перемалываете? У него что, своих проблем нет?

– Да Артем нормальный мужик. Просто предупредил потоварищески, – отец попробовал защитить Завмага. – Он, кстати, меня звал обратно. Станцию техобслуживания открывает, нужен мастер.

– Подумай... Может, и правда вернешься. У тебя золотые руки.

– Надо оклематься, там будет видно...

– Вот именно. Пока нужно тебя вытаскивать. Я и батюшке из нашей церкви слово дала, и перед сыном у меня есть обязательства вытащить тебя. А тему моего замужества закрыли. Я же не говорю о твоей жене...

– Ну, какая она мне жена?

– Не знаю какая, но скандалы закатывает как самая законная.

– Ну, ладно, тоже проехали... Вы уже перебрались на новую квартиру?

– Да, я же говорила.

– Там отвертки не найдется?

– Отвертки? Зачем? – удивилась мама.

– Отремонтировать надо розетку.

– Ну, здесь же есть дежурный электрик. Давай, скажу заведующему?

– Да нет, хочу вместе с сыном отремонтировать розетку. Я буду говорить как, а он делать.

– Ну, ты слишком буквально отцовское воспитание понимаешь. Там ток, опасно...

– Да что ты! Мы же обесточим.

В это время в палату вошел я.

– Всем привет!

– Сын, здоров! – Отец приподнялся на локтях, попытался про-

тянуть мне руку, но как-то неловко откинулся на подушку. Но мы все-таки пожали друг другу руки. Я почувствовал, что отец хоть и слабый еще, но о нем уже можно сказать, как и прежде: худой, но жилистый.

– Как дела в школе?

– Нормально, – почти небрежно бросил я, хотя хотелось рассказать отцу (без мамы) о том, что задружил с боксерами. Но, конечно, не о ложной беременности новой одноклассницы Вали. Опять вспомнил по Звездную Звезду Ленку – ей сейчас несладко. Если, конечно, правда, что она залетела. Может, позвонить? Хотя, конечно, не при родителях.

– Ну, вы тут поговорите, а я пошла дежурство сдавать, – сказала мама и вышла из палаты.

– Пап, как твои старые кости? – попытался я пошутить.

– Нормально, – уверенно ответил мне отец. И я понял по тону, что у него действительно дела идут на поправку. Мы молчали. Вот так всегда, я заметил, когда есть, о чем поговорить с отцом, кто-то присутствует, например, мама. Когда остаемся наедине, вроде не о чем говорить. Вот мы и молчали. Я решил заполнить паузу:

– Пап, а что ты маме говорил про розетку?

– Ты слышал, что ли? Да починить надо бы, а я вот, сам понимаешь, не могу.

– Давай! А что для этого надо?

– Ну, сначала отключить щиток энергоснабжения. Нужно с дежурным электриком договориться. Это надо делать днем. Давай завтра, а то ведь придется отключать свет.

Я вкратце рассказал отцу о новых школьных товарищах, немного изобразив из себя крутыша. Отец слушал внимательно.

– Это хорошо, что ты задружил с пацанами и сразу заявил о себе.

– Конечно, – согласился я и предложил сделать бате зарядку.

– С удовольствием! – согласился отец.

Мы долго манипулировали с его доступными суставами. Устали оба.

Мама зашла за мной и с улыбкой сказала:

– О, размахались крыльями!..

– Пошли на взлет, – попытался пошутить отец.

– Ну, и мы, Кирилка, наверное, пойдем на взлет? Вечер воспоминаний завершен, – грустно улыбнулась она.

– До завтра? – спросил отец.

– Завтра не моя смена, – сказала мама. – Кирилл сам придет. А я, наверное, какую-то подработку поищу.

– Ну, пока, пап, Я обязательно буду...

3. Отцовское воспитание: меня долбануло током, я ждал сверхспособностей

На следующий день я пришел в медсанчасть с утра. Сделали упражнения с папиными тугоподвижными суставами. Потом разработали план ремонта розетки. Дело нехитрое, но я побаивался – мне не приходилось иметь дело с током.

Сбегал к больничному гаражу, где располагался электроучасток, объяснил дежурному электрику, что надо. Он, удивительно похожий на грузчика дядьку Сергея из Лесостепного, согласился пойти к бате в палату. (Я уже который раз ловил себя на мысли, что здесь встречаются люди, очень похожие на наших, лесостепновских. Или я сам себе это придумывал?) Короче, пошли с электриком, похожим на грузчика, в палату к бате.

Отец попросил отремонтировать розетку.

– Главное, чтобы сын своими руками это сделал, понимаешь?

– Понимаю, – сказал электрик. – Я, например, своих пацанов гоняю по дому. Они что-то должны делать своими руками, ну и уважать отцовский труд.

– Вот и мой сын хочет сам починить розетку, – батя глянул на меня.

– Ясно. Но по технике безопасности положено отключить электричество. А это целая канитель. Сейчас процедуры и все такое, – электрик с шумом водрузил на прикроватную тумбочку свой «ядерный чемоданчик». – Это надо писать заявку, согласовывать с замом главврача...

– Я понял. С тобой каши не сваришь.

– Кашу, может, и сваришь, только пустая ложка горло дерет.

– Конкретно говори, мужик.

– По пивасику...

– Вопрос решаемый, – сказал отец. – Открой тумбочку, подними дно.

Электрик поднял фанерку на дне тумбочки. Там лежала целая батарея пивных бутылок.

– О-о-о!.. – воодушевился электрик. – Правильный ход. – Он ловко извлек из тайника один пивасик.

– Постой, мужик... Сначала дела сделаем.

Мы встретились с отцом взглядами: откуда дровишки? Он ответил на мой немой вопрос:

– Это с прошлого раза осталось, когда Жанна приносила.

– Так! Мое дело давать команды, – заявил электрик, – а твой короед будет все исполнять. Так?

– Ну, так, но мой сын не короед...

– Как же, не короед! В школу денежку дай, на чипсы – дай, на телефон – дай. А потом скутер захочет, а потом – девки. Что, твой, скажешь, не такой? Все они, пацаны, одинаковые.

– Мужик, мы сейчас не о том говорим, – мрачно ответил отец, вдруг, как мне показалось, устыдившийся, что он как раз «денежку» не давал мне ни в школу, ни на чипсы, ни на телефон. – Короче, если хочешь помочь, давай. Нет, значит, нет.

– Так! – торжественно сказал электрик. – Работаем под напряжением. Сам понимаешь, я отключить целый этаж не могу. Гарантирую, все будет нормаль! – Он распахнул свой «ядерный чемоданчик», сунул мне отвертку:

– Откручивай болтик, снимай крышку.

Я вспомнил почему-то Завмаговское «решил – действуй» и с волнением открутил крышку. Внутри, мне показалось, был клубок змеенышей, а не провода. Микрофильм фэнтези...

– Дай, гляну, – отодвинул меня электрик. – М-да... Просто нет контакта. Видишь, провод подгорел, изоляция оплавилась.

Глотнув пива, скомандовал:

– Откручивай распирающие лапки...

– Чего? – я про лапки не понял.

– Там болтики, сынок, держат распорки, – подсказывал отец.

– Смелее! – подбодрил электрик.

Я волновался, аж пальцы онемели, но болтики поддались.

– Откручивай силовые контакты, – дал указания электрик. – Освобождай провод.

Я напрягся, из-под отвертки высунулось алюминиевое жало.

– Молодец, Кирилл, – подбодрил отец.

– Пошел второй, – давал команду электрик.

Я смело приступил к другому болту, чтобы освободить силовой контакт. С удовлетворением отметил про себя, что думаю уже на «электрическим языке». Тут отвертка соскочила внутрь розетки, туда, где клубились змееныши проводов. Сноп искр! Страшный треск!.. Меня так долбануло током, что я отлетел, опрокинув спиной папину тумбочку с пивным тайником.

– Сын!.. – заорал отец, дернулся и свалился с кровати, повиснув загипсованной ногой на растяжном механизме. – А-а-а...

У меня перед глазами плыли круги. Сквозь радужную сетку увидел отца, который корячился на «виселице», но я не мог пошевелиться. Электрик, придурок, стал спешно собирать раскатившиеся по палате «пивасики». На шум сбежалось все отделение. Первой возле меня оказалась медсестра Катя, которая мне тайно нравилась. Она была испугана и еще красивее прежнего. Даже красивее Звездной Звезды.

– Что с тобой? – она поддержала мою голову своими теплыми ладошками, нежно провела по щекам. Мы встретились взглядами, потом мои глаза опустились к скромному вырезу халата, где колыхнулась очень даже немаленькая эротика, я невольно положил руку на торчащее передо мной ее колено и... потерял сознание. Это произошло не от удара током, а от божественных прикосновений медсестры.

В нос мне шибанул нашатырный спирт, я очнулся. Теперь, к моему разочарованию, надо мной колдовал Виктор Ильич и еще какие-то медсестры. А Катя склонилась над моим отцом. Вместе с электриком, санитаром и еще каким-то врачом они умащивали батю на его распотрошенном ложе, поправляли растяжной механизм. Катя в своих движениях была восхитительна. Я именно такими, непривычными для меня словами думал про нее: «божественна», «восхитительна»!

– Очнулся... Все нормально, – констатировал Виктор Ильич. – Давай, осторожно его на носилки.

Он и еще какая-то медсестра помогли мне приподняться и перевалиться на носилки-каталки.

– Сынок, ты как? – подал голос отец.

– Нормалек. А ты как, пап?

– Все хорошо, – бодрился отец.

Мне, однако, было фигово. Хотя ныл у меня только палец, куда ударило током. Меня не тошнило, голова не болела, но было фигово. Во-первых, отец, наверное, покалечился, во-вторых, мама еще не знает о происшествии. И потом, эти бутылки с пивом... И медсестра Катя не появляется. И Звездная Звезда Ленка беременна от Амбала. И Ксения из салона сотовой связи, которая похожа на Маленькую Эротику, вообще ко мне не имеет отношения. И Маришка не пишет Эсэмэски, и Денис молчит. Все – в кучу! Я чувствовал себя конченым заморышем.

Но хорошо вот что: врач Виктор Ильич, когда меня несли в палату, сказал:

– У многих людей после удара током открываются сверхспособности.

Через какое время, интересно? Надо ждать. С этой мыслью, а также с удовлетворением, что не надо идти в школу, я уснул. И снился мне все тот же сон: я взбираюсь по лестнице без перил – на балкон, где теперь стоит медсестра Катя. А внизу отец и мать – обнявшись, и я, маленький.

Сон прервала мама:

– Кирилка, ты спишь?

– Уже нет.

– Господи, горюшко ты мое, – заплакала она. – И этот взрослый дурень нашел время для отцовского воспитания.

– Мам, не плачь. Врач сказал, что у меня откроются сверхспособности.

4. Я влюбился в медсестру Катю и совершил еще один подвиг Геракла – с газонокосилкой

Случай с коротким замыканием и с пивными бутылками, но без жертв быстро замяли. Кому нужен лишний шум? Все живы-здоровы, даже батины срастающиеся кости не нарушились. Злополучную розетку вообще обесточили.

Я худо-бедно закончил учебу в вечерней школе – без применения сверхспособностей. Они, эти способности, которые у многих проявляются после удара током, у меня пока не открылись. Но я надеялся на них и возобновил мечту стать офицером. В Перми, на Гайве есть военный институт, там со всей страны учатся. Почему бы и мне не поступить туда?

Этой заветной мечте не мешало то, что я каждый день бывал у бати. Мы с ним продолжали разрабатывать его тугоподвижные суставы. Отцовское тело вроде бы восстанавливалось.

Врач Виктор Ильич показал еще специальные упражнения, полезные отцу. Конечно, мама нас поддерживала не только своим присутствием. А еще нам помогала со всякими физиотерапевтическими процедурами медсестра Катя.

Если честно, после удара током я в нее влюбился окончательно – какая-то химия мне в голову стукнула вместо сверхспособностей. Ну, старше она на пять лет меня, и что? Понятно, что я спешил в медсанчасть не только к отцу, но и чтобы увидеть ее, Катю. Она чем-то неуловимо напоминала и Маришку из Лесостепного, и Маленькую Эротику, и Ксению из салона связи и даже Звездную Звезду Ленку – дочку Завмага. У меня закрутилось в голове:

Девочки и мальчики,
Дуры и обманщики...

Кстати, Артем Артемович увез Ленку из Лесостепного в областной центр к своим родственникам, чтобы рожала в какой-то частной суперклинике. Это тетя Галя маме писала на электронку. Мать поделилась с отцом – я слышал. Говорят, избавляться от ребенка было поздно. В дело вмешался батюшка Артемий из нашей Троицкой церкви, сказал Завмагу: «Не бери на душу грех детоубийства». Амбала отпустили из ментовки. Это и рыжий Дениска в эсэмэсках писал.

Амбал, впрочем, для меня уже не был авторитетом. Я начал заниматься боксом. У меня отличный размах руки, я легко передвигаюсь по рингу – гиперактивный же! Это мне тренер Иван Иванович сказал. Понятно, я же длинный и худой. Но поскольку у меня дефицит веса, как у папы в свое время, тренер меня определил к мелким, которые на 2 года младше меня. В основном я занимался общефизической подготовкой, работал с грушей. Ну, попробовал с мелкими пацанами на ринге. Честно говоря, напропускал ударов. Губы были как вареники. Но, кажется, я победил страх.

Я стал жестче, потому что помню: с мягким сердцем пацану никак, тем более будущему офицеру! Жесткость я даже к отцу проявил:

– Пап, надо уже вставать!

– Я встану обязательно, – ответил он мне так же твердо.

И он встал, ну, не совсем, конечно. Под присмотром врача Виктора Ильича и с помощью меня и мамы отец взгромождался на инвалидную коляску. Мы ее называли каракатицей. А то «инвалидная коляска» звучит как-то уж совсем тоскливо, по-стариковски. Спускались во двор. Любили тусоваться возле блока вспомогательных служб больницы. Там котельная, гараж, мастерские. Электрик нас привечал.

– Ну, твой короед молодец, все-таки. Помогает отцу, значит, уважает, – говорил он бате про меня.

– Уважает, – с гордостью соглашался отец.

– А мой балбес все боксом занимается, школу забросил. Жена его в вечернюю сдала. Тоже Кирилл зовут.

– Мой тоже в вечерней. Звезд, конечно, не хватает, но восьмой класс закончил. Тоже на бокс записался.

Оказалось, мой тезка Кирилл из школы бокса – это его сын. Ну, нормально!

– Я Кирилла знаю! Это мой друг.

– Друг? – с недоверием посмотрел на меня электрик. – Ну-ну... А пацанам надо не звезды хватать, а руками работать, ну и головой, – важно говорил электрик. – Вот, например, я в электричестве...

– Папа тоже головой работает, будь здоров, – не удержался я.

– Батя твой – да! Знаю, он и механик, и строитель. А вот ты...

– И он научится, – вступился за меня отец.

– А вот в газонокосилке вдвоем разберетесь? – как бы подначивал электрик. Ему завхоз сказал отремонтировать этот нехитрый агрегат, а он, хитрец, хочет, чтобы батя это сделал.

– Легко, – сказал отец. Он же еще в Лесостепном в «Зеленстрое» был спецом по газонокосилкам. Потому я и люблю запах скошенной травы и бензина – с генами впитал.

Короче, целый день мы провозились с газонокосилкой. Отец говорил, что мне делать, я выполнял его советы. Только кажется, что все просто, а на самом деле... Батя пропустил процедуры, я – обед. (Меня, признаюсь, подкармливали на кухне – придумали типа «меню подростка». Мама договорилась, ну чтоб йододефицита не было.)

– Все-таки сделали газонокосилку? Ну, нормально, – одобрил работу электрик. – А теперь надо обкатать машину. Давай, Кирилл!

Это оказалось сложно. Во-первых, газонокосилка, которую надо надевать на себя, как рюкзак, тяжелая. Во-вторых, она меня начала кидать из стороны в сторону, как мелкого. Ну конечно, у меня же дефицит веса. Но я хоть худой, но жилистый. Как батя.

Короче, я приноровился. Мне даже понравилось. Рулишь вроде как дельтапланом, ну или мотоциклом. А после тебя буквально ковер стелется. Тут, в Перми, такая сочная зеленая трава! Вот бы кроликов, например, развести. Я помню, на старом дворе у деда Кирилла и после его смерти стояли пустые клетки. Я туда еще как-то залез, когда был мелким. Потом меня долго искали. Ну, так вот. Как я рулил газонокосилкой, заметил завхоз. Подошел:

– Это ты сын санитарки Ирины?

– Ну да, – настороженно ответил я.

– Хочешь заработать? – Он это сказал прямо с интонациями дядьки Мишки зоотехника из Лесостепного. Вспомнилось же...

– А кто не хочет!

– Можешь прямо сейчас приступать. Тебе, наверное, уже лет 16 стукнуло, паспорт есть?

– Да, есть паспорт, – про возраст я промолчал.

– Мне тоже пришлось пацаном начать работать, – сказал завхоз. – А зачем я буду Среднюю Азию нанимать, если есть свои неоднозначные регионы, – обратился он к электрику и отцу.

– Правильно, начальник, – одобрил электрик. – Пусть пацан работает. Трудотерапия, понимаешь, от раздолбайства хорошо помогает.

Так я начал работать. У меня получалось, я не чувствовал себя заморышем, а скорее наоборот. Мне казалось, мои бицепсы прямо наливаются. Я так хотел, чтобы меня, сильного, видела медсестра Катя. Но ее, к сожалению, не было. Я вспомнил свой трудовой подвиг Геракла – «авгиевы конюшни» у дядь Мишки-зоотехника.

5. Мама уезжает – они с зоотехником решили жениться, я остаюсь с отцом

Новоиспеченный председатель сельхозкооператива «Лесостепновский» Михаил Иванович, как его теперь там... внезапно дал о себе знать.

Зазвонил мой телефон:

– Привет, Кирилл! Это дядь Миша-зоотехник.

– Здрасьте, – удивился я.

– Скажу коротко, Кирилл, без лишних церемоний. Мы с твоей матерью решили сойтись.

– Как сойтись? Пожениться, что ли?

– Сойтись, приглядеться друг к другу, а там, даст бог, поженимся.

– Как это? А как же я, как мой отец?

– Кирилл, ты уже взрослый парень. У отца твоего своя жизнь, он же женат. Жанна у него там что ли?

– Причем тут Жанка? И вообще...– я не знал, что сказать. Вдруг почувствовал себя скукоженным заморышем, обманутым и преданным.

– Мать боится тебе сказать, что мы хотим сойтись, – продолжал дядька Мишка. – Но надо обрезать пуповину. Нельзя тебе все время возле мамкиной юбки.

Про пуповину – это он зря. Скотовод же не знает, что меня она, пуповина, чуть не удушила еще до рождения.

– Это не ваше дело, возле чьей я юбки! Это моя мать!

– Вот-вот... Мать у тебя как собственность. Потому-то она тебе сама и боялась сказать. Ты подумай, сколько матери в одиночку горе мыкать?

– Она же инженер, у нее высшее образование! – у меня не оказалось более веского аргумента.

– Вот и хорошо. Найдется ей работа в кооперативе. Сейчас-то она работает уборщицей.

– Санитаркой, – уточнил я. – Это временно. Пока папа в больнице. Она 1С в бухгалтерии осваивает.

– Бухгалтеры везде нужны. Не будь эгоистом, Кирилл. Ты скоро вырастешь, а мать одна.

– А вам-то что: одна она или нет?

– Кирилл, понимаешь, взрослые люди имеют право на личную жизнь. Она тебя уже вырастила...

– А теперь будет выращивать ваших баранов? Навоз за ними убирать?

– Знаешь, Кирилл, не надо так. Подсобное хозяйство, оно людям помогает выжить. А животные ухода требуют. Все же любят мясо, молоко? А как это достается? Через труд!

– Так вы возьмите себе домработницу или гастарбайтеров наймите. Вы же теперь великий начальник!

– Кирилл, не груби. Председателем меня народ выбрал, я не сам себя назначил. А с матерью твоей мы сами разберемся, кто и что по хозяйству будет делать.

– Как вы все быстро замутили! Ну, это еще неизвестно, что мама скажет!

– Я позвонил, потому что она не решилась бы на это никогда. И что ей там делать, в вашей Перми? Вы оба, ты и твой отец, будете ее эксплуатировать до конца жизни.

– Это вы эксплуататор! То баранов своих эксплуатировали, теперь будете колхозников и мою маму!..

Я отключил зоотехника. Пошел он... Ни фига себе! Они за моей спиной пожениться решили! Это – как предательство. Я взбесился, хотелось плакать. Но пацану плакать – это позорно! Я напряг волю, которая уже не казалась мне бомжом, сдержался.

Появилась мама. Она была в светло-зеленом платье. Из своей юности. На фоне свежескошенной травы мама была просто красивой. Но это меня не сдержало, и я выпалил:

– Мам, как же ты так? Этот зоотехник...

– Он все-таки позвонил тебе... Ну ладно, сын, слушай. Вот как раз и отец подходит.

Батя, высвободившись из коляски-каракатицы, самостоятельно поднялся на костыли и довольно уверенно направился к нам.

– Ну, вот все и собрались, – решительно сказала мама. – Так, мужики...

– Привет! Ты сегодня такая красивая! – сказал с улыбкой отец.

– Спасибо... Жаль, что ты этого мне не говорил в свое время...

– Надеюсь, еще исправлюсь. Какие наши годы!

– Так, ребята, – сдерживая волнение, начала мать: – Я возвращаюсь в Лесостепной.

– Как? – только и смог сказать отец.

– Поездом. Мы же договорились, пока ты на ноги не встанешь, я буду здесь... Но ты уже на ногах, слава Богу.

Отец как-то понуро повис на костылях – это называлось «встать на ноги». Мне было жалко батю и обидно за нас двоих.

– Мам, а я как же?

– Сынок, думаю, тебе надо побыть с отцом. Впереди каникулы. Квартиру я оплатила, денег немного оставлю и буду высылать.

– Ну да, ты теперь будешь богатой председательшей! – Во мне говорила обида, а не разум.

– Сын, а ты жестокий, – тихо произнесла мать. – Я этого не заслужила.

– Мам, извини... Конечно, устраивай свою жизнь. Тебе и с деньгами будет легче. – Я не к месту вспомнил лужу безденежья в стиле фэнтези. Она с детства мне отравляла жизнь, и маме тоже.

– Кирилл, давай по-взрослому... Мать, конечно, имеет право, – сказал осипшим голосом отец и тут же спросил у мамы: – Ирина, когда ты уезжаешь?

– Послезавтра. Костя, тебя завтра уже выписывают. Пока перебирайся к нам на квартиру. Владимир Сергеевич в курсе. Обещал помочь, если что... Да и за Кирилкой присмотрит.

– Не надо за мной присматривать. Обойдусь сам, не маленький уже, – фыркнул я, весь обиженный на мать.

– Ну конечно, ты взрослый, вот и хорошо, – говорила мама тихим виноватым голосом. – Билет я уже купила. Кир, остаешься за старшего, потому что ты здоровый и уже вот сам зарабатываешь. Завхоз мне сказал, что на работу тебя берет.

– Так ты знаешь уже, что я работаю?

– Ну а как ты хотел, чтоб мать не знала. Вот к самостоятельной жизни готов, можно сказать. Пора отпустить тебя, Кирилл Константинович, в самостоятельное плавание – обрезать пуповину...

Что они, сговорились с этим зоотехником? Пуповину обрезать, пуповину... Мать как будто не знает, как я в этой пуповине запутался. Потому и кесаренок, потому – заморыш гиперактивный. Точнее – психический.

– Ты все-таки выходишь замуж за этого... председателя, – с

тоской, но без укора произнес отец.

– Посмотрим... а ты, Константин, не спейся. Потому сына с тобой оставляю. Выздоровеешь, возвращайся к своей Жанне.

– Мы с папкой будем без нее жить, – резко сказал я.

– Если сын будет мешать, отправишь его в Лесостепной, – не глядя на меня, произнесла спокойно мама. – К 1 сентября пусть обязательно вернется.

– Ты же сказала, что я здесь буду учиться. В военный институт готовиться.

– Видишь, Кирилл, обстоятельства меняются... А готовиться в институт везде можно, хоть в Перми, хоть в Лесостепном.

– Я, кажется, всем вам мешаю...– Мне пришлось подавить желание разрыдаться от обиды. Но нет, пацану позорно плакать!

– Кирилка, если б ты знал, как мне больно, сынок... Но это лучше и для тебя, и для отца, – мама сама расплакалась.

– Ладно, не будем разводить сырость. Значит, так надо! – стараясь быть бодрым, сказал отец.

6. Стоп-кран и... продолжение маминой «дурацкой» песни

Вот и все!.. Через день мы провожали маму с вокзала Пермь II. Нас туда отвез на новенькой кредитной «гранте» Владимир Сергеевич. Мы с отцом пока остались пожить в его комнате, может, до сентября. А там у бати решится вопрос с его дачным домиком под Пермью – возле деревни Мошни.

Мама беспрестанно плакала, прижавшись ко мне. Потом, когда проводница попросила поспешить занять места, мать с отцом порывисто обнялись. Батины костыли предательски упали. Я их подобрал и не смотрел на родителей, потому что у меня текли позорные слезы. Меня подбодрил Владимир Сергеевич:

– Ничего, Кир, когда-то надо пуповину обрезать, – он как бы повторил слова матери и зоотехника.

Я снова вспомнил про роль пуповины в моей жизни и ощутил себя полным заморышем. Почему-то подумал о неродившемся брате. Конечно, если бы он родился, мы бы все вместе жили и мама с отцом бы не расходились. Может, не надо было тогда ездить маме на бухгалтерские курсы? В аварию б не попала, брата бы мне сохранила. Или судьба такая?

Владимир Сергеевич поднял в тамбур пару маминых сумок.

Мать последней из пассажиров вошла в вагон.

– Быстрее, девушка, быстрее. Сейчас отправляемся, – нервничала проводница.

Под «Прощание славянки» поезд тронулся. Мы с папкой сиротливо стояли посреди перрона.

– Ну, земляки, поехали домой, – сказал Владимир Сергеевич.

И тут только что тронувшийся поезд, заскрежетал тормозами, содрогнулся всем блинным туловищем, остановился.

– Ого! Кто-то сорвал стоп-кран, – пояснил Владимир Сергеевич.

Дверь в одном из вагонов распахнулась, из нее буквально выпрыгнула... мама. За ней вывалились две сумки. Проводница размашисто жестикулировала и явно ругалась.

Я бросился к маме, отец, насколько позволяли костыли, – тоже. Даже Владимир Сергеевич побежал.

Мама беспомощно плюхнулась на сумки и зарыдала.

Нас перегнали полицейские. В одном из которых я узнал вежливого сержанта из тех, кто встретил нас, когда мы приехали в Пермь.

Закончилось все тем, что маму пригласили в привокзальное отделение транспортной полиции. Там объяснили:

– Стоп-кран в вагоне применяется только в связи с безотлагательной необходимостью. Вам понятно? Это предотвращение крушения, аварии, схода с рельсов подвижного состава, человеческих жертв.

– Вот я и предотвратила крушение... И человеческих жертв нет.

– Девушка, оставьте эту лирику для кого-то другого, – с укоризной сказал полицейский. – Статья одиннадцать точка семнадцать Кодекса РФ об административных правонарушениях. Самовольная без надобности остановка поезда влечет наложение административного штрафа.

– Согласна, – устало произнесла мама.

– Ну, земляки, вы даете, – то ли с восхищением, то ли с осуждением сказал Владимир Сергеевич, потом добавил: – Как в бразильском сериале.

Я не знаю, что такое бразильский сериал, но догадался что это – не очень... Потому что родители молчали, но тут Владимир Сергеевич разрядил обстановку:

Вот теперь будет время вас всех свозить в Белогорский монастырь. Храм там классный!..

– И на Гайву, в военный институт, – добавил я, радостный. – Может, и в Соликамск к Денискиному дедушке съездим, ну, который елочки посадил у Троицкой церкви из Белогорского монастыря.

– Конечно! – решительно сказал отец. – Я чуть оклемаюсь, у меня в гаражах старая «Ока», отремонтируем. Сами будем ездить.

А мама вдруг взяла и запела свою странную песню, из которой мне был знаком только первый куплет:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней – валунов извиваешься.

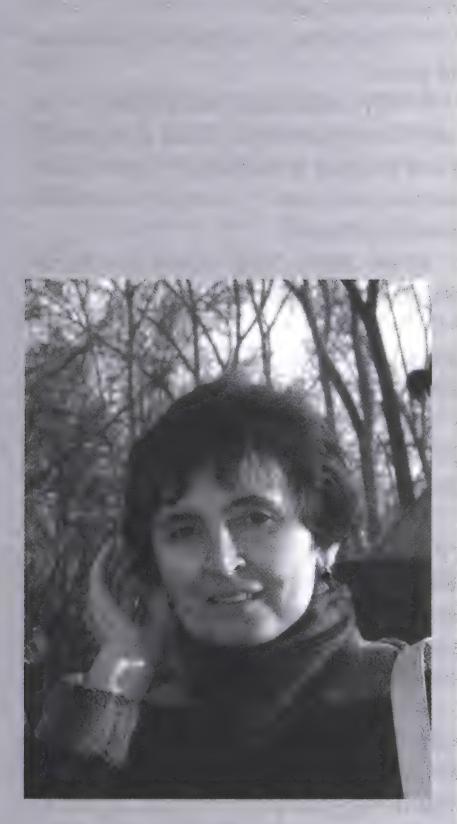
Ты ручьями-притоками полнишься,
Вдаль уносишь свои воды быстрые,
Лес суровый к тебе низко клонится,
Крутизна берегов – вместо пристани.

На просторы степей вырываешься –
Полновластная, полноводная.
В нежных водах заря умывается,
Заливает поля плодородные...

– А дальше не помню, – призналась мама. – Но продолжение есть...

Моздок – Пермь

СИБИРСКИЙ ДЕСАНТ*
(О ЛЮДЯХ, ПОСВЯТИВШИХ ЖИЗНЬ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМУ КИНО УРАЛА)

Екатерина ЛЕСНИКОВА

Член Союза кинематографистов России. г. Екатеринбург.

Леонид Иванович Рымаренко
10.03.1907 – 03.03.1996
Вера Елисеевна Волянская
02.05.1909 – 24.02.2004

Эта супружеская пара, неразлучная и в жизни, и в творчестве стала уже легендой, историей отечественного научно-популярного кино, с которым неразрывно связаны их любовь и судьба. Более полувека отдано Леонидом Ивановичем Рымаренко и Верой Елисеевной Волянской научно-популярному кино. В творческом содружестве они создали целый ряд фильмов, вошедших в историю не только Свердловской киностудии, но и всего российского кинематографа. Их ленты «Рассказ о камне», «Железный век», «Огненное копье», «Наш дом – Земля» и другие стали подлинной классикой отечественного научно-популярного кино.

Леонид Иванович Рымаренко родился 10 марта 1907 года в селе Молочанск Таврической губернии (ныне г. Молочанск Запорожской обл.).

В 1924 году после окончания семилетней школы талантливого юношу направили в Одесский институт изобразительных искусств, где он учился в мастерской монументально-фресковой живописи у профессора Максима Прокопьевича Гронеца.

Вера Елисеевна родилась 2 мая 1909 года в городе Керчь в Крыму. Училась в Керченской женской гимназии, а в 1924 году окончила трудпрофшколу.

Юность обоих прошла в Одессе, где они повстречались и сделали первые шаги в кино. Судьбоносная встреча произошла в Одесском институте изобразительных искусств, где они учились на одном факультете. Оба окончили вуз в 1930 году, получив специальность: «Художник монументально-фресковой живописи». Потом жизнь ненадолго их развела: Леонид Иванович с 1930 по 1933 год работал художником в селах Акимовка (Мелитопольский округ), Холодная Балка (Одесская область) и в Донецке, а Вера Елисеевна пробовала свои силы в разных областях художественного творчества в Одессе: преподавала рисование, работала в бригаде художников монументальной росписи Дома печати, художником-декоратором Всероссийского кооперативного товарищества «Художник». Оба в 1933 году пришли на Одесскую киностудию, где в 1936 году соединили свои судьбы и прожили вместе долгую и счастливую жизнь, наполненную радостью творчества и вдохновенным служением одному из сложнейших жанров кино.

Похоже складывались их творческие биографии. Леонид Рымаренко, придя в отдел учебных фильмов Одесской киностудии, работал сначала художником-мультипликатором, а с 1934 года он становится режиссером. И Вера Волянская за два года работы на киностудии прошла путь от помощника художника цеха мультипликации до режиссера. За период деятельности в кино она осуществила самостоятельно постановку 14 фильмов как режиссер-мультипликатор и 15 фильмов как режиссер научно-популярного кино. Но большинство фильмов снято ею в творческом союзе с Л.И.Рымаренко. В 1948 году Л.Рымаренко и В.Волянская были

* Продолжение. Начало в № 6, 7, 8, 2016.

переведены на Новосибирскую студию «Сибтехфильм». Духом времени, очевидно, было продиктовано их решение оставить благодатный юг и продолжить свою творческую биографию в суровых сибирских краях, где их и застала Великая Отечественная война.

В годы войны они снимали фильмы для воинов Красной армии. Здесь набирались профессионального опыта, оттачивали мастерство, которое в дальнейшем принесло богатые плоды. С 1941 по 1945 год Л.И.Рымаренко снял целый ряд специальных учебных (они еще назывались «военно-оборонными») фильмов для фронта: «Стрельба на рикошетах», «Противотанковое ружье», «Явление крена при погружении подводной лодки», кинокурс «Бомбометание», «Навигация дальнего бомбардировщика». Работая над фильмами для фронтовой авиации, участвовал в боевых вылетах. Фильмы, созданные в эти годы, являлись блистательными пособиями в обучении солдат воинскому мастерству, весомым вкладом в Победу. Работа по созданию специальных учебных военных фильмов в период Великой Отечественной войны особо отмечена военным командованием и «Главнаучфильмом». В 1944 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Рымаренко награжден орденом Красной Звезды.

Плечом к плечу с мужем над фильмами военной тематики работала и Вера Елисеевна. Так крепло их творческое содружество.

В 1948 году вместе с творческим составом студии «Сибтехфильм» они отправились на Урал и навсегда связали свою жизнь со Свердловской киностудией. Здесь их совместное творчество получило наиболее яркое воплощение и достигло расцвета. Здесь осуществилось их призвание и жизненное предназначение стать страстными и яркими пропагандистами достижений науки – основоположниками научной кинопублицистики. Здесь сняты их лучшие научно-популярные фильмы, завоевавшие десятки призов на отечественных и международных фестивалях. На Свердловской киностудии они становятся одними из ведущих мастеров научного кино. Постановка научно-популярных фильмов «Чудесное зрение» (1950), «Быстрее звука» (1949), «Волшебный глаз» (1951), «Рассказ о камне» (1957), «Железный век» (1960), «Огненное копье» (1962), «Кудесники металла» (1973), «Биология плюс физика» (1975), «Предвидеть» (1980), «Колесо и почва» (1981), «Судьба одного открытия» (1985) и др. свидетельствуют о высоком режиссерском мастерстве, глубоком изучении материала, о понимании особенностей учебного и научно-популярного фильма, об уверенном движении вперед, совершенствовании мастерства. Опытные, талантливые, увлеченные своим делом режиссеры, они вместе с Александром Аркадьевичем Литвиновым заложили основы славной уральской школы научно-популярного кино. На Свердловской киностудии Л.Рымаренко и В.Волянской удалось собрать и воспитать команду молодых единомышленников: художник Юрий Истратов, операторы Владислав Тарик, Всеволод Киреев, Сергей Погорелов, Рудольф Мещерягин, ассистент режиссера Ия Михайлова. Близким соратником Рымаренко и Волянской стал сценарист Леонид Гуревич, написавший сценарии к фильмам «Круг жизни» (1976), «Предвидеть!» (1980), «Будь полезен человечеству» (1983), «Сколько стоит пейзаж» (1987). Каждая работа Рымаренко и Волянской – яркий пример художественно-образной популяризации, умения не только логически, но и эмоционально осмыслить материал. В 1958 году за фильм «Рассказ о камне» Рымаренко и Волянская были удостоены Ломоносовской премии, учрежденной министерством культуры СССР.

Киновед Н.Б.Кириллова: «Камень – вечная любовь режиссера. Его рождение, бытование, его эстетика волнуют мастера с давних пор. И этот интерес не мог не привести к великому исследователю камня – к личности крупнейшего ученого – академика Ферсмана. Так возникла «Ферсманиада» Л.Рымаренко и В.Волянской: «Рассказ о камне»

(1957), «Воспоминание о камне» (1968) и «Будь полезен человечеству» (1983)... Эти фильмы пользовались колоссальным успехом во всем мире, привлекая внимание не только к именам своих создателей, но и к Свердловской киностудии». Режиссеры поднимали в научном кинематографе проблемы значительные, актуальные.

Народный артист СССР А.Згуриди: «Как естественное следствие глубоких раздумий о природе, постепенно в произведениях режиссеров В.Волянской и Л.Рымаренко начинает настойчиво звучать новая нота – призыв к защите природы...» В 1960–70-е годы они первыми в Советском Союзе заговорили о проблемах экологии, сняли первые фильмы экологического направления, став первооткрывателями нового жанра – научно-критической кинопублицистики. Его рождение ознаменовал их фильм «Огненное копье» (1962) – яркий пример художественно-образной популяризации современной науки и техники и остро публицистической постановки вопроса о применении этих достижений на практике. Фильмы Рымаренко и Волянской – это напоминание о неразрывности материального и духовного значения Природы, об ответственности за все, что происходит с ней, страстный призыв к ее защите и спасению. Одной из главных тем их творчества стала тема отношения человека к Природе. Охрана окружающей среды, рациональное природопользование, гуманное отношение к природе – вот круг вопросов, вызывающих их горячий интерес. Им посвящены многие ленты замечательных режиссеров – фильмы, одухотворенные любовью к природе, восхищением ее богатством и красотой, пронизанные тревогой и болью за ее уничтожение. Как леоновский Вихров призывал ко «всенародному раздумью о лесе», так и их фильмы неопровержимо доказывают правоту слов Карла Маркса: «Культура, если она развивается стихийно, а не направляется сознательно... оставляет после себя пустыню». Эти слова звучат в финале картины «Наш дом – Земля» (1971). Вершинными работами режиссеров в этом жанре стали фильмы «Наш неизменный друг» (1964) и «Круг жизни» (1976).

Киновед В.А.Трояновский: «Фильм “Наш неизменный друг” – самая ранняя в научно-популярном кино попытка по-новому взглянуть на дилемму естественного и искусственного. В самом разгаре синтетический бум, а в фильме высказывается простая, но не укладывающаяся в рамки химической утопии мысль: химия создает множество чудесных материалов, но никто не сможет заменить естественную лабораторию зеленого листа. И дальше: в век химии роль леса возрастет. Это было неожиданно, непривычно. Лес – это не только древесина, с этой фразы начинается одно из первых обращений научно-популярного кино к экологической теме». Фильм о русском лесе «Наш неизменный друг» вызвал большой общественный резонанс. В

защиту фильма, на который ополчились чиновники, выступили писатели Л.М.Леонов и О.В.Волков. Когда фильм вышел на экран, Леонид Леонов в статье «О большой щепе» («Литературная газета», 30 марта 1965 года) написал: «Это отличное произведение кинопублицистики надо посмотреть каждому, для кого живая природа – не звук пустой...»

Чистая вода. Этим термином испокон веков обозначают качество бриллиантов. Но есть на земле нечто несравненно более ценное: просто чистая вода, чистые воды рек и озер. Рациональное использование, бережное отношение к воде должно было стать первостепенной народнохозяйственной задачей. Фильм «Дороже бриллиантов» (1982) – это рассказ о проблеме охраны воды в нашей стране. Он является логическим продолжением многих фильмов В.Е.Волянской и Л.И.Рымаренко, воспевавших вечную красоту природы.

Съемки многих картин Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянской проходили в противостоянии с местными и центральными органами власти, не готовыми признать очевидное: в СССР есть экологические проблемы и многие из них требуют срочного решения. Даже к восьмидесятым годам XX века, когда Вера Волянская и Леонид Рымаренко были уже признанными мастерами отечественного научно-популярного кино, их фильмы в защиту природы по-прежнему вызывали раздражение у партийно-советского руководства. Почти каждый фильм с боем утверждался в Госкино, но они бескомпромиссно шли своим путем. Леонид Иванович Рымаренко так писал о работе над фильмом «Круг жизни» в своих воспоминаниях: «Три мучительных года мы выходили из жесткого окружения недоброжелательности. В неравных боях отстаивали право на жизнь фильма. Без преувеличения можно сказать: мы отстаивали и право на свою творческую жизнь. Сколько было на пути трусости, подлости, сколько несправедливости и предательства и сколько невосполнимых потерь. Я не хочу сейчас вспоминать сложную отравляющую атмосферу, в которой пришлось дышать и работать. Пусть пройдет время, вся мерзость выветрится, а сохранится только доброе и светлое. Запомнятся только радостный труд и встречи с настоящими людьми, способными жить по законам красоты и гармонии. Все, что выпало нам на съемках „Круга жизни“ подтверждает: гражданское мужество действительно встречается реже, чем воинское...»

Хотя фильмы Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянской и представляют собой образцы яркой и страстной кинопублицистики, но для творческой манеры режиссеров характерны и строгая научная дисциплина, скрупулезное изучение материала, глубокое авторское проникновение в суть поднятой проблемы, точность мысли, высокая изобразительная культура и безупречный вкус. Совместная работа над фильмами сблизила режиссеров с выдающимися учеными: академиками С.С.Шварцем и В.Н.Большаковым, профессором И.И.Брехманом, пермским геохи-

миком Н.К.Чудиновым. И фигура ученого в их фильмах всегда окружена ореолом глубокого уважения.

Киновед Н.Б.Кириллова: «Ученый или практик в фильмах Рымаренко вообще никогда не выступает как противник, антагонист Природы... Он может быть преобразователем натуры, может найти наилучший выход ее недюжинным силам..., но гораздо чаще ученый представлен в этих лентах как творец, вдохновляемый гармонией и богатством природы».

На Свердловской киностудии Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянская проработали до конца 80-х годов. В содружестве ими создано свыше 70 научно-популярных и учебных фильмов, написаны сценарии, по которым осуществлены постановки. Их фильмы не просто познавательны – они волновали и радовали зрителей, не оставляя их равнодушными. Более тридцати лет Волянская и Рымаренко представляли советское научное кино на экранах мира. Многие их фильмы были удостоены высших наград и дипломов Международных и Всесоюзных кинофестивалей: Фильм «Рассказ о камне» (1957) на Международном кинофестивале в Монтевидео (Уругвай) в 1959 году получил диплом. Этот же фильм был удостоен второй премии и диплома на II Всесоюзном кинофестивале в Киеве, а в 1961 году ему была присуждена Ломоносовская премия. Фильму «Железный век» (1960) в 1961 году на Международном кинофестивале в Будапеште присужден диплом и Большой приз. Короткометражный фильм «Судьба одного открытия» (1985) получил Диплом и серебряную медаль ВДНХ (1986). А еще были Минск (1960), Москва (1963), Ленинград (1964), Варна (1973), Рига (1977), Воронеж (1981), Новгород (1982), Острава (1982), Катовице (1989) и другие. Таков перечень кинофорумов, в которых участвовали и были отмечены призами и дипломами их киноленты.

Каждая работа Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянской – яркий пример художественно-образной популяризации достижений современной науки и техники, образец остропублицистической постановки вопроса о применении этих достижений на практике. Но еще их фильмы – это вдохновенный и поэтический гимн Природе, ее красоте, богатству ее недр, лесов, рек. Фильмы эти отмечены не только глубиной раскрытия темы, но и высокой духовностью.

Многолетняя творческая дружба связывала Л.И.Рымаренко и В.Е.Волянскую с легендарными деятелями отечественного кино: Александром Аркадьевичем Литвиновым, Павлом Владимировичем Клушанцевым, Леонидом Леонидовичем Оболенским. И сами они стояли в одном ряду с режиссерами, заложившими основы того, чем всегда славился российский научно-популярный кинематограф, – высоким профессионализмом и высокой духовностью. Они были настоящими романтиками – верили в высокую просветительскую воспитательную миссию кино,

были убеждены, что с помощью кино можно сделать человека лучше, добрее, научить его любить и беречь природу. Им было суждено творческое долголетие в кинематографе: до конца 80-х годов выезжали на съемки, монтировали фильмы, неизменно создавая вокруг себя атмосферу напряженного творческого поиска, доброжелательности и сердечности. Многие из творческих работников студии стали учениками и продолжателями их дела. Леонид Иванович учил их любить жизнь и кино, и сам он был человеком редкого обаяния, жизнерадостным, понимающим толк в юморе. Несмотря на постоянную занятость, не отказывался и от общественной работы: был заместителем председателя оргбюро Свердловского отделения Союза работников кинематографии, председателем секции научного кино, членом бюро творческой секции киностудии. Вера Елисеев-

на с присущими ей тактом, скромностью и благородством пальму первенства всегда уступала мужу. Но те, кому довелось работать с ними, знают, что многие творческие озарения возникали благодаря ей. И не удивительно – ведь в ней нераздельно слились ум, красота, талант, твердый характер и деликатность, и еще множество качеств, свойственных истинным подвижникам кино. Литературно одаренная, она оставила после себя не только фильмы, но и прекрасную книгу воспоминаний «Крымский альбом». В 90-летнем возрасте она успела подержать в руках эту книгу. Труд режиссеров был неоднократно отмечен грамотами Госкино РСФСР и СССР, знаками «Отличник кинематографии», медалями «За доблестный труд в ВОВ». В 1944 году Указом Президиума Верховного Совета СССР режиссер Л.И.Рымаренко награжден орденом Красной Звезды. Творческая деятельность В.Е.Волянской отмечена Орденом Трудового Красного Знамени и медалями. Оба они — лауреаты Ломоносовской премии. В екатеринбургском Доме кино в знак признания их заслуг перед уральским кинематографом и российским киноискусством были открыты памятные звезды кинорежиссеров Леонида Ивановича Рымаренко и Веры Елисеевны Волянской

Фильмография работ режиссеров В.Е.Волянской и Л.И.Рымаренко, снятых на Свердловской киностудии:

Электрический ток в металлических проводниках. 1949.
Чудесное зрение. 1949.
Волшебный глаз. 1951.
Культиватор-растениепитатель. 1954.
Рассказ о камне. 1957. Ломоносовская премия; Диплом в Монтевидео, 1959; Диплом Всесоюзного кинофестиваля в Киеве, (1959).
Каменные загадки. 1957.
Кладоискатели. 1958.
Горный лен. 1958. (Диплом Всесоюзного кинофестиваля в Минске,1960).
Топливная промышленность. 1959 (из серии рассказов о семилетнем плане).
Органическое стекло. 1959.
Железный век. 1960 (Диплом МКФ в Будапеште, 1964; Пятый Международный конгресс в Москве).
Миллионы в отвалах. 1961.
Свердловский экономический район. 1961 (для Всесоюзной промышленной выставки).
Укрощенный враг. 1962 (Диплом кинофестиваля в Будапеште, 1964).
Огненное копье. 1962 (Диплом Всесоюзного кинофестиваля, Ленинград, 1969).
Невидимки на полях. 1963.
Дающая жизнь. 1963.
Наш неизменный друг. 1964 (Диплом кинофестиваля, Хабаровск, 1965).
Лес и его значение. 1965.
Сокровища умершего моря. 1965.
Следы ведут от вулканов. 1966.
Слово о советской державе. 1967.
Природа Урала. 1967.
Воспоминания о камне. 1969 (Диплом кинофестиваля, Варна, 1973).
Наш дом – Земля. 1971.
Наше кровное дело. 1971.
Урал. 1972.
Колывань. 1973.
Есть на свете Волга. 1973.
Кудесники металла. 1973.
Биология плюс физика. 1975.
В поисках Панацеи. 1975.
Круг жизни. 1976 (I премия Всесоюзного кинофестиваля в Риге).
Папы ищут хозяина. 1978.
Песнь о Башкирии. 1979.
Предвидеть 1980 (Диплом I степени на смотре-конкурсе, Воронеж).
Тайны светового луча. 1981.
Колесо и почва. 1981 (Диплом фестиваля в Остраве Диплом смотра-конкурса фильмов о развитии Нечерноземья, Новгород).
Дороже бриллиантов. 1982.
Будь полезен человечеству. 1983.
Человек и природа. 1984.
Месторождение в стакане. 1985 (Диплом смотра-конкурса Свердловской киностудии).
Судьба одного открытия. 1985 (Диплом и серебряная медаль ВДНХ,1986).
Сколько стоит пейзаж? 1987.
И взмах послушного крыла. 1988.

ПОБЕГ ИЗ АВСТРИЙСКОГО ПЛЕНА

ЭПИЗОД ВРЕМЕН 1-Й МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Александр КРУЧИНИН

Екатеринбургский военно-исторический клуб «Горный щит», член Союза журналистов России.

ВСТУПЛЕНИЕ

Лет пять тому назад, мой коллега из Чехии Бернард Пануш подарил мне книгу по истории Чешской дружины, в которой описывались деяния первых добровольцев, воюющих в составе Русской армии за свободу своей отчизны в годы 1-й Мировой войны 1914–1918 гг. Среди множества славных подвигов чешских дружинников я обратил внимание на краткую запись о побеге из плена добровольца Яна Карела Мерварта в Швейцарию, причем последний бежал не один, а вывел с собой еще четверых русских воинов. Из Швейцарии с помощью русского консульства беглецы были переправлены во Францию, а уже оттуда вернулись в Россию. 4 декабря 1916 г. Я.К.Мерварт вернулся в строй своего чехословацкого войска.

В прошлом году, с помощью того же Б.Пануша, мне досталась редкая вещь – воспоминания самого Яна Карела Мерварта о его побеге из плена. Книга была выпущена в свет в Праге в 1926 г. в издательстве «Дружины чехословацких легионеров». Книга оказалась очень увлекательной и я не смог не поделиться со своими друзьями небольшим рассказом о стойкости и крепости духа одного из чешских стародружинников и о любви к родине наших предков, которые преодолели холод альпийских гор и голод, но вырвались из плена.

ЧАСТЬ 1.
Начало Мировой войны. Чешская дружина. Болезнь Я.К.Мерварта и австрийский плен.

В июне 1914 г. в русскую Варшаву, в поисках приличной работы прибыл из австрийского Кракова молодой банковский служащий чех Ян Мерварт. После сравнительно недолгих поисков он устроился работать в Варшавский филиал Азовско-Донского банка и должен был приступить к работе с 1 августа 1914 г. Пришедшему для оформления документов в австрийское консульство Яну Карелу сообщили, что он должен немедленно вернуться в Австро-Венгрию, иначе окажется дезертиром. Как и многие чехи Ян Карел был настроен славянофильски, не хотел идти в австрийскую армию и совсем неплохо чувствовал себя дезертиром, но все было не так просто. Вскоре он был арестован русской полицией и после семидневного пребывания под арестом, был интернирован, как австро-венгерский гражданин, и направлен в ссылку подальше от фронта, в одну из заволжских губерний. Ни сам Ян Карел, ни его земляки сидевшие с ним, ничего не знали о встречах делегатов, от чехов живших в России, с министром иностранных дел С.Д.Сазоновым, ни о политических акциях в среде чешской эмиграции, ни о делегации от русских чехов к императору Николаю II.

После шестидневного пути по российским железным дорогам интернированных чехов высадили на границе Европы и Азии в г. Оренбурге. Интернированные сами должны были искать себе работу и пропитание, что оказалось сложным делом. Оренбургские казаки не знали кто такие

Беглецы в Швейцарии.

чехи, считали их австрийцами и врагами России, брали их только на физическую работу, а вот торговые и банковские служащие им были не нужны. После многих мытарств, сначала в станице у казаков, а затем на оренбургской пилораме, Яну Карелу все же удалось устроиться преподавателем немецкого языка, за сорок рублей в месяц, что при тогдашней дешевизне на продукты было немалой суммой.

В середине ноября 1914 г. из газеты «Русское Слово» он узнал о создании в Киеве Чешской дружины и не задумываясь написал туда письмо о своем желании поступить добровольцем в ряды дружины. В декабре 1914 г. Ян Карел получил долгожданный вызов, и ему дали разрешение на свободный проезд до Киева. Вскоре он добрался до городка Тарнов в Галиции, где стояла Чешская дружина и был отправлен в запасную роту, где взводами командовали, получившие вскоре немалую известность, братья-легионеры: Йозеф Швец, Антонин Чила, Матей Немец и другие. Ян Карел добрался до цели своих мечтаний и был назначен в первую полуроту 2-й роты подпоручика В.Клецанды. Вскоре чехословаки отправились на фронт. 2-я рота была направлена в состав 49-й пехотной дивизии XXIV-го армейского корпуса и приступила к разведкам в покрытых снегом Бескидах.

Яну Карелу особенно запомнилась первая в его жизни разведка, которую его команда проводила на участке русского 196-го пехотного Инсарского полка у деревни Конечна. От окопа передовой русской стражи, километра на два тянулась плоская снеговая поляна, на противоположном конце которой стоял домик, где по данным разведки Инсарского полка находилась австрийская передовая стража из десятка человек. Светил месяц и все было видно как на ладони. Впереди чешской разведки шел передовой дозор из пяти человек, в числе которых находился и Ян Карел. Остальные добровольцы двигались за ними. Передовая группа, перебегая от куста к кусту, прошла почти две трети пути. Чехи уже готовились атаковать домик, как вдруг из него ударили пулеметные выстрелы. Ян Карел бросился на снег, а над его головой свистели пули. Прапорщик Райнюк и несколько добровольцев были ранены и уцелевшие начали отползать. Ян Карел оказался немного в стороне, его винтовка закапризничала, и пока он пытался привести ее в чувство, он оказался совсем один. Был довольно сильный мороз и долго ему без движения было не выдержать. На его счастье на месяц нашло облачко и резко стемнело, что помогло ему незамеченным добраться до своего окопа. По командам и голосам доносившимся из домика чешские добровольцы поняли, что там были германцы.

К началу апреля 1915 г. взвод в котором служил Ян Карел располагался в деревне Комплоспатак, а неприятель сидел на горах у Зборовского замка. На фронте было затишье, нарушаемое только перестрелками и поисками разведывательных партий. В это горячее для разведчиков время, Ян Карел заболел: у него резко повысилась температура, а хинин не помогал. Его эвакуировали в тыл и в госпитале, который располагался в городке Ясло, определили, что у него сыпной тиф. Выздоравливал он медленно. Он почти не разговаривал со своими соседями по палате, а с лекарем говорил по-немецки, его соседи не знали, что он чех и принимали его за поляка. Когда Ян Карел стал немного вставать, он услышал от раненых о прорыве германцами русского фронта у Горлице. Держась за стену он вылез в коридор, подошел к разбитому окну... и похолодел. Все дороги и тропы были переполнены русскими обозами, артиллерией и пехотой. Все они двигались на восток. Ян Карел кое-как оделся и пошел на станцию. Шел медленно, часто садился и отдыхал. Добравшись до станции, залез на какую-то платформу, примостился с краю... и впал в беспамятство. Когда поезд тронулся, он упал с платформы и чудом не попал под колеса, а остался лежать около железнодорожного пути. Санитары подобрали его и отнесли обратно в госпиталь. Когда он очнулся и выглянул в окно, то увидел австрийскую пехоту.

Как он будет представляться русским, когда он плохо по-русски говорит, что делать? Он попросил встречи со старшим врачом. Сестра провела его в кабинет и прикрыла дверь. Ян Карел открыто объяснил старшему врачу, что он – гражданин Австро-Венгрии и чех-доброволец русской армии. Если австрийцы узнают об этом, ему грозит виселица, ведь он изменник и государственный преступник! Он наткнулся на хороших людей. Старший врач, рижский немец, доктор Вебер и сестра милосердия Татьяна Ивановна Слива сделали все, что могли, чтобы прикрыть Яна Карела. Его документы и больничное дело полетели в печь и на него было составлено новое дело. Ян Карел Мерварт исчез, а появился русский гражданин, уроженец Киева и житель Риги, вольноопределяющийся 4-й роты 131-го пехотного Тираспольского полка Павел Петрович Шевердов-Мировский. На следующий день контроль над госпиталем установили австрийцы.

ЧАСТЬ 2.
Май 1915 г. плен. Две неудачные попытки побега. Императорско-королевский рабочий отряд военнопленных № 87б

Доктор Вебер не только помог преобразованию Яна Карела в Павла Мировского, но и держал его в госпитале, пока он не окреп. Павел Мировский (будем теперь называть его этим именем), начал понемногу готовиться к побегу. Он достал черные брюки и куртку и даже синюю шляпу. Сестра Татьяна Ивановна дала ему несколько банок консервов, а доктор Вебер – 80 рублей. Галицию Мировский знал хорошо. Когда к побегу было почти все готово, вдруг раздалась команда, всем выздоравливающим выйти и построится во дворе. Колонну окружили стражей и повели на станцию Ясло, откуда на поезде перебросили немного юго-восточнее, на станцию Кросно. «Хорошо!» – подумал Мировский, – «это ближе к русскому фронту!» Колонну военнопленных отвели в лагерь, который представлял из себя участок поля, окруженный колючей проволокой и стражей. Стража ходила вокруг лагеря, оглашая воздух протяжными криками: «Gewehr heraus!»

Первой же ночью началась буря, пошел сильный дождь, видимость резко ухудшилась. «Пора! – решил Мировский. Он вошел в ручей, протекавший через лагерь, пролез под проволоку, прополз линию охраны и пробрался к лежащему неподалеку лесочку. В лесочке он переоделся в более-менее сухую черную форму, а защитную припрятал в вещмешок. Ночью пошел на восток. Следующий день он прятался в лесу, а ночью пошел дальше. Рано утром у переправы через небольшую речку его остановил резкий окрик: «Halt!» Это был германский патруль. При просмотре его вещмешка в нем оказались консервы и русская униформа. Патруль привел его в ближайшее селение и поставил перед очами германского обер-лейтенанта. Мировский рассказал через переводчика, что он ополченец и попал в плен в Перемышле, что при марше колонны военнопленных обессилел и был оставлен на дороге. Очнулся и бродил несколько дней. Среди тогдашнего хаоса при быстром русском отступлении бывало всякое и обер-лейтенант ему поверил. Его покормили, офицер приказал одеть ему русскую форму и через два дня он был опять в Кросно. Видимо, это оказалась не его дорога к свободе!

Из кросненского лагеря большую партию пленных повезли на запад. Ходили слухи, что они попадут в Венгрию, но они оказались в Чехии, в лагере у крепости Терезин. На этот раз в поле были расположены бараки, окруженные двумя рядами колючей проволоки. Мировский очень боялся, что в Чехии его могут опознать. Он перестал бриться и вскоре по его грязной и заросшей физиономии в нем трудно было узнать интеллигентного человека и чеха-добровольца, хотя опасность все равно оставалась. На одной из проверок Мировского чуть не опознал и нечаянно не выдал, его сосед из первых дней пребывания в лагере. Пошла обычная лагерная жизнь, которую испытали столь многие в XX веке: ранний подъем, на завтрак отвар из малиновых листьев и хлеб для военнопленных с горьким вкусом, так как его главной составной частью являлась каштановая мука. На обед давали кашу из кукурузы или фасоли, а вечером тот же «чай» из отвара. Шли постоянные проверки и обыски, следовали жестокие наказания. Люди голодали, развивалось воровство и предательство.

Вскоре часть пленных перевели в новый лагерь, куда попал и Мировский. На большой территории, окруженной двойным рядом колючей проволоки, располагалось три десятка деревянных бараков среди которых были столовая и церковь. Шел август 1915 г. Мировский зарос бородой, добровольно выполнял в лагере самые черные работы и старался, чтобы никто не подумал, что под маской диковатого русского мужика скрывается человек знающий немецкий и польский языки и чех-доброволец русской армии. У него появился сосед-поляк, который приставал с разными разговорами. Случайно Мировский увидел у соседа письмо на чешском языке и через знакомых узнал, что сосед дважды в неделю ходит в крепость Терезин! «О, так это стукач, матери Австрии!» - подумал Мировский. Надо искать товарища-попутчика и бежать. Надо бежать! Вскоре Мировский узнал, что в лагере есть киевлянин, вольноопределяющийся, князь Яшвиль, который уже дважды пытался бежать. Мировскому удалось познакомиться с князем Яшвилем и они стали составлять планы побега. Спустя небольшое время выяснилось, что в Австро-Венгрию, с делегацией Красного креста собирается приехать мать князя Яшвиля и надеется на встречу с сыном. Понятно, что князь решил ждать ее и временно отказался от побега, но передал Мировскому ценную вещь – ножницы для разрезания колючей проволоки. В такой ситуации Мировский решил бежать один. Главное было выбраться из лагеря, а дальше, надеясь на знание языков, он рассчитывал добраться до Восточной Галиции или Буковины.

Дождавшись ненастной погоды, когда сильный дождь гасил нефтяные лампы на периметре лагеря, он пролез к забору и начал перекусывать проволоку. Дело шло медленно, ножницы были маленькими и тупыми, при каждом кусании раздавался довольно сильный скрип. За полчаса удалось перегрызть только пять проволок. За два с лишним часа Мировский все же проделал порядочную дыру во внутренней ограде. Хотя он очень устал, но пролез и принялся за наружную ограду. Стражники видимо услышали сильный скрип и забеспокоились. Услышав один, особенно сильный скрежет, стражник включил фонарик. Мировский

В.А.Новиков.

замер. Фонарик угас и раздался выстрел. Тревога! Мировский бросился обратно, пролез через внутреннюю ограду, пригибаясь, как солдат под огнем, пробежал и завернул за ближайший барак. Лагерь пробуждался. Мировский заскочил в чужой барак, снял верхнюю одежду, положил возле какого-то спящего «землячка» на нары, лег и притворился спящим... и вовремя. Вошла стража и посвечивая, прошла по бараку. Когда все утихло, Мировский прокрался к себе в барак.

Горечь от повторной неудачи, несколько утешило знакомство с вольноопределяющимся фон Виттеном, прибалтийским немцем, родившимся и жившим на Дальнем Востоке и не знавшим ни слова по-немецки. После долгих, задушевных разговоров приятели решили, что надо постараться попасть в рабочий отряд, рассчитывая, что оттуда будет легче бежать. Барон познакомил Мировского со своим старым другом, подпрапорщиком 9-го пехотного Ингерманландского полка Василием Алексеевичем Новиковым. Новый друг был уроженцем деревни Хотисино Калужской губернии и также желал бежать. Шел сентябрь 1915 г. и когда начали создаваться рабочие отряды, тройке заговорщиков удалось записаться в отряд, который по слухам, должен был отправиться в Восточную Галицию. В отряде получившим название «K. u K. Kriegsgefangenenarbeiterabteilung N 87» было около одной тысячи человек и отряд делился на две части.

В октябре 1915 г. отряд был погружен в эшелон и поехал, но не на восток, как ожидали приятели, а на юг. Проехали Ческе Будейовицы и Вену, началась альпийская земля. Это было не так уж и плохо, потому что Мировский в свое время служил в австро-венгерской армии в Тироле. Школа вольноопределяющихся размещалась в Триденте, а летние лагеря он провел в районе деревни Тауферс, почти на границе со Швейцарией. Пленных выгрузили на станции Тарвис, разделили на две части и команда № 87б перешла в деревушку Кальтвассер, где должна была заниматься ремонтом дорог в глубоком тылу австро-итальянского фронта. С уходом пленных подальше от Чехии у Мировского прибавилось отваги, теперь он уже не так боялся опознания, и он решил немного поводить австрийцев за нос.

Вечером, сразу же после прибытия на место, к команде пришел ее начальник обер-лейтенант Скутецки. Пленных выстроили и господин обер-лейтенант громко спросил: «Wer spricht deutsch? Vortretten!» Ответили несколько евреев, но на своем идиш, который оказался малопонятным обер-лейтенанту. Он покривился и пошел вдоль строя, рассматривая пленных. Проходя мимо Мировского, заросшего черными волосами и похожего своим обликом на авраамовых потомков, обер-лейтенант обронил: «Еще один из них! Черт побери!» Мировского это слегка позабавило, как он его принял за еврея, знать маскировка была хороша, и ответил: «Никак нет, господин офицер! Я поляк с немецкими корнями.» Его чистый выговор произвел впечатление, обер-лейтенант остановился и задал несколько вопросов. Мировский ответил, повторив свою легенду о рождении в Киеве и жизни в Риге. Оберлейтенант закончил: «Schön. Alles ist Ordnung!» и представил Мировского свои помощникам, фельдфебелю и унтер-офицеру, как главного переводчика.

Команда № 87б была разделена на пять взводов по сто человек и командирами двух из них стали барон В. фон Виттен и В.А.Новиков. Пленные начали работать на ремонте дорог, а троица заговорщиков стала строить планы побега. Тем временем из команды в сторону Италии бежали трое пленных, но их быстро поймала полевая жандармерия и привела обратно в лагерь жестоко избитых и закованных в кандалы. Ноябрь 1915 г. не принес особых изменений в судьбе пленных, только убежал второй раз один из пленных – донской казак. Его долго искали и нашли замерзшим в горах, так что в родные степи вернулся только его вольный дух! Декабрь 1915 и январь 1916 г. также прошли без особых перемен, а в конце января рабочий отряд был переброшен севернее и очутился на станции Бриксен. Как раз в этих местах и в сторону швейцарской границы и проходила военная служба Мировского. Троица решила – отсюда надо бежать – теперь или никогда!

ЧАСТЬ 3.
Побег

Первую ночь в Бриксене Мировский не мог уснуть и перебирал в памяти дорогу из Бриксена до Больцано, а оттуда через Меран, Шландерс к Глурнсу и деревне Тауферс на швейцарской границе. Швейцарская территория заходила здесь в Австро-Венгрию в виде длинного узкого выступа, с южной стороны которого была итальянская территория. Италия была союзником и русским был обеспечен сердечный прием. Здесь в долине, в начале февраля, снега уже не было, только горы были покрыты снегом и льдом. Пока обдумывали план, к фон Виттену обратились оба повара

рабочего отряда: младший унтер-офицер Усов из Екатеринбурга и младший унтер-офицер Галушка из Киева и попросили взять их с собой в бега. Посоветовавшись, решили взять, в надежде, что они наберут провианта – троица расширилась до пяти человек. Подготовка пошла полным ходом. Как организовать побег? В подвал дома, где располагались пленные, вел один вход, около которого было небольшое пространство огороженное от поля колючей проволокой, за которой ходила стража. Днем бежать было почти невозможно, пленные были одеты в полувоенную форму, спрятаться негде. Ночью также было непросто, так как охрана усиливалась. Но все же вариант был. Как переводчик, Мировский часто выходил к фельдфебелю, или к унтер-офицеру медику и возвращался очень поздно, к полуночи. Нужно было выйти к фельдфебелю пол девятого вечера. До 10 часов вечера, до смены стражи, отсутствие Мировского не будет замечено, а может быть и до утра, так как стража, стоящая до 10 часов, будет думать, что он, как и раньше вернется поздно, а сменная стража не будет знать, что он ушел. То есть все будет до утра, пока фельдфебель Шисслер не выкрикнет: «Dolmetsch!»

В углу огороженного пространства был размещен примитивный, деревянный туалет, выходивший задней стенкой за ограду. В.А.Новиков предложил: нужно было отбить в задней стенке пару досок и приладить их так, чтобы этого не было видно. Перед выходом из подвала стоял стражник-румын, который с вечера и до утра выпускал в туалет максимум двух пленных и пока они не вернутся больше никого не выпускал из подвала. Еще два стражника ходили за забором. В.А.Новиков брался подобрать четверых пленных, которые бы перед темнотой спрятались в туалете, одетые в исподнее и в шинели. Под шинелями они должны были пронести одежду и вещмешки беглецов. Они должны были попарно возвращаться в подвал вместо беглецов. К середине февраля 1916 г. все было готово. Солнце грело, снег в горах отступал все выше, появилась весенняя травка.

16 февраля 1916 г. при раздаче обеда Мировский шепнул Усову: «Сегодня вечером, готовься!» Усов поморгал в знак понимания. Вечером, пока еще было светло и не пришел страж к выходу, четыре подготовленных унтер-офицера заняли свои места в туалете. Было около 5 часов вечера и, как бывает на юге, быстро темнело. Перед 8 часами Усов и Галушка, вышли в исподнем и в шинелях, как и было предписано пленным, в туалет. Вместо них вернулись два унтер-офицера. Затем также прошли Виттен и Новиков. После некоторого препирательства стражник-румын пропустил «к фельдфебелю» Мировского. Выйдя на дорожку, ведущую к домику фельдфебеля Шисслера, Мировский растворился в темноте. Подобравшись к туалету, он поскреб доски снаружи, вылез Усов и бросил несколько приготовленных камушков на другую сторону ограды. Стражники пошли на подозрительный шум. Мировский взял вещмешки и потащил их к недалеким кустам, все остальные вылезли и Новиков приладил доски на место. В кустах быстро оделись, взяли вещмешки и пошли. Все было тихо и воздух прорезал контрольный возглас «Fiďá-a-s!» (Внимание!)

Беглецы обошли селенье и быстрым темпом пошли по правому берегу речки в сторону Больцано. Километров через пять, там где долина речки сужалась, повернули и стали подниматься в гору. Уйдя за снеговую границу, нашли укрытие для лагеря и развели огонь. Усов растопил снег, сварил макароны и заправил их мясом из консервов. Беглецы поели, нарубили саперной секиркой хвойных веток, положили на них непромокаемый плащ Новикова, завернулись в свои шинели, прижались друг к другу и пригревшись на солнышке быстро уснули. Первым дежурил Мировский. Он прикидывал, у них было 26 банок консервов, килограмм 15 макарон, 3 килограмма маргарина, хлеб и немного шоколада. Время потребное для достижения швейцарской границы Мировский оценил дней в десять, тогда всего этого должно было хватить.

Отдохнув днем, они стали готовиться к дальнейшему походу, обговорили порядок следования. Новиков протянул Мировскому, тщательно сохраняемый, небольшой компас. Но стрелка компаса танцевала, показывая разные стороны: «Новиков, ты, где держал компас? – Как, где? В кармане. – А там было еще, что-нибудь, кроме компаса? – Нет, ничего, кроме ножа». Все стало ясно, стрелка размагнитилась и теперь ориентироваться можно было только по звездам. И как назло во вторую ночь стоял туман, звезд не было видно и они порядочно поплутали. Беглецы днем прятались в горах, а ночами шли и вместо двух ночных переходов, как рассчитывал Мировский, до Больцано им понадобилось пять. На рассвете Мировский сориентировался на местности, увидел речку Изарку, сливающуюся с Адидже, разглядел шоссе и железную дорогу.

Они шли правильно, но серьезно отставали от графика. Горячее они ели один раз в день, рано утром, вечером перед выходом они довольствовались куском хлеба с маргарином или кусочком шоколада. До Больцано они съели половину продуктов, но это была только четверть пути. Стало ясно, что им надо было менять манеру движения и продвигаться быстрее, чтобы голод не принудил их к капитуляции. Главная тревога, вызванная их бегством, скорее всего уже прошла и вряд ли на пути к Швейцарии на них готовится засада. Можно было отважиться, попробовать идти по главной дороге, но днем все равно прятаться в горах. С последними лучами солнца они начали спускаться в долину. К шоссе добрались часам к 8 вечера, спрятались в кустах и осмотрелись. Особого движения по шоссе не было, за

полчаса проехали две повозки и прошли три пешехода. Часов в 9 они двинулись по шоссе, заслышав бренчание воза или звуки шагов, они ложились в кусты или прямо в канаву около шоссе и выжидали, пока повозка или пешеход не пройдут. Таким образом шли всю ночь и прошли большой кусок дороги. К 4 часам утра сошли с дороги и спрятались в горах.

Следующую ночь опять шли по шоссе, хотя прошли меньше, так как движение было более оживленным. Наконец, в третью ночь, около часа ночи, увидели освещенный Меран. Начали обходить его с севера по полям, но никак не могли найти переправу через полузамерзшую речку. Бродили до 4 часов, но бесполезно. Горы были далеко и укрыться в них до рассвета было невозможно. Пошли вперед. По северной стороне плохо освещенного моста перешли речку, прошли мимо каких-то вилл и вышли на дорогу, которая привела к какому-то парку. Уже светало. Недалеко от дороги увидели густой кустарник, тихонько наломали ветвей, набросали на себя листьев и так без сна и без еды провели весь день. Днем, осторожно выглядывая, Мировский определил, что они прячутся в северо-западной части города: вон отель «Императрица Елизавета», южнее на горе – замок Тироль. Дважды видели проходившие мимо воинские подразделения – видимо на учения, да еще, как на грех, после полудня в парк забежал какой-то песик. Они боялись дышать, но песик немного побегал и ушел. После наступления темноты, они вылезли из своего укрытия и пошли на запад.

Шли осторожно, прошли мимо какого-то карьера, затем услышали шум поезда, но он доносился из под них, затем сверху увидели, как заблестели две рельсовые нитки уходившие к западу. Оказывается, они шли по горе, где был тоннель! Вышли на шоссе и по километровым столбам Мировский определил, что они на половине пути между Мераном и Шландерсом. Прошли половину пути! К утру спрятались в горах. Усов сварил остатки макарон с последним маргарином. У них осталось восемь банок консервов, булка хлеба и немножко шоколада. Швейцарскую границу они смогут достигнуть за три-четыре дня и последние дни они будут без еды. Но в лагере они много раз голодали и пара дней без еды их не пугала.

Вечером они вышли на шоссе и начали девятую ночь пути. Шоссе было оживленным и приходилось часто прятаться и выжидать. К полуночи шоссе пересекло железную дорогу. Где-то здесь должна быть река и Мировский шел впереди напрягая слух Было достаточно темно и внезапно раздался крик: «Halt!» – и следом за ним выстрел. Все, кроме Мировского, который был впереди, бросились на землю и отползли в кусты. Мировский оказался в безвыходном положении, по шоссе запрыгал свет карманного фонарика. Бежать было невозможно. Ожидая подхода стражи он уже сочинял, почему он здесь. Никогда бы не подумал, что так быстро может работать мозг... Через полминуты к нему подошел унтер-офицер австрийских императорских егерей с двумя солдатами державшими ружья наперевес.

«Кто Вы?!» – строгим тоном спросил унтер-офицер.

«Электромонтер городской электростанции из Шландерса» – ответил Мировский.

Унтер-офицер осветил его фонариком и спросил: «Что тут делаете?»

«Иду домой, утром мне на службу» – сказал Мировский.

«Откуда идете?»

«Отсюда из гостиницы в Горлейне»

«В какой гостинице были?»

«Из “Андреас Гофер”» – твердо сказал Мировский надеясь, что каждое тирольское селение чтит память своего героя.

Унтер-офицер спросил уже более мирным тоном: «А где живете в Шландерсе?»

Временно в отеле «Zur Alpenrose» – ответил Мировский, зная это название из карты.

Недоверие унтер-офицера уменьшилось, но он спросил о воинской службе. Мировский объяснил, что он из Силезии и инвалид боев под Краковым осенью 1914 г. Унтер-офицер спросил о документах, но Мировский ответил, что когда он идет в соседний городок, он не думает о такой мелочи, как личное удостоверение, а все остальное в канцелярии магистрата города Шландерс. Унтер-офицер успокоился и отпустил Мировского, сказав, что недалеко фронт и мост охраняется.

Пройдя мост Мировский пошел топая по шоссе, затем приглушил шаги, сошел с шоссе и пролез к реке Адидже, ушел подальше, перелез на другой берег и стал искать своих друзей. Через полчаса нашел Усова, затем Галушку и Виттена. Новикова, шедшего вторым, найти не могли, никто не заметил куда он спрятался. Долго искали, но все было безрезультатно. Кругом было тихо. У Новикова было пять банок консервов, а у них всего три банки и кусок хлеба. До границы, по расчетам Мировского, оставалось километров тридцать, то есть не менее трех ночей пути. Что с Новиковым, не схватили ли его? Виттен утешал Мировского, что дело не безнадежно, у Новикова достаточно продуктов, есть часы и копия карты от Мерана до швейцарской границы. Но все равно Мировский был расстроен, ведь он взялся выводить русских и они надеялись на его знание местности и знание языков.

Вечером с легкими вещмешками и легкими желудками они двинулись дальше. Стало меньше на одну банку консервов и на кусок хлеба, но никто не падал духом – надеялись, что через три дня они будут в Швейцарии. Шли по полям недалеко от шоссе, чтобы избегнуть встреч с патрулями. Был туман, звезд не было видно, но на западе виднелось светлое пятно, думалось, что это городок Шландерс. Когда городок обходили,

стал слышен бой часов – полночь. Это была десятая ночь их пути и они прошли три четверти всего расстояния. Пошли дальше. Вид их был страшен: все были простужены, временами кашляли, лица впали и заросли, глаза воспалились. Все были грязными, в порванной одежде и обуви. Мировский и фон Виттен не теряли отваги, Усов и Галушка начинали роптать, но еще держались. На следующую ночь беглецы обошли деревню Эйрс и пошли вдоль шоссе, по тропинке. По шоссе на запад шел австрийский обоз, а на расстоянии нескольких шагов от него – группа русских и один чех, бегущие из плена. В темноте ночи австрийские обозные могли думать, что по тропинке идут их товарищи с других возов, а Мировский односложно отвечал на их вопросы. Прошли мимо железнодорожной станции и опять пошли вдоль шоссе, обозов на нем не было.

Беглецы спешили, как могли и вдруг им показалось, что стало светать. Подул ветерок и туман долины Адидже стал быстро редеть. С небольшого расстояния до них донесся бой часов, которые отбили шесть. Они не мешкая соскочили с шоссе и побежали к северу, но горы были далеко. Ясный день заставал беглецов в открытом поле, самое большое метров в пятистах от городка Шлудернс. В довершение всего они увидели, как из городка выехали какие-то кавалеристы по направлению к ним. Слава Богу, в нескольких десятках метров они увидели густой кустарник, бросились на землю и поползли к нему и на счастье укрылись раньше, чем кавалеристы проехали мимо них на шоссе. Несмотря на горячку, голод и пережитые испытания, настроение было приподнятым, они были близки к цели. Еды уже не было и голод заглушали грызя прошлогодние ягоды и стебли кустов. День проходил тихо и они задремали.

После полудня беглецы проснулись от лая собаки. В стороне от кустов шла старушка с собакой. Пес вел себя беспокойно, не слушался хозяйку и порывался к кустам. После напрасных приказов, старушка решила узнать о причине, которая взволновала ее собаку. Она подошла к кустам, где увидела беглецов. Старушка вскрикнула, схватила пса за поводок и поспешила к селению. Времени на размышление не было. Мировский махнул своим друзьям и прижимаясь к земле пополз через поле к шоссе до которого было метров триста. Шоссе было пусто и они благополучно перебежали через него, оттуда – к железной дороге, где и забрались в кусты болотистого берега реки Адидже. Там они прятались до темноты и наблюдали, как из селения вышла большая группа людей и направилась к кустам, к их прежнему укрытию. Никого не найдя они вернулись обратно.

Вечером беглецы стали пробираться вдоль реки, шли по колена в болоте и воде. Река была незамерзшей и решено было попробовать выйти к мосту. Оставив друзей в укрытии, Мировский стал осторожно пробираться к мосту. Сделал десяток шагов, споткнулся о камень и услышал: «Halt! Wer da?» Через мост было не пройти. Нашли широкое, закрытое кустами с обеих сторон, место, где явно было не глубоко и вошли в ледяную воду, которая доходила до колен. Стуча зубами вышли на другой берег и полезли через болото. Это было тяжким испытанием, тем более, что у них не во что было переодеться и переобуться. Ничего не оставалось, как сушиться теплом собственных тел. Они опять вышли к шоссе и старались идти, как можно скорее, чтобы согреться. Перешли еще какую-то маленькую речку и вошли в лес около деревни Тауферс. До границы оставался километр, они были у цели.

Спрятав друзей, Мировский пошел на разведку. Подобравшись к границе он увидел колючую проволоку, которая тянулась с севера на юг, не было сомнения, что граница охранялась. Присмотревшись. Мировский увидел невысокие хвойные шалаши, метрах в 50–70 друг от друга, там явно сидели стражники. Скорее всего это были ополченцы старших возрастов и можно было рассчитывать на их усталость и невнимательность, тем более, что было около 4 часов утра... Мировский вернулся к своим, все объяснил. Они сбились в тесную группку и пошли в середину между шалашами. Всюду было спокойно, только слышалось горяченное дыхание беглецов. Ночь была темной, впереди в долине светилась швейцарская деревушка. Подползли к ограде и стали рубить ржавую колючку секиркой. Из левого шалаша отозвался сильный кашель стражника, но проход уже был готов и беглецы ринулись вперед. Шум пробудил стражни-

Местечко Мюнстер.

ка, он кашляя вылез из шалаша, подошел к месту пролома и разглядел оборванную проволоку и саперную секирку, которую беглецы в спешке потеряли. Ударил выстрел. Тревога! Но друзья уже были далеко и Мировский вскоре наткнулся на отесанный гранитный столбик, а недалеко от него на еще один. Не было сомнения, что это швейцарская граница. Десятимесячные страдания закончились – австрийцы сюда не дотянуться...

«Что с Вами, Мировский? Почему не идете?» – зашептал Виттен. «Мы не должны уже боятся и убегать, – к удивлению его друзей Мировский сказал это в полный голос, – мы в Швейцарии!» Разом забылись все мучения двухнедельного пути, голод и ночевки в снегу.

Мировский знал, что впереди должна быть деревня Мюнстер, а от следующего селения Святая Мария в Италию идет хорошее шоссе и идти всего каких-то 20 километров, тем более, что уже не нужно скрываться. В первом же мюнстерском домике друзья увидели пекаря, только что вытащившего из печи свежие булки. Запах дошел до них, и все встали, как по команде. Пекарь удивился ранним покупателям, но булок дал и австрийских денег не взял. Беглецы приободрились и быстро дошли до домика, где была швейцарская пограничная стража. «Morjen!» – поздоровался Мировский и швейцарец, несколько удивленный их видом, ответил, но успокоенный местным приветствием никого не задержал. Вскоре прошли Святую Марию и двинулись дальше по шоссе в сторону Италии. Но минут через пять беглецов догнали сани с солдатами, которые проскочили вперед и с оружием наперевес перегородили дорогу. Швейцарский унтер-офицер спросил: «Кто Вы?» – «Здешние жители, с гор», – ответил Мировский. «Поехали с нами!» – приказал унтер-офицер. Сели в сани и вернулись обратно в Святую Марию.

Местный воинский начальник внимательно их оглядел и спросил: «Так, собственно, кто вы?» Мировский, с уже слабой надеждой, ответил: «Здешние горцы». Офицер по-немецки обратился к русским, те молчали. Офицер, с усмешкой, повернулся к Мировскому: «И как вам понравились булочки, что вы покупали в Мюнстере за австрийские деньги?» Мировский ничего не ответил и покраснел. Офицер расстегнул на Мировском пальто, под ним оказалась гимнастерка подпоясанная ремнем с русской орленой пряжкой. Показывая на пряжку, офицер снова спросил: «С каких же пор жители граубюнденского кантона не говорят по-немецки, покупают хлеб на австрийские деньги и носят пряжки с русским государственным гербом?!»

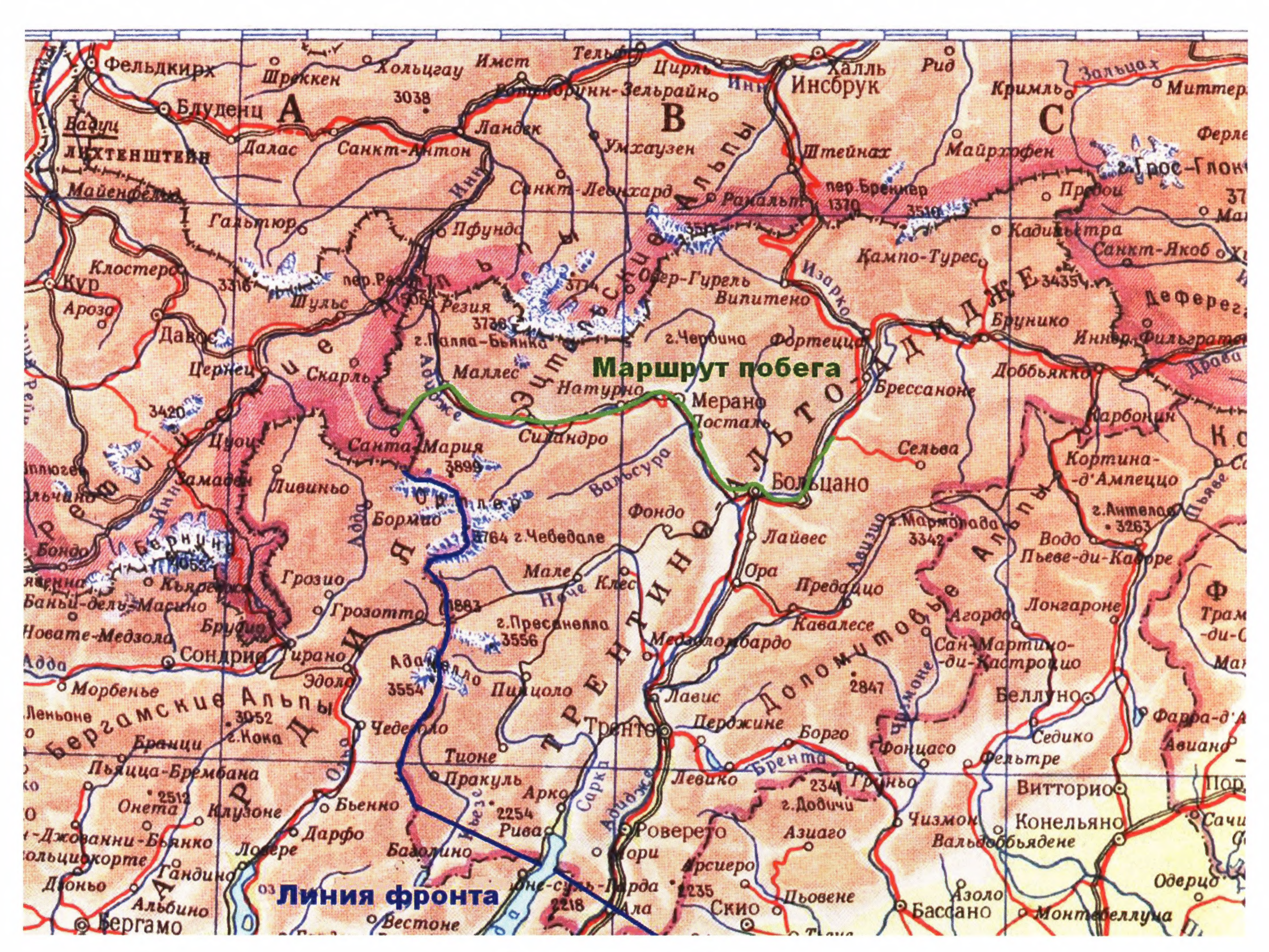
Запираться было бессмысленно и Мировский все рассказал. В ответ, швейцарский офицер объяснил, если они перешли границу без оружия и как беглецы, они не подлежат интернированию, а напротив, после медицинской помощи будут переданы русскому представителю в Берне, получат паспорта и через Францию смогут вернуться в Россию. Выслушав историю их плена и бегства, офицер снял фуражку и бросив в нее двадцатифранковую монету, пустил фуражку по кругу, среди своих солдат. Сбор принес около ста франков. Счастливых беглецов угощали сигаретами, вином и эмментальским сыром. Пришедший лекарь осмотрел их, у всех, после холодной бани в реке Адидже, была повышенная температура. Они вымылись и уснули, проспав 36 часов и после пробуждения распростились с гостеприимной Святой Марией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
Путь домой

Их отвезли в Самадан, недалеко от Санкт Морица, где им надлежало отбыть трехнедельный карантин. На следующий день их ждала неожиданная встреча – к ним в комнату привели Новикова! После того, как улеглась бурная радость, он рассказал свои приключения. После выстрела под Шландерсом, Новиков искал их, но не нашел и ему ничего не оставалось, как идти одному. Руководствуясь схемой и объяснениями Мировского он прошел по горам севернее Тауферса и перешел границу. Виттен и Мировский схватили воспаление легких, остальные отделались сильной простудой и кашлем. Когда всем стало полегче Мировский раскрыл перед друзьями свое инкогнито. Со сцены исчез русский вольноопределяющийся Тираспольского полка Павел Петрович Шевердов-Мировский, а его место занял доброволец 2-й роты Чешской дружины Ян Карел Мерварт.

По окончании карантина и выздоровления их отвезли в Берн, где их приветствовал и благодарил русский военный атташе генерал-майор С.А.Головань. Их переодели, выдали паспорта и билеты до Парижа. На бернском вокзале Ян Карел увидел австрийского военного атташе и не преминул отвесить ему глубокий поклон, на который австриец с удивлением ответил. После прибытия в Париж их временно поселили при посольстве. Сначала русские офицеры из аппарата военного атташе никак не хотели поверить, что чех, бывший вольноопределяющийся австро-венгерской армии, а потом доброволец Чешской дружины, смог прожить в плену десять месяцев и остаться неузнанным. Затем он не только убежал сам, но и привел четверых русских! Только после объяснений барона фон Виттена и подпрапорщика Новикова все разъяснилось и Ян Карел был принят военным атташе графом Игнатьевым.

Ждать отправки в Россию пришлось довольно долго. Усов с Галушкой устроились работать на военную фабрику во Франции, а остальные друзья дождались русского парохода и вернулись через Архангельск в Россию. В начале декабря 1916 г. Яна Карела Мерварта радостно приветствовали его братья-легионеры в 1-м чехословацком полку.

Карта маршрута побега.

